

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное имъ самимъ ¹⁾.

Краткія свѣдѣнія о старшихъ братьяхъ автора. Тверской губерніи Кашиинскаго уѣзда, села Суходола священникъ и благочинный Антонъ Θεодоровичъ Соловьевъ имѣлъ въ живыхъ—возрастныхъ семь сыновей Михаила, Василія, Алексѣя, Іоанна, Илію, Іоанна меньшаго, автора описанія, и Григорія ²⁾; кромѣ сихъ—дочь Татіану, Θεодотія, Арсенія, которые въ младенчествѣ умерли.

1) *Михаилъ*, учившійся въ Кашинѣ, изъ низшаго класса поступилъ въ приказные Тверской духовной консисторіи и, женившись на дѣвицѣ-красавицѣ, 25 лѣтъ умеръ въ 1797 году 4 окт. въ Твери.

2) *Василій*, учившійся въ Тверской семинаріи, изъ поэзіи, по запросу въ 1795 году, поступилъ въ Польшу въ приказные въ г. Гродно; за нравственное поведеніе и чистописаніе перемѣщенъ по

¹⁾ Священникъ Іоаннъ Антоновичъ Соловьевъ родился, какъ самъ свѣдѣтельствуетъ въ своемъ живнеописаніи, въ 1792 году въ селѣ Суходолѣ, Кашиинскаго уѣзда, отъ священника Антона Θεодоровича Соловьева; въ Кашиинское духовное училище поступилъ въ 1800 году, уволенъ изъ философскаго класса Тверской духовной семинаріи въ 1815 году и рукоположенъ во дьячка къ Никольской церкви г. Торжка; въ 1817 году рукопожованъ во священника въ село Жерновку, Тверскаго уѣзда, въ 1824 г. переведенъ къ Новоторжеской Покровской единоиѣрческой церкви, въ 1826 г. опредѣленъ на новооткрытое мѣсто къ Богословской кладбищенской церкви г. Торжка, въ 1851 г. по прошенію уволенъ отъ должности; въ 1855 г. опредѣленъ въ г. Твери на новооткрытое мѣсто къ Затверецкой кладбищенской Неопалимой Купины церкви, въ 1860 г. по преклопности лѣтъ уволенъ отъ должности и проживалъ въ г. Торжкѣ. Здѣсь въ 1866—1868 годахъ онъ занимался составленіемъ своей автобіографіи, которую довелъ почти до послѣднихъ лѣтъ своей службы; не окончивъ вслѣдствіе постигшей автора при описаніи его жизни слѣпоты; умеръ въ 1875 году, но записи о его смерти и погребенія въ метрич. книгѣ не найдено.

²⁾ Григорій младшій, Іоаннъ меньшей старше его годомъ.

приказу губернатора въ Вильно въ губернское правленіе; заслуживъ офицерскій чинъ титулярнаго совѣтника, былъ секретаремъ правленія, былъ женатъ, имѣлъ 4 дѣтей и достаточное положеніе, каменный домъ. Всѣ дѣти, жена и самъ умерли до нашествія французовъ въ началѣ 12 года; домъ и все имѣніе достались въ казну; предъ грозною, сильною войною разыскывать родныхъ было невозможно; въ томъ же 1812 году умеръ и родитель нашъ Антонъ Θεодоровичъ. Братъ Илья (о немъ подробно ниже), бывшій въ 1813 году штабъ-лѣкаремъ 30-го егерскаго полка, сопровождал раненыхъ воиновъ чрезъ Вильно, былъ въ домъ брата Василія и видѣлъ вывѣску на немъ: домъ секретаря Василія Антоновича г. Соловьева—отданъ въ аренду отъ казны.

3) *Алексій*, учившійся въ Кашивскомъ духовномъ училищѣ, изъ школы грамматики, но причинъ головной боли, уволенъ и поступилъ въ Бѣжецкій уѣздный судъ копистомъ; за отличное поведеніе и чистописаніе вытребованъ губернаторомъ на службу въ губернское правленіе и жалованъ чиномъ канцеляриста, который чинъ по тогдашнему времени рѣдкіе имѣли; право носить мундиръ, шпагу рѣдкіе имѣли изъ подьячихъ, кромѣ секретарей и судей изъ дворянъ; въ столицахъ же были жалованы и подьячіе мундиромъ и шпагою, а потому и возродилось въ сердцѣ Алексѣя желаніе достигнуть знатности сей. По аттестату честной нравственности и чистописанія, которое по тогдашнему времени было въ великомъ уваженіи, переселился въ Петербургъ и принять былъ въ Сенатъ и чрезъ немного лѣтъ достигъ сей знатности. Но какъ человѣкъ вообще наклоненъ къ свѣтлостямъ видимыхъ знаковъ, то и братъ предъщенъ былъ военнымъ мундиромъ, а при немъ шпага съ темлякомъ, шарфъ, сапоги со шпорами; а какъ онъ былъ по росту высокій, лицомъ бѣлый, видомъ мужественный, то по прошенію поступилъ въ гвардію и принять утеръ-офицеромъ. Но военная въ мирное время жизнь самая веселая, разгульная, для брата же по финансамъ скудная, родителю по обременительности семейства помогать было не изъ чего; военное званіе свойственно только дворянамъ въ тогдашнее время: они имѣли крестьянъ, получали съ

нихъ оброки денежные и могли жить свѣтло и разгульно. Поэтому братъ, дослужившись до перваго офицерскаго чина прапорщика и не имѣя достаточнаго содержанія на обмундировку, вышелъ въ отставку и, чтобъ сыскать себѣ кусокъ хлѣба, опять опредѣлился въ Сенатъ, гдѣ прослуживъ неизвѣстно сколько лѣтъ, по дороговизнѣ всего жизненнаго въ Петербургѣ перешелъ на службу въ г. Саратовъ; дальнѣйшая его жизнь и время кончины неизвѣстны. Къ чести его нужно сказать, что онъ не имѣлъ пристрастія къ женскому полу; жизнь его была весьма разгульная, но несомнѣтельная съ пути благочестія и религіи христіанской. Онъ былъ у родителя въ 1804 году на праздникъ Святой Христовой Пасхи вмѣстѣ съ братьями Иваномъ 1-мъ и Ильею; одѣтъ былъ по формѣ статской службы. Болѣе объ немъ никакихъ свѣдѣній не имѣю.

4) *Иванъ* большой—старшій. Не запомню, въ которомъ году онъ поступилъ въ Кашинское духовное училище; успѣвалъ по всемъ предметамъ и получалъ за хорошіе—похвальные успѣхи изукрашенные аттестаты за подписаніемъ начальника, надзирателя и учителей; въ три года прошелъ все классы: чистописаніе, вышнюю фару, вышнюю информаторію, инфиму, аналогію, грамматику; переводъ по онымъ былъ по третямъ. Въ синтаксисѣ—последнемъ классѣ—установлено было учиться цѣлый годъ, гдѣ занимались латинскимъ языкомъ, конструкціями, переводами изъ Ціцерона, Виргилія, Гомера, Овідія и пр. на чистый русскій языкъ. За хорошіе успѣхи братъ переведенъ былъ въ Тверскую семинарію въ классъ поэзіи—сочинять стихи, гдѣ учились одинъ годъ, и переведенъ въ реторику, гдѣ обучались два года; класса элоквенціи уже не было, нарушенъ; въ оный избирались и поступали ученики весьма отличныхъ дарованій. Черезъ два года въ философію и черезъ два же года въ богословію, гдѣ продолжали ученье 4 года именно потому, что строгій архіерей Меодій во священника не производилъ богослововъ, а во дьякона на три года, во священники же производилъ изъ причетниковъ и недоученыхъ дьяконовъ. Брату итти въ духовное званіе не было наклонности; ему желательно было занять мѣсто въ дворянскомъ училищѣ, гдѣ онъ уже преподавалъ партикулярно; но архіерей никого не выпускалъ изъ ду-

ховнаго званія, между тѣмъ окончившіе узаконенный курсъ продолжали числиться въ богословіи до 6, 8 и 10 лѣтъ, должны были ходить въ школу и заниматься богословскими предметами наряду съ молодыми; которые не ходили, тѣхъ записывали въ журналъ и такихъ нерадивыхъ и ослушниковъ наказывали розгами, а въ 1806 году попавшихъ въ журналъ за пехожденіе въ школу отдавали въ военную службу, и такихъ поступило изъ семинаріи болѣе 100 человекъ, а со всей епархіи съ заштатными послушниками монастырей, безстѣхарными причетниками и замѣченными въ дурное поведеніе болѣе 1000 человекъ отданы въ военную службу.

Въ 1809 году открылись духовныя училища по уѣзднымъ городамъ, и братъ, послѣ 4-хъ лѣтъ ученія въ богословіи, опредѣленъ въ учителя въ Красный-Холмъ въ ново-открытое духовное училище, гдѣ проходилъ должность 13 лѣтъ, исправлялъ должность инспектора, преподавалъ латинскій языкъ, исторію, географію и ариметику; онъ имѣлъ собственный домъ, купилъ пахотную землю, женился на дворянкѣ—барышнѣ съ тѣмъ, чтобы поступить на свѣтскую службу, но какъ глаза его отъ преподаванія географіи испортились, то не былъ принятъ; ему посоветовали тогда поступить въ духовное званіе, гдѣ можно по времени изучить службу на память, и онъ подалъ прошеніе на праздное мѣсто въ Вессегоонскъ въ соборъ во священника, но сіе мѣсто ему не предоставлено потому, что изъ села Василева велѣно вывести священника съ семействомъ большимъ; братъ же священника былъ пѣвчимъ архіерея Іоны Павинскаго, упросилъ Владыку перемѣстить въ городъ брата—священника, а учителю Соловьеву предоставить мѣсто въ селѣ, если пожелаетъ Село Василево въ 20 верстахъ отъ города и по доходности довольно хорошее; братъ согласился и рукоположенъ во священника этого села. Преосвященнымъ Амвросіемъ удостоенъ быть благочиннымъ и награжденъ набедреникомъ, имѣлъ собственный домъ и все заведеніе отличное; дѣтей было у него 5, три сына и двѣ дочери; въ концѣ 1836 года заболѣлъ горячкой и умеръ 23 дек. 50 лѣтъ.

5) *Илья*—поступилъ въ Кашиинское духовное училище вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, но въ которомъ году, неизвѣстно. Изъ

сохраненнаго же мною его аттестата видно, что онъ получилъ похвальный листъ въ 1799 г. за подписаніемъ надзирателя протіона Дмитрія Верещагина и учителя Антипа Приклонскаго, въ которомъ (листѣ) объяснено, что онъ оказывалъ по всѣмъ предметамъ успѣхи похвальные, а потому и переводимъ былъ изъ низшихъ классовъ по третью безпрепятственно и, по окончаніи всѣхъ училищныхъ классовъ, переведенъ въ Тверскую семинарію въ классъ поэзіи въ 1800 г., продолжая курсы ученія безостановочно съ хорошими успѣхами, и въ 1806 г. окончилъ курсъ богословскихъ наукъ. По окончаніи по запросу поступилъ въ медико-хирургическую академію въ Петербургъ, черезъ два года переведенъ съ товарищами въ Москву на медицинскій факультетъ университета, тамъ окончилъ курсъ съ чиномъ лѣкаря и назначенъ въ 30-й егерскій полкъ, потомъ удостоился получить чинъ штабъ-лѣкаря; до 12 года полкъ стоялъ въ г. Луцкѣ, въ 1813 г., по назначенію главнаго доктора Якова Виллимовича Вилліе, отправленъ съ больными и плѣнными французами въ Тверской военный госпиталь. Въ это время посѣтилъ свою родину, село Суходоль, но родителей въ живыхъ уже не было: онъ скончался въ 1812 г. 12 февраля; гостилъ почти весь Великій постъ у матери, которая приняла его съ радостью и вмѣстѣ съ воплемъ и рыданіемъ, потому что родители не было въ живыхъ; извѣстили брата-учителя, и онъ пріѣзжалъ изъ Краснаго-Холма для свиданія. При отъѣздѣ своемъ на родину въ Суходоль оставилъ въ Тверской больницѣ своего больного денщика-солдата, и меня, уже бывшаго ученикомъ семинаріи, просилъ наблюдать за нимъ и при выздоровленіи его удовлетворить какими-нибудь сластями, и для этого оставилъ мнѣ денегъ; еще изъ привезенной бѣлой кожи велѣлъ сшить 10 паръ сапоговъ и отшакировать ихъ. Я все это исполнялъ, и за труды мои братъ Илья купилъ мнѣ пуховую шляпу за 6 руб.; денегъ у него было 50 руб.: серебряныхъ, по тогдашнему курсу 200 руб. ходячею монетою; прегостилъ братъ у матери около мѣсяца; мать и братъ уговаривали его остаться въ Твери при больницѣ, но онъ отозвался, что генераль-докторъ обѣщалъ, что, если онъ возвратится благополучно къ должности, наградить его чиномъ и даже каван-

дерей. По возвращеніи съ родины началъ собираться въ дорогу; испросилъ отъ губернатора подорожную и прогонныя деньги; губернаторъ упрасивалъ его опредѣлиться въ Твери при больницѣ, такъ какъ городского доктора не имѣлось, но онъ отозвался, что далъ вѣрное слово генераль-доктору Вилліе возвратиться непременно въ гор. Вильно къ своей должности и измѣнить слово не согласенъ. И такъ, получивши подорожную и прогонныя деньги, съ денщикомъ своимъ отправился на лихой тройкѣ черезъ гор. Старицу; это было въ первыхъ числахъ апрѣля 1813 г., предъ Свѣтой Христовой Пасхой. Умеръ братъ Паша въ г. Луцкѣ въ 1814 г. 30 лѣтъ отъ роду, но извѣстіе о смерти его получено только въ 1822 г. 18 февраля отъ офицера Сидорова, служившаго въ томъ же 30 егерскомъ полку; имъ же сообщено, что имѣніе и всѣ вещи свои братъ приказалъ отдать какому-то племяннику, служившему въ томъ же полку; братъ Илья Антоновичъ г. Соловьевъ былъ холостой.

Жизнь Ивана Антоновича Соловьева младшаго. Дѣтскія лѣта его ¹⁾. 6) *Иванъ* младшій. По показанію Суходольскаго дьякона Михаила Львова Третьякова, я родился въ 1792 г., но такъ какъ родился слабымъ, хилымъ, близкимъ къ смерти, то родителями въ метрическую книгу не вписанъ, ибо при записи въ метрику нужно было платить денежную пошлину, а деньги въ старину были очень дороги; въ 5 ревизіи, которая производилась въ 1795 г., я означенъ 3-хъ лѣтъ. Родился я въ житномъ амбарѣ, а не въ ржапомъ (было у родителя два амбара), потому что мать родителя не любила свою сноху, мою мать, и вытѣснила ее изъ дому во время родильныхъ мукъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ моего рожденія появилась въ соседствѣ страшная заразительная болѣзнь оспа (прививаніе тогда не было еще въ употребленіи), и я заразился этою болѣзнью до того, что слѣпъ былъ. Родителямъ нужно было ѣхать въ гости къ родителю моей матери, дьякону села Бѣлаго, Бѣжецкаго уѣзда, отстоящаго отъ с. Суходола въ 30 верстахъ; уѣзжая, они позвали дьякона, выдали ему все нуж

¹⁾ Жизнь 7 брата *Григорія* описана авторомъ сихъ записокъ, Иваномъ Антоновичемъ, совместно съ своею жизнью.

вое для моего погребенія и приказали меня мертвого во гробѣ вынести въ церковь до пхъ прїѣзда, такъ какъ не имѣли никакой надежды на мое выздоровленіе. Но по отъѣздѣ родителей оспа на мнѣ стала уменьшаться, нарывы стали прорываться; въ 5-й день прїѣзжаютъ родители; я лежу на печкѣ; мать, входя, говорить: что, умеръ? а я, услышавъ ея голосъ, вскрикнулъ: матушка! дай поѣсть? — А! да онъ живъ? Отецъ воскликнулъ: «Чудны дѣла Твоя, Господи! мертвыхъ воскрешаешь!» Постепенно силы мои стали возстановляться, и я выздоравливалъ совершенно. Изъ младенческихъ лѣтъ не многое сохранилось въ моей памяти, только до сихъ поръ очень ясно помню, что сначала мы жили въ домѣ дѣдушки, отца родителя моего; въ домѣ печь была изразцовая, расписана разными звѣрками, которыми я очень любовался, но потомъ бабушка этотъ домъ перевезла въ село Грачи къ зятю-священнику. Обыкновенно всегда мать имѣетъ больше любви и состраданія къ дочери, чѣмъ къ сыну, и рѣдко можно замѣтить, чтобы свиха была въ любви у свекрови, а больше бываетъ въ ненависти.

Родителю моему пришлось лѣто жить въ омшаникѣ; а другой омшаникъ онъ передѣлалъ на избушку окнами въ садъ; въ омшаникѣ вмѣсто пола настлана была солома. Въ Петровъ постъ, помню, въ этомъ омшаникѣ батюшка принялъ и угощалъ отца благочиннаго, священника г. Кашина при церкви (Богородицерождественской), зовомой на Болотѣ, имени его не помню. Въ слѣдующую зиму родитель началъ устривать себѣ новое жилище. За 40 верстъ, на родинѣ матери, у помѣщика Татищева онъ купилъ болѣе 100 деревъ, которыя перевозили прихожане, мы же жили въ малой хатѣ; изъ этой хаты въ 1795 г. мой крестный, братецъ Василій Антоновичъ, по запросу Императрицы отправился въ Польшу въ приказные, и родитель далъ ему въ награжденіе 50 р. ассигн. Въ 1796 г., помню, въ пятницу послѣ Николы, это было въ новомъ домѣ, въ полночь прїѣхали засѣдатель и подьячій, входятъ въ домъ, требуютъ непременно явиться всѣмъ духовникамъ налицо, десятскихъ послали по всѣмъ деревнямъ прихода, чтобы изъ каждаго дома явились въ церковь по одному человѣку дать присягу на вѣрность новому Императору Павлу Петровичу. Мать Его, Государыня Екатерина II, 5 декабря

скончалась скоропостижно (Екатерина II-я, какъ извѣстно, скончалась 6-го ноября), а новый Царь—строжайшій, а потому и повелѣно, не взирая ни на какія препятствія и даже ночью, привести къ присягѣ на подданство. Въ полночь приказано пономарю, старику Степану, звонить въ большой колоколъ для сбора крестьянъ прихожанъ къ молебну и присягѣ. Долго онъ звонилъ въ одинъ колоколъ, пока не собрались по повѣсткѣ изъ 4-хъ деревень, разстояніемъ отъ церкви не болѣе версты, и потомъ ударилъ во всѣ колокола. Родитель и судьи отправились въ церковь, гдѣ, вычитавъ указъ, отслужили молебенъ, провозгласили многолѣтіе новому Царю и прочитали присягу; присягавшіе облобызали св. крестъ и Евангеліе; для подписи пришли въ домъ родителя судьи, церковники, старосты, сотскіе, десятскіе и волостной писарь, который за всѣхъ крестьянъ подписался; родитель угощалъ судей простой водкой; закуска была—хлѣбъ, огурцы, яблоки моченые, брусника съ медомъ. Я, проспавшись отъ шума при ихъ пріѣздѣ и сидя на палатихъ, все примѣчалъ и твердо помню, что разговоры были о строгости Царя; изъ нашего села судьи поѣхали въ село Кесово.

По прибиженіи лѣта, обнародовано царское повелѣніе, чтобы всѣмъ священноцерковнослужителямъ обрабатывать всю землю безденежно прихожанамъ, какъ номѣщикамъ-боярамъ, слѣдовательно и безъ обѣдовъ и угощенья. Но родитель мой изъ сожалѣнія всегда давалъ имъ пищу и удовлетворительное питье—вино и пиво; причетники, впрочемъ, мало пользовались пособіемъ крестьянъ; они были семейные и болѣе сами обрабатывали свои участки; родитель посылалъ меня въ деревни повѣстить десятскимъ, чтобы собрать народъ на работу, и при работахъ заставлялъ меня присматривать, чтобы не стояли праздно, и носить имъ пищу и квасъ. Хотя и трудно было утромъ рано вставать, но я изъ послушанія родителя никогда не выходилъ.

Не помню хорошо, когда родитель началъ учить насъ грамотѣ съ братомъ Григорьемъ, только братъ былъ моложе меня годомъ; вѣроятно, я былъ 6-ти лѣтъ, а братъ 5-ти; онъ самъ вызвался вмѣстѣ со мною учиться; намъ дано было по новой

церковной азбукѣ, и мы принялись за науку съ радостью, какъ за какую-нибудь дѣтскую игрушку; но братъ мой младшій усиѣвалъ быстрѣе, а я медленнѣе; родитель, замѣтя мою неспособность понимать литтеры и ихъ замѣчать, заставилъ меня писать азбуку, и я, пиша каждую букву по цѣлой страницѣ, запомнилъ ихъ, но складывать слова, особенно подѣ титлами по церковной печати, для меня было очень затруднительно, и я съ большимъ трудомъ окончилъ церковную азбуку. Родитель, соскучивъ съ нами заниматься ученіемъ, имѣя заботы о приходѣ и хозяйствѣ и къ тому еще получивши должность благочиннаго (онъ окончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ Троицкой лаврѣ), размыслилъ насъ отдать въ село Разсудово, отстоящее отъ Суходола въ 3-хъ верстахъ, оставшему дьячку Андрею, у котораго училось еще, кромѣ насъ, 5 мальчиковъ крестьянскихъ; онъ занимался съ нами очень усердно, а по временамъ замѣнялъ его сынъ, дьячекъ Василій. Братъ Григорій учился остро и удачно, а я тупо: памяти и дарованія не было, природа ими меня не одарила; онъ началъ учить уже Псалтирь, а я еще досучивалъ Часовникъ. Наканувъ Николина дня училъ я псаломъ великаго повечерія и читалъ стихи: «Бдѣхъ и быхъ яко птица особащася на здѣ», взглянулъ въ окно, увидѣлъ родителя, пріѣхавшаго за нами взять насъ на праздникъ, и, очень обрадовавшись, закрылъ книгу. Этотъ стихъ такъ врѣзался въ мою память, что я и дома постоянно повторялъ его, и онъ уже никогда изъ памяти моей не выходилъ. На вопросъ родителя, какъ мы учимся, учитель нашъ отвѣтилъ: «Григорій хорошо успѣваетъ, а Иванъ нѣтъ, забывчивъ на память». Родитель отвѣтилъ: «мнѣ жаль его; вы поприлежниѣ съ нимъ позаимитесь; я особенно васъ возблагодарю». Мы поѣхали домой и взяли съ собой книги, думая, что опять не возвратимся; но послѣ Николы опять свезли насъ въ Разсудово учиться до Рождества Христова. Къ этому празднику пріѣхала за нами мать. Григорій славилъ Христа съ родителемъ, а я оставался дома, не зная пѣть стиховъ, а два брата, которые учились въ Каппинѣ, славляли особо; имъ давали по рѣшету овса. Послѣ Рождества насъ опять свезли въ Разсудово къ дьячку Андрею; братъ продолжалъ учить Псалтирь, а я Часовникъ; къ Св. Пасхѣ

онъ окончилъ Псалтирь, а я Часовникъ. Въ Великую среду пріѣхали родители и повезли насъ въ село Кесово къ духовнику о. Іоанну Шапошникову исповѣдываться; онъ былъ общій духовникъ всего вѣдомства и имѣлъ скуфью; намъ съ братомъ пришлось исповѣдываться въ первый разъ. Послѣ исповѣди отца и матери о. Іоаннъ подзвалъ меня къ себѣ и говорить: «сказывай, не ослушался ли отца и матери? не бѣгалъ ли отъ ученія? играя на улицѣ, не билъ ли кого рукою?» предлагая и др. вопросы, положенные для исповѣди малолѣтнихъ. Я боялся ему отвѣчать правду, думая, что онъ скажетъ отцу и матери—и меня высѣкутъ лозами, и на воѣ вопросы отвѣчалъ словомъ—нѣтъ, не понимая, что такое исповѣдь. Пріѣхавши домой, родитель вечеромъ долго читалъ положенное правило ко причащенію; поутру въ Великій четвергъ мы причастились, и принятіе св. Даровъ для меня было пріятно, вожделѣнно; послѣ я много разъ спрашивалъ матушку: «когда мы будемъ еще причащаться?» Лѣтомъ Разсудовскій дьячекъ, занимаясь обработкою земли, отказался насъ учить, и родитель, не желая насъ на все лѣто оставить безъ ученія, поѣхалъ въ село Бѣлое, къ брату моей матери, который былъ дьячкомъ въ этомъ селѣ и имѣлъ 4-хъ дочерей, изъ которыхъ одна Евдокія Алексѣевна—умѣла читать и писать; ее родитель взялъ съ собою домой, чтобы она насъ съ братомъ продолжала учить. Пріѣхавши, Евдокія Алексѣевна начала со мною учить Псалтирь, и я эту книгу, какъ новую игрушку, очень охотно принялъ, думая, что въ ней все скоро пойму; но моя надежда была ошибочна: читать подъ титлами и понимать было очень затруднительно; братъ Григорій уже повторялъ Псалтирь, и ему было много легче моего. Однажды родителей дома не было, а Евдокія Алексѣевна вышла въ садъ и замышкалась. Я воспользовался ея отсутствіемъ и, закрывъ книгу, убѣжалъ на улицу поиграть съ ребятами; воротившись, она позвала меня домой и стала грозить, что скажетъ отцу, и выдрала меня за уши. Въ обидѣ я наговорилъ ей такихъ словъ и нелѣпостей, которыя и помнить здѣсь ужасаюсь. Сестра изумилась и спрашиваетъ: «понимаешь ли ты эти слова и гдѣ имъ научился? Я непременно скажу объ этомъ отцу и матери, да вотъ они и ѣдутъ». Я бухъ ей

въ ноги и началъ молить ее: «не сказывай, пожалуйста; я буду теперь учиться усердно и всегда тебя слушаться». Входятъ отецъ и мать и спрашиваютъ: учелся ли? не бѣгалъ ли на улицу? У меня сердце странно дрожало, боялся, что скажетъ, однако не сказала, и я остался цѣль, даже по головкѣ погладили меня. Весь годъ я училъ Псалтирь и насилу кончилъ: очень трудно было заниматься этимъ чтеніемъ.

На слѣдующее лѣто родитель отвезъ насъ съ братомъ въ село Кесово къ дьячку Ивану Аванасьеву, который умѣлъ очень исправно хорошо писать; въ писаньи я успѣвалъ и не скучалъ. У него, кромѣ насъ, обучались еще села Гуцина сынъ священника Иванъ Радикорскій и села Прилукъ сынъ дьячка Иванъ Куницынъ, который былъ старше меня. У дьячка была сестра, имени ея не упомяну, къ ней часто приходила подруга, дочь священника того же села Акулина; обѣ онѣ были лѣтъ 15-ти. Куницынъ, малый удалой—рѣзвый, началъ съ ними поигрывать и, увидя на ихъ рукахъ кольца, отнялъ и отдалъ ихъ мнѣ говоря: «домой поѣдешь, тамъ продай, а деньги мы проѣдимъ на калачахъ и гороховникахъ». Это было въ праздникъ отданія Пасхи. Пріѣхавши домой, я на улицѣ показывалъ кольца ребятишкамъ и дѣвченкамъ, но никто не согласился ихъ купить; въ это время мать позвала меня париться. Убравши кольца въ карманъ сюртука и раздѣвшись, я полѣзъ въ печку (бань во всемъ уѣздѣ по недостатку дровъ ни у кого, кромѣ господъ, не было), и во время моего паренья мать нашла въ карманѣ два серебряныхъ кольца и показала отцу; отецъ сталъ допрашивать: гдѣ взялъ, не укралъ ли? Я оправдывался, что я самъ не бралъ, а далъ мнѣ Куницынъ, и братъ Григорій помогалъ мнѣ въ оправданіи. Но отецъ ничего и слышать не хотѣлъ и рѣшилъ такъ: «хотя и не ты взялъ, но зачѣмъ чужое продавалъ, это шалость непростительная; завтра послѣ обѣдни я тебя высеку!» Сердце мое замерло. За заутреней и обѣдней я очень усердно молился Богу, чтобы Онъ отвратилъ отъ меня грозу родительскую, но молитва моя не была услышана, потому что была грѣховна. Послѣ обѣдни и обѣда родители легли отдохнуть, а я все мучился и плакалъ, ожидая со страхомъ обѣщаннаго наказа-

нія. Проснувшись, отецъ призвалъ меня и опять спрашивалъ: гдѣ я взялъ серебряныя кольца? Я сталъ оправдываться опять, но отецъ крикнулъ: это не оправданіе! Пошелъ въ садъ, нарѣзалъ березовыхъ прутьевъ и связалъ ихъ, пришедши, схватилъ меня и ущемилъ мою голову между ногъ, а мать держала мои ноги, и началъ очень больно стегать, приговаривая: «не бери чужія кольца, не играй съ дѣвками, а учись хорошенько и будь скромнѣе!» Послѣ трехъ дней отецъ самъ свезъ насъ въ Кесово къ дьячку, отдалъ кольца, разсказалъ, что за эти кольца виновника больно наказалъ, и просилъ дьячка строже за нами слѣдить. — Я началъ писать со склада, писаннаго рукою дьячка (прописей печатныхъ тогда еще не было), и писалъ очень порядочно; меня этотъ видимый предметъ веселилъ, а чтеніемъ Псалтири попрежнему скучалъ.

Въ селѣ Разудовѣ назначено было освященіе храма, и отецъ съ матерью были приглашены на оное. Я сталъ просить ихъ взять меня съ собою; отецъ сначала не соглашался, говоря: «куда тебя взять? народу будетъ множество, тебя задавятъ». «Я буду сидѣть въ телѣгѣ, сказалъ я, и караулить лошадей. Разсѣявшись», родители взяли меня; подѣхали къ церкви, родители пошли въ церковь, а я остался въ телѣгѣ. Долго я ждалъ ихъ и сталъ бояться, что родители уйдутъ домой пѣшкомъ, а я какъ побѣду одинъ лѣсомъ? Слѣзъ съ телѣги и пошелъ въ церковь отыскивать родителей; народу въ церкви очень много, пройти невозможно; одинъ мужикъ поднималъ меня и сказалъ: «ползи по головамъ!» Я поползъ и доползъ до лѣваго клироса; тутъ меня сняли и смѣялись: «ну, удалецъ малый!» Я взошелъ въ алтарь и, увидя какого-то монаха и отца стоящими у престола, смиренно смотрѣлъ и молился Богу. Послѣ обѣдни отецъ и мать, взявши меня, поѣхали къ священнику обѣдать; за обѣдомъ спросили меня: какъ я попалъ въ церковь? Я разсказалъ; всѣ смѣялись, смѣялся и монахъ, сидѣвшій въ переднемъ углу стола. Это былъ святитель церкви, Кашинскаго Клобукова монастыря строитель Авраамій, дальній родственникъ родителю моему. Дома я всѣмъ разсказывалъ, какъ попалъ въ церковь, всѣ дивились моему удачеству и смѣялись. Лѣтомъ дома больше занимался писаніемъ складовъ, чѣмъ чтеніемъ, которое мнѣ

весьма паскучивало. Замѣтивъ это, отецъ мой часто говаривалъ мнѣ: «читай, по крайней мѣрѣ, 17 каѳизму: она весьма пригодна, по ней поминаются умершіе родители». Это наставленіе родителя моего осталось въ памяти на всю мою жизнь, что можно усмотрѣть изъ послѣдующихъ моихъ лѣтъ въ должности священства. Наступало время отдавать насъ съ братомъ въ настоящую школу, но чтобы приняли туда, нужно было, кромѣ чтенія и писанія, знанъ и церковное пѣніе. Поэтому родитель въ масляную подрядилъ учить насъ пѣть лакея, бывшаго и регентомъ, Максима, который жилъ въ селѣ Гуцинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ нашего села, и принадлежалъ дѣвницѣ-дворянкѣ Настасьи Ивановнѣ Кожинной; Максимъ взялся насъ съ братомъ выучить пѣть Октоихъ за 3 руб. ассигн. и за сколько-то мѣрѣ солоду и овсяныхъ крупъ; на 3-й недѣлѣ Великаго поста самъ родитель отвезъ насъ въ Гуцино, и мы въ остальное время поста выучили мудреную съ варіаціями нотную азбуку; у меня голосъ былъ способный, но у брата Григорія понятія больше, и память тверже; вмѣстѣ съ нимъ я пою хорошо, а одинъ смущаюсь; вообще же у меня было больше охоты къ пѣнію и писанію, чѣмъ къ чтенію Псалтиря. Послѣ Пасхи начали изучать Октоихъ и учились до Петрова дня, но не кончали Октоихъ, ему и слѣдующее лѣто учились до Петрова дня, и тогда только кончили.

(Продолженіе будетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Школьные лѣта о. Соловьева. Въ сентябрѣ родитель вздумалъ меня съ братомъ Григорьемъ отдать въ духовную школу въ г. Кашинь, но какъ въ тогдaшнее время въ духовныя школы принимало не училищное начальство, а только одинъ архіерей, то послѣ храмового праздника Архистратига Михаила (6 сент.) родитель повезъ насъ въ Тверь, гдѣ старшіе братья обучались въ семинаріи; тамъ написали прошеніе къ архіерею Павлу II, чтобы благоволилъ насъ принять и записать въ Кашинскую духовную школу; пришедши съ нами въ архіерейскій домъ съ прошеніемъ, родитель секретарю Владыки далъ 10 кашинскихъ фигурныхъ бѣсѣдокъ на 80 коп. и полштофъ бѣлаго винограднаго вина; секретарь отвесъ прошеніе къ архіерею, и онъ потребовалъ насъ на лице; мы, взошедши, поклонились ему до земли и благословились;

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г. № 13.

онъ погладилъ насъ, дѣтей, по головкѣ, далъ по большому яблоку и спросилъ, умѣемъ ли мы читать, писать и иѣть октоихъ, но ничего не испытывая; только родитель показалъ ему тетради нашего частописанія. «Хорошо, сказалъ Владыко, я пошлю указъ въ Кашиинъ; съ Богомъ ступайте!» Я замѣтилъ, что одинъ глазъ у Владыки былъ закрытъ, и онъ старый, сѣдой, ростомъ высокій. Указъ изъ походной конторы Владыки былъ посланъ въ семинарскую контору, — такъ называлось тогда семинарское правленіе, — а изъ оной въ г. Кашиинъ къ надзирателю школы, такъ тогда назывался смотрителя; это было въ 1810 году, мнѣ тогда было 10 лѣтъ, а брату Григорію 9 ¹⁾).

Пріѣхавши изъ Твери, мы прожили дома до 29 сентября, потомъ отправились въ г. Кашиинъ и 30-го явились съ родителемъ къ надзирателю школы, соборному протоіерею Димитрію Θεодоровичу Верещагину, съ подарками, которые заключались въ рублѣ мѣди и полуштофѣ французской водки; онъ принялъ насъ благосклонно, сказавши, что указъ о принятіи нашихъ дѣтей въ школу полученъ, далъ намъ по яблоку своего сада, погладилъ наши головы, замѣтилъ, что для легкости и отличія нужно насъ остричь, и велѣлъ явиться къ брату его, учителю Василию Θεодоровичу, жившему въ верхнемъ этажѣ того же дома; явился къ учителю, родитель далъ ему рубль мѣдными деньгами и полуштофъ бѣлаго винограднаго вина въ 30 к. мѣди; онъ поднесъ родителю рюмку простой водки и сказалъ: «Завтра Покровъ Богородицы; должны идти къ заутренѣ и обѣднѣ въ ближайшую церковь, гдѣ имѣете квартиру; помолитесь Господу и Матери Его, чтобы открылъ вамъ познаніе и разумѣніе въ ученіи». 2 октября явились въ школу, находившуюся въ праздныхъ кельяхъ Дмитровскаго монастыря, въ коемъ былъ строителемъ іеромонахъ Самуилъ. Учитель В. Θ. Верещагинъ посадилъ насъ по срединѣ первой парты, меня, какъ

¹⁾ Равнѣ говорено было, что Іоаннъ младшій родился въ 1792 году и въ 5-й ревизіи 1795 года ему показано было 3 года, значить въ 1810 году ему было только 8 лѣтъ, а Григорію 7 лѣтъ; которая дата лѣтъ вѣрнѣе, трудно опредѣлить.

старшаго, выше, а брата ниже; писали склады съ печатной прописи, при окончаніи класса подали ему на разсмотрѣніе; подписаль на моей тетради: не худо, а на братней—довольно порядочно; при выходѣ изъ класса въ обѣдъ велѣлъ одному ученику стричь наши волосы; тогда мода была стричь половину головы, а затылокъ заплетали въ косу и завязывали снурками; за работу стригшему насъ дали 5 коп. мѣдн. Учитель на вечеръ назначилъ урокъ изъ малаго катихизиса пять строчекъ; братъ выучилъ скоро, а я училъ долго и все-таки зналъ не твердо; когда пришелъ въ классъ, аудиторъ-ученикъ выслушалъ насъ и записалъ въ журналъ меня—не худо, а брата—хорошо; учитель, разсмотрѣвши отиѣтки аудитора, брата похвалилъ, а мнѣ сказалъ: «хоть большой братъ, а видно слабая у тебя память», и брата посадилъ выше меня. Во вторникъ послѣ обѣда былъ классъ пѣнія; учитель прослушалъ наше пѣніе изъ октоиха; мы пропѣли хорошо, и учитель поручилъ намъ должность обучать пѣнію другихъ, и мы съ братомъ оба успѣвали въ этой должности; у меня голосъ былъ способнѣе братняго дисканта, и учитель записалъ меня въ пѣвчіе—пѣть въ праздникъ въ церкви на клиросѣ, и это меня, глупаго, очень радовало, что я хотѣ по временамъ буду избавляться отъ ученія уроковъ. Для меня очень тяжело было выучивать уроки наизусть, хотя я весьма старался и долго просвѣживалъ по нотамъ, чтобы выучить тверже уроки.

Начальствомъ предписано было, чтобы ученики по праздникамъ читали въ церкви по очереди; мнѣ досталось читать первый часъ; я началъ читать слабо и вяло, и меня переменяли; тогда я всталъ противъ образа Божіей Матери и началъ молиться и кланяться въ землю, держа въ умѣ сію молитву: «открой мнѣ, Господи, познаніе ученія и память!» Колѣнопреклоненную, земную молитву я продолжалъ все время общаго молебна; народъ, видя меня постоянно кланяющагося въ землю, удивлялся и думалъ: въ умѣ ли? Товарищи на клиросѣ смѣялись, а пономарь сталъ упоминать меня, но я не слушался и продолжалъ въ землю кланяться до окончанія службы. Священникъ послѣ службы позвалъ меня въ алтарь и спросилъ: зачѣмъ и молился во время службы все

въ землю? Это блазнительно. приводить всѣхъ въ смѣхъ! Я отвѣчалъ: «Я такъ молился, чтобы Богъ и Небесная Царица открыла во мнѣ понятіе въ ученіи и память». «Это хорошо, сказалъ священникъ, но только такъ нужно молиться въ квартирѣ, и ночью, когда всѣ спать, а въ церкви нужно молиться одинаково со всѣми и слушать, что читаютъ и поютъ». По благому совѣту добраго священника я началъ молиться по ночамъ, чтобы Богъ открылъ мнѣ понятіе и память. Товарищи, видя меня часто въ уныніи и слезахъ, посоветовали мнѣ, съ вечера выучивши урокъ хотя не очень твердо, проснувшись ночью и перекрестясь на постелѣ, постараться вспомнить выученное; я это исполнилъ и помню—на Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы намъ данъ былъ урокъ изъ малаго катихизиса въ 10 строкъ; съ вечера я выучилъ оный не твердо, но въ полночь, проснувшись и перекрестясь, я прочиталъ разъ, другой и третій; обрадовался знанію своему очень; въ школѣ авдитору (слушателю) прочиталъ и получалъ отиѣтку—хорошо. Учитель, выслушавши меня, порадовался и похвалилъ. Но по ребяческой глупости я сталъ всѣмъ рассказывать, какъ Господь открылъ во мнѣ память, хвастаться и хвалиться, и мою память опять задержало, и я опять сталъ тупо и слезно учить. Учитель, узнавши отъ товарищей, что я не лѣнюсь и по ночамъ сижу дольше всѣхъ, никогда меня розгами не наказывалъ, какъ другихъ, хотя авдиторъ отиѣчалъ всегда плохими баллами: «слабо, худо», рѣдко—«порядочно» и никогда—«хорошо». Было въ употребленіи еще наказаніе, которое было не много легче розогъ; за какую-нибудь ребяческую шалость учитель товарищамъ приказывалъ бить линейкой по ладони лѣвой руки, а не правой, чтобы рука не дрожала при писаньи; это наказаніе называлось—*палли*, но я по скромности своей рѣдко былъ подверженъ этому наказанію. Къ Рождеству Христову пріѣхали изъ Твери братья Иванъ и Илья, обучившіеся въ поэзіи, и упросили надзирателя и учителя, чтобы вмѣстѣ съ нами отпустили насъ въ домъ родителей, и намъ дозволили, хотя разрѣшенія на отпущекъ еще отъ архіерея Павла не пришло. Священникъ церкви Іоакима и Анны отецъ Іаковъ, хлѣбосоль нашему родителю, имѣя свою лошадь, велѣлъ сыну своему Алек. Таврову

доставить насъ до села Салькова въ 10 верст. отъ города, находившагося въ благочиніи нашего родителя, отсюда и перевозили насъ отъ села въ село: въ Кожино, Ванчуково, Воробьево и наконецъ на родину въ Суходоль,—разстояніемъ отъ города 25 верстъ. Родители, видя насъ здоровыми, очень обрадовались намъ; въ постыные дни мать удовлетворяла насъ пищею картофеля, и онъ казался намъ очень пріятнымъ, а разговѣвшись довольно было разныхъ яствъ. Къ Рождеству Христову намъ съ Григорьемъ спали по новому тулупу изъ затрапезной полосатой матеріи; вмѣстѣ съ родителемъ мы ходили по приходу славить Христа, намъ давали рѣшето овса, а родителю рѣшето ржи; славленіе продолжалось по 6-и деревнямъ до 1 января. Большіе братья славляли особенно, имъ давали по рѣшету овса, но деньгами нигдѣ не давали, только бобыли и солдаты, не имѣющіе земли, давали не болѣе, какъ по денежкѣ. Послѣ праздникова братьевъ повезли въ Тверь, а насъ въ Кашинъ; мы поѣхали со слезами на ученіе, какъ на мученье. Учителю поднесли въ подарокъ 25 к. мѣди, а онъ благодарилъ, а многіе подносили по 5 коп. мѣди; еще за ученіе въ счетъ жалованья отдали 1 руб. 20 коп., ибо учителя за обученіе дѣтей получали жалованье отъ отцовъ, а государственнаго жалованья имъ еще не было положено; эти 1 р. 20 к. платились съ двоихъ за одну треть, а дьяконскія и причетницкія дѣти платили въ половину этого; насъ перевели изъ письменнаго класса въ высшую фару, въ которой преподавали сочинять—составлять существительныя имена съ прилагательными согласно въ родѣ, числѣ и падежѣ, но безъ глаголовъ; это я понималъ безъ затрудненія; уроки на ночь и на обѣдъ задавали изъ латинской грамматики Соколовскаго, иногда давали изъ катихизиса и малой свящ. исторіи; толкованіе оныхъ я понималъ порядочно, но выучивалъ всѣ уроки съ напряженіемъ, память была слаба. Изученіе таковыхъ предметовъ продолжалось 4 мѣсяца или треть года; въ маѣ мѣсяцѣ перевели насъ въ высшую фару, въ ней преподавали къ именамъ глаголы по латыни; уроки были тѣ же; послѣ вакаціи перевели насъ въ шифму, гдѣ нужно было уже составлять цѣлыя малыя фразы и выраженія. Я понималъ слабо, но братъ Григорій мнѣ

способствовалъ; онъ во всемъ ученіи успѣвалъ и потому во всѣхъ классахъ сидѣлъ на 2 мѣстѣ и былъ цензоръ. Еще былъ классъ аналогіи, по до насъ уничтоженъ, и что въ немъ преподавалось, не знаю.

Учитель Верещагинъ любилъ моего брата Григорія, а меня напротивъ; и взялъ его къ себѣ въ домъ писать съ сентября до Рождества Христова. Какая безумная страсть у сего учителя! Страсть переписывать и подводить номера и годы денежныхъ ассигнацій, откладывать особенно и завязывать шелковыми лентами списенкія съ синенькими, красненькія съ красненькими и бѣленькія съ бѣленькими, особенно 25 рубл., особенно 50 руб. и особо 100 рублевые. Онъ имѣлъ денегъ много, братъ его былъ архіерей ¹⁾. Братъ долженъ былъ выучивать уроки и дѣлать сочиненія въ его домѣ; а когда самъ учитель уходилъ въ школу, то брата запиралъ въ комнатѣ, оставивши ему горшокъ для испражненія, а придя изъ школы, обыскивалъ его, заставлялъ снимать рубашку и ниже бѣлье и сапоги, выворачивать карманы кафтана, подозревая, не унесъ ли у него денегъ ²⁾.

¹⁾ Архіепископъ Арсентій (въ мірѣ Василій Верещагинъ) былъ уроженецъ Тверской епархіи, сынъ священника Кашинскаго Успенскаго собора Іоанна Алексѣевича Верещагина и родился 27 января 1736 г. По окончаніи курса въ Троице-Сергіевской семинаріи, куда онъ былъ отправленъ изъ Твери для усовершенствованія въ наукахъ, онъ поступилъ въ Тверскую духовную семинарію и проходилъ всѣ должности учителя, префекта и ректора. Впоследствии онъ былъ съ 1773 года епископомъ Архангельскимъ, съ 1775 г. епископомъ Тверскимъ и съ 1783 года архіепископомъ Ростовскимъ; скончался въ 1799 году и погребенъ, по завѣщанію, въ Калязвнѣ монастырѣ. Учитель Василій Верещагинъ, по всей вѣроятности, былъ его племянникомъ, а не братомъ. Архіепископъ Арсентій былъ любитель книгъ и собралъ ихъ много. Къ несчастію, по смерти его, большая бібліотека его раздѣлена наслѣдниками на три части безъ всякаго толку, напримѣръ, книги, изданной въ 3-хъ томахъ, каждому наслѣднику досталось по тому. Изъ 3-й доли этахъ книгъ нѣкоторая часть, по завѣщанію наслѣдника, распродавшего все лучшее, отдана въ Тверское духовное училище. (О Тверскихъ іерархахъ, протоіерея Г. П. Чернухина, стр. 149).

²⁾ Василій Федоровичъ Верещагинъ въ 50 годахъ, по выслугѣ пенсіона, жилъ въ Твери и занималъ квартиру въ Заводской части, въ Вер-

Братъ Григорій, занимаясь постояннымъ переписываніемъ бумагъ учителя В. Верещагина, довель себя до полного истощенія своихъ юношескихъ силъ. Однажды отъ долгаго писанья ночью хлынула у него изъ носа кровь прямо на тетрадь, и онъ долженъ былъ ее всю ночь переписывать, а утромъ получилъ отъ учителя выговоръ, что мало написалъ; отъ непосланныхъ трудовъ онъ впалъ въ неизлечимую болѣзнь—чахотку, отъ которой черезъ годъ, въ 1804 г., и умеръ.

На другой годъ ученія въ г. Кашинѣ въ одинъ праздничный день велѣно намъ было идти къ обѣднѣ въ соборъ. Я стоялъ въ храмѣ смиреннѣе и усерднѣе молился Богу о ниспосланіи способностей и памяти къ изученію наукъ, но товарищъ, стоявшій рядомъ, толкнулъ меня въ бокъ. Я, оглянувшись, ему тихо сказалъ:

ховской улицѣ, въ верхнемъ этажѣ дома Гребцова, былъ правитель канцеляріи пачальника губерніи В. И. Плетнева. Странностями своими Верещагинъ поражалъ даже насъ,—маленькихъ мальчиковъ, учившихся въ духовномъ училищѣ и стоявшихъ на квартирѣ противъ него. Онъ велъ жизнь удивленную и странную, нигде не выходилъ, и къ нему до послѣдней болѣзни его мы не видѣли никого входящимъ. Только лѣтомъ мы видѣли его часто сидящимъ у окна въ засаленномъ халатѣ; лицо у него было одутловатое, съ отвислыми щеками и нечисто бритой бородою. У страшнаго господина не менѣе страннымъ былъ и слуга; пастыщаго его имени никто не зналъ, и всѣ звали его *Фекла Палисеева*. Онъ былъ что-то среднее между мужчиной и женщиной и одежду носилъ смѣшанную обоего пола. Онъ былъ знакомъ съ нашей хозяйкой, и отъ него мы знали кое-что изъ жизни ея барина. Баринъ, по словамъ его, былъ страшный богатъ, но и страшный свирѣга, проживалъ въ день на свое со слугою содержаніе только 20 коп., иногда облачался въ архіерейскія одежды и заставлялъ слугу кланяться себѣ въ ноги и принимать благословеніе; архіерейскія облаченія и митра достались ему отъ брата архіерея. Умеръ Верещагинъ въ срединѣ 50. годовъ, въ 53—55 году; имѣніе его досталось бывшему ключаремъ Тверскаго кафедральнаго собора, протоіерею Ильѣ Николаевичу Лебеву; бібліотека, вѣроятно, тоже доставшаяся отъ брата, оставшая имъ частью въ Тверскую семинарію, частью въ Тверское духовное училище; тѣмъ-ли что деньгами въ эти духовныя заведенія, не знаю, но говорили тогда, что денегъ досталось бедѣльному протоіерею Лебеву, доводившемуся какимъ-то родственникомъ Верещагину, болѣе 20000 серебромъ. Протоіер Н.—скій.

«что ты толкаешься»? Онъ усеѣхнулся; замѣтилъ это цензоръ и обоихъ насъ записалъ, что шумѣли въ церкви. На другой день цензоръ подалъ свою записку учителю, и учитель, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «А ты еще не попробовалъ нашихъ лозъ? я давно хотѣлъ тебя наказать за худое выучиванье уроковъ, а теперь за шумъ въ церкви не могу простить». Сколько я ни оправдывался въ своей невинности, моимъ оправданіямъ учитель не вѣровалъ; меня вытащили изъ-за парты и дали 10 ударовъ очень больно; я весь день тотъ проплакалъ въ обидѣ, что меня напрасно и несправедливо высекали.

Учитель Верещагинъ былъ безразсудный и жестокий человѣкъ; онъ любилъ учениковъ изъ лица миловидныхъ, чистенькихъ, бѣленькихъ, а я былъ отъ оспы рябой и смуглый; на всѣхъ такихъ онъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, хотя бы они и хорошо учились. Самъ онъ былъ лицомъ красивый, опрятный и щеголеватый и, любя красивыхъ личиками учениковъ, одѣвалъ ихъ изъ своей собственности въ суконные кафтаны и китайчатые халаты, покупалъ имъ сапоги, полковныя шляпы и бумажные вязаные колпаки, которые тоже тогда вмѣсто шляпъ носили; нѣкоторые изъ нихъ учились хуже меня, но онъ имъ полагалъ.

Послѣ Рождества, явившись къ учителю съ братомъ, мы поднесли ему 25 коп. мѣдныхъ денегъ, но тогдашнему времени это была великая дача; никто болѣе насъ ему не приносилъ. Въ это время брата по успѣхамъ перевели въ грамматическій классъ, а я остался въ инфимъ; тогда у всѣхъ учениковъ была такая поговорка, если случалась брань между фаристомъ и инфимистомъ: «ты, каналья, еще фаристъ, а я инфимистъ», т. е. не смѣй равняться со мной, я выше тебя. Отъ учителя Верещагина было такое приказаніе, что, когда пробыть звонокъ, всѣ ученики должны садиться по мѣстамъ, а любимецъ его, хорошенькій рожицей, долженъ идти къ нему съ извѣстіемъ, что сѣли на мѣсто; онъ даетъ ему книги и тетради и вмѣстѣ идутъ въ классъ. Если учитель съ кѣмъ-либо на дорогѣ остановится и разговорится, то любимчикъ долженъ былъ, снявши шляпу, хотя бы въ жестокий морозъ, стать прямо, вытянуться и руку голую приложить къ сердцу; если учитель

вздумаеть итти въ гости или въ торгъ, то любимцу скажетъ въ классѣ притти къ нему, чтобы сопровождать его. Всѣ эти любимцы очень возвеличивались и гордились своимъ положеніемъ; ученики ихъ очень боялись: оня были лбедники—переносчики, и учитель ихъ лбедамъ вѣрилъ. Въ классѣ, когда учитель вызоветъ кого по фамиліи, тотъ долженъ поднять кверху правую руку, встать прямо, приложить ту же правую руку къ сердцу и отвѣчать ему урокъ, по окончаніи отвѣта поклонотъся; не исполняющихъ эти правила называлъ невѣждами, грубиянами, и если кто-либо и послѣ замѣчаній его былъ неисполнителенъ, того сбъкъ лозами. Послѣ Пасхи, въ маѣ мѣсяцѣ, учителя дѣлали такъ называемыя рекреаціи; учителей въ учящійся было двое: въ псыменномъ классѣ, низшей фарѣ, въ высшей фарѣ и инфимѣ—Верещаганы, въ грамматическомъ и синтаксическомъ классахъ священникъ Сергіевской церкви Антипъ Андреевичъ Приклонскій. Дозволеніе сдѣлать рекреацію испрашивалось у надзирателя. На рекреаціи учитель Верещаганъ любимцевъ своихъ—лбедниковъ, смазливенькихъ рожидей, одѣлалъ пряниками, а прочимъ кидалъ орѣхи, вареныя яйца, между оными для смѣха были и сырые; подобравши гостинцы, ученики привѣтствовали учителя пѣніемъ сего стиха: «что не листомъ трава разстилается, наши буйныя головушки преклоняются»,—преклонялись и падали до земли. На рекреаціи учителя играли съ учениками въ бабки, мячикомъ въ ланту, въ разбѣжки и круговеньки; при играхъ разрѣшалось шляпъ не снимать и вязаныхъ колнаковъ, и по-солдатски не вытягиваться; кромѣ вѣтъ, пѣли канты, прстойные отрочеству; народныхъ пѣсенъ, плясокъ и музыки не было; учителя пили чай и паветки, намъ неизвѣстныя, только не простое вино, а называемый пуншъ; при закатѣ солнца возвращались въ городъ, при чемъ упрасивали учителей объ увольненіи отъ изученія уроковъ и получали оное.

Въ первыхъ числахъ іюля послѣдовалъ экзаменъ; по латинскому языку давали конструкціи и переводы на русскій языкъ; я рекомендованъ былъ въ латинскомъ языкѣ—не худо, въ исторіи—порядочно, въ пѣніи октояхъ—хорошо. Послѣ экзаменовъ, по предписанію архіерея Павла II, учениковъ отпустили въ дома родите-

лей, а меня задержали: я былъ въ пѣвчихъ. Дождались пріѣзда архіерея, и изъ насъ должны были vybrаться въ архіерейскій пѣвческій хоръ, но, къ счастью, Владыка не пріѣхалъ, и мы съ братомъ Григоріемъ пришли въ домъ родителей 19 іюля.

Во время вакаціи насъ родители не заставляли работать; мы должны были только приводить лошадей изъ поля и отводить обратно; мать иногда посылала за грѣбами въ ближайшій лѣсъ. Во время жатвы мы смотрѣли за жницами, чтобы рачительно жали, носили имъ квасъ и пищу; изъ посѣяннаго льна мать заставляла насъ выпалывать сорную траву и потомъ таскать ленъ; это занятіе скучное; жать и косить не пріучали. По утрамъ родитель заставлялъ читать псалтырь, особенно 17 канѣзмъ, писать и пѣть; я болѣе любилъ писать и пѣть, а чтеніе наводило скуку.

Послѣ вакаціи мы отправились опять въ Кашинъ на продолженіе ученія. Узнавши, что священникъ Приклонскій отказался отъ учительской должности, и на его мѣсто переведенъ Верещагинъ, а на мѣсто его назначенъ студентъ богословія Алексѣй Ивановичъ Судаковъ, я очень обрадовался, надѣясь, что онъ снисходительнѣе будетъ Верещагина. Когда мы пріѣхали въ Кашинъ и шли съ родителемъ по площади, къ нему подошелъ подъ благословеніе дячекъ и говоритъ: «новый учитель Судаковъ—мой сынъ»; родитель узналъ отъ него, гдѣ квартира его сына, купилъ штофъ бѣлаго винограднаго вина за 60 коп., пять бесѣдокъ на 25 к. мѣдью и присоединилъ рубль денегъ,—все это онъ принесъ въ гостиницу новому учителю, поздравляя его съ должностью и прося его наставлять насъ благоразумію и благосклонно беречь, при чемъ не опустилъ упомянуть, что у меня память слабѣе брата; учитель, принявши подарки, угостилъ отца водкою и обѣщалъ оказывать мнѣ снисхожденіе. Учитель Судаковъ былъ ростомъ высокій, бѣлый и кудрявый; ходилъ въ каготъ безъ капюшона: въ то время носили капюшоны только офицеры и изъ дворянъ судьи. Душою Алексѣй Ивановичъ былъ добрый, невысокомѣрный, и потому всѣмъ любимый; хотя наказывалъ розгами, но очень рѣдко и снисходительно, не болѣе пяти ударовъ. В. О. Верещагинъ былъ гордый, жестокий и очень богатый по наслѣдству отъ брата своего, архіерея Арсе-

нія, а Судаковъ былъ бѣднаго дѣльца сынъ, и родители учившихся у него дѣтей, замѣтя его доброту и снисхожденіе къ дѣтямъ, очень берегли его подарками: мукой, солодомъ, янцами, масломъ и пр.: такому доброму наставнику не жалко было и усердствовать. Послѣ вакаціи меня перевели изъ фары въ инфиму, а брата Григорія въ грамматическій классъ къ Верещанину. Но неуправамъ полевымъ родители не могли намъ доставить хлѣба и другихъ припасовъ къ празднику 6 сентября, я я попросилъ отъ учителя Судакова увольненіе домой, чтобы понудить родителей доставить намъ содержаніе; онъ отпустилъ меня на недѣлю. Я пошелъ пѣшкомъ и для легкости и скорости безъ саноготовъ; на дорогѣ застала меня буря—снѣгъ, дождь. На 15 верстахъ отъ Каншина до села Воробьева не было никакого селенія, гдѣ бы я могъ согрѣться; добѣжавши до Воробьева, я вспомнилъ, что въ этомъ селѣ есть знакомый отцу крестьянинъ, который строилъ ему домъ. Боясь идти далѣе, такъ какъ стало уже темно, и на 5 верстахъ до дома былъ лѣсъ, гдѣ водились звѣри, я зашелъ подъ окно этого крестьянина и спросилъ, дома ли онъ. Миѣ отвѣчали, что онъ у овина молотить хлѣбъ; я побѣжалъ къ овину, нашелъ его и привѣтствую: «здравствуй, Алексѣй Хрисановичъ!» Онъ узналъ меня и спрашиваетъ: «какъ ты сюда попалъ?» Я объяснилъ ему и сталъ просить, чтобы онъ довезъ меня до дому. «Изволь, пожалуй, отвѣтилъ онъ: только дай убрать зерна, а ты пока пооди въ избу, погрѣйся, вишь ты босикомъ, чай, прозябъ». Я съ радостію побѣжалъ въ домъ, забрался на печку и уснулъ тамъ сладкимъ, пріятнымъ сномъ. Когда всѣ домашніе собрались и стали ужинать, позвали и меня; я не отказался и съ голоду и холоду съ аппетитомъ поѣлъ. Послѣ ужина хозяинъ запрягъ лошадь и далъ миѣ шубу одѣться въ дорогу; домашніе стали наказывать хозяину, чтобы онъ скорѣе возвращался къ молотбѣ, но онъ отвѣтилъ: «за мою услугу, чай, скоро не отпустить, развѣ къ вечеру ворочусь». Когда мы пріѣхали домой, родители были въ приходѣ, матушка миѣ очень обрадовалась и вмѣстѣ испугалась: «не убѣжалъ ли ты изъ школы?» «Нѣтъ, матушка, у насъ не стало хлѣба и никакого

харчевого припаса, и меня за этимъ учитель отпустилъ». Матушка отвѣтила: «все было готово, да послать не съ кѣмъ, а свои лошади въ работѣ, еще снопы съ поля не убраны». Потомъ обратилась къ моему извозчяку и стала его потчевать. Отъ ужина онъ отказался, «а вотъ выпца и выпца попой, сказалъ: я давно уже этого добра не пробовалъ». Приѣхалъ родитель изъ прихода и сначала было встревожился моимъ неожиданнымъ появленіемъ, но когда я ему все объяснилъ подробно, успокоился и сказалъ: спасибо учителю, я его за это отблагодарю». Извозчика моего родитель довольно угощалъ и отпустилъ его домой только на другой день съ запасомъ пива. По истеченіи срока меня отправили съ работникомъ опять въ школу; телегу нагрузили разнымъ для насъ припасамъ, а учителю за отпускъ послали 50 к. мѣдныхъ, мѣру муки ржаной, мѣру солода житаго, 50 яицъ, 5 ф. масла коровьяго и сдобный пирогъ съ курицей. Приѣхавши въ Кашинъ, я передалъ учителю гостинцы, и онъ очень благодарилъ и обѣщалъ меня беречь; иногда я выучивалъ уроки не твердо, но учитель никогда не наказывалъ розгами, а только дѣлалъ выговоры.

Къ 26-му сентября у насъ провизія опять вся вышла. Въ этотъ день не учились, и была, какъ теперь помню, пятница; въ этотъ праздникъ ярмарка въ селѣ Кесовѣ, и нашъ хозяинъ, купецъ Яфимъ Ивановичъ Прѣсновъ, всегда ѣздилъ съ товарами на ярмарку, дорога же лежала чрезъ наше село Суходоль. Мы спросили его, не возьметъ ли онъ меня домой за провизіей, онъ согласился; у учителя проситься опять въ отпускъ побоялся и придумали попросить цензора по церкви Петра Стефановскаго, онъ же и аудиторъ уроковъ; призвали его и угостили рыбой и ягодами—брусинкой съ медомъ, чтобы онъ не записалъ меня не бывшимъ въ церкви и въ знаніи урока поставилъ хорошую отмѣтку; онъ согласился. Поѣхали мы съ хозяиномъ съ полночи на 26-е и на зарѣ приѣхали въ Суходоль, постучались; мать, увидѣвши меня, испугалась и разбудила отца; стали они звать хозяина въ домъ, но онъ отказался и обѣщался заѣхать за мной вечеромъ. Отецъ сталъ меня брашнить, зачѣмъ я уѣхалъ тайно—безъ спросу: «вотъ узнають про твою самовольную отлучку и тебя выскрутъ, а я

пріѣду, зайду въ школу и еще прибавлю». Я отвѣтилъ, что меня отпустилъ цензоръ, и никто не прознаетъ. Вечеромъ заѣхалъ за мной хозяинъ, былъ угощенъ виномъ, пивомъ и обѣдомъ, затѣмъ дали мнѣ провизію, и мы отправились. Въ Кашинѣ пріѣхали въ первомъ часу пополудни; утромъ явился я въ классъ, аудиторъ выслушалъ урокъ и записалъ «хорошо», и потомъ, отвѣдя меня въ сторону, тихонько сказалъ: «я боялся что ты сегодня не пріѣдешь, а завтра, но ты оказался вѣрнымъ,—молодецъ»! Такъ никто и не прозналъ изъ начальства о моей самовольной отлучкѣ; теперь я дивлюсь и самъ таковому дерзновенію 10-лѣтняго мальчишки.

До Рождества Христова я старался неослабно по латыни читать, но конструкціи сочинять было для меня неудобопонятно. Братъ растолковалъ мнѣ, какъ существительное съ прилагательнымъ и глаголомъ согласовать, и это я понималъ, но въ варіаціяхъ и фразахъ выразить мысль затруднялся и ошибался; за ошибки учитель ставилъ меня на колѣна, но лозами никогда не сѣкъ и сравнительно съ прочими миловалъ. Правда, по смиренію своему я не былъ никогда записываемъ отъ цензора въ журналъ шумящимъ до прихода учителя, и мое смиреніе, можетъ-быть, и было причиной послабленія ко мнѣ учителя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Учитель Судаковъ мнѣ частенько приказывалъ приходить въ его квартиру за книгами и тетрадями учениковъ; это меня чрезвы-

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13 и 15.

чайню радовало, а товарищей подвигало на зависть. Въ праздничные дни послѣ обѣда учитель приказывалъ пѣвчимъ приходить къ себѣ: онъ училъ, какъ пѣть за обѣдней и всенощной; пѣвчіе собиравлись въ его свѣтлицу и стояли, руки прижавъ къ сердцу (такой порядокъ былъ въ Кашиинскомъ училищѣ). И становился съ алтами позади учителя, и онъ, верѣдко любуясь моимъ звонкимъ голосомъ алта, вызывалъ меня впередъ и гладилъ по головкѣ, и это восхищало меня. Какъ теперь помню, 25 марта, въ Благовѣщеніе, учитель велѣлъ мнѣ и товарищу Ивану Городецкому притти къ нему послѣ вечера; мы явились, и онъ, одѣвшись исправно и съ тросточкой въ рукѣ, вышелъ изъ квартиры, велѣлъ и намъ идти за нимъ. Пришли къ Сергіевскому священнику Антипу Яковлевичу Приклонскому, бывшему учителю; у него жена была красавица и умная, знала даже по-латыни, поправляла конструкціи учениковъ и подписывала рекомендаціи вмѣсто мужа. Пришедши къ священнику, учитель угощался въ залѣ душиемъ и травникомъ, а насъ посадили въ прихожей на лавкѣ, и попавъ вынесла намъ по долекѣ пшеничнаго съ капустой пирога. Товарищъ вздумалъ посмотреть въ скважину двери, чѣмъ занимаются хозяева съ гостемъ, и примѣтилъ, что перемѣшиваютъ какія-то бумажки и сдаютъ; это были карты, о которыхъ до этого времени я и понятія не имѣлъ. Отъ усталости мы улеглись на полу и не смѣли и говорить другъ съ другомъ; вдругъ выходятъ священникъ и учитель къ намъ; мы вскочили съ трепетомъ, боясь, что будутъ бранить, но они ничего не сказали; попавъ же вышла съ соболѣзнованіемъ къ намъ и сказала: «лягте лучше на лавочкѣ,—онъ, вѣроятно, скоро пойдетъ домой». Однако онъ просидѣлъ до 1 часа и вышелъ къ намъ съ лицомъ веселымъ; товарищъ подалъ ему шинель, а я бобровую шапку и трость. «Ну, ребята, пойдемте домой, вы у меня почувуете!» Это насъ ужасно восхищало,—почевать у учителя! Утромъ товарищъ согрѣлъ чайникъ; попивши самъ, и намъ далъ по чашкѣ чаю, при этомъ запретилъ намъ говорить, гдѣ были вчера; мы поклялись. Въ школу мы шли за нимъ, отъ радости повгрывая, какъ собачки, а какъ оборотится къ намъ, мы—шапки долой, станемъ на вытяжку и руки къ сердцу. Въ

классъ онъ былъ ко всѣмъ милостивъ и за несправность въ урокахъ и за шалости до звонка никого не наказывалъ розгами, а только нѣкоторыхъ наказывалъ стояніемъ на колынахъ. Подлинно Алексѣй Ивановичъ былъ добрый и милосердый учитель!

На праздникъ Пасхи мы съ братомъ отправились къ родителямъ пѣшкомъ; въ вербное воскресенье были у утрени и обѣдни; въ дни Страстной педѣли ходили только къ обѣднѣ; отецъ на часахъ первые три дня читалъ Евангеліе, а мы съ братомъ выходили на средину храма пѣть: «да исправится молитва моя».... и прихождение за это насъ очень хвалили. Въ четвергъ пришли изъ Твери братья, мы обрадовались имъ, какъ дару съ небесъ. Въ Пасху мы, всѣ четыре брата, ходили съ отцомъ по приходу, пѣли молебны; причетники полупьяные отставали сзади, но дьяконъ былъ трезвый и ходилъ вмѣстѣ. Во время пѣнія молебновъ отецъ ни у кого не останавливался выпить вина и пивца, уже по окончаніи только деревни заходилъ къ нѣкоторымъ хлѣбосоламъ, но былъ воздерженъ и служилъ каждый день Пасхи обѣдни; причетники на это негодовали: въ другихъ приходахъ нигдѣ не служатъ, а только у насъ. На это родитель отвѣчалъ: «у другихъ приходы въ отдаленности, а наши всѣ деревни въ 2-хъ верстахъ». Въ приходѣ намъ денегъ не давали, а только христосовались яйцами, которыя мы продавали по 5 коп. ассигн. за десятокъ; да и родителю съ причтомъ плата была бѣдная: за молебенъ празднику 10 к. мѣди, за водосвятіе 5 к., за молебенъ Божіей Матери 5 коп. и менѣе; водосвятія служили на дворахъ, хорошо устланныхъ соломой.

Послѣ Пасхи родители наградили насъ всѣми припасами и новыми затрапезными халатами со стоячими воротниками изъ алой китайки; учителю моему Судакову принесено отъ меня въ подарокъ 50 к. мѣди, 100 яицъ, сдобный ишеничный съ курицей и яйцами пирогъ и за ученіе 30 к.; отъ брата учителю Верещагину 25 к. мѣди и ничего еще, кромѣ яйца; онъ былъ богатъ, а Судаковъ — бѣдный, дьячковъ сынъ. Черезъ педѣлю брата Григорія перевели изъ грамматическаго класса въ синтаксическій, а меня оставили въ высшей фарѣ. Въ маѣ мѣсяцъ были 4 рекреціи безъ позволенія надзирателя, а своеволіемъ брата его, уч. Верещагина;

онѣ были назначаемы за 31 или болѣе верстъ отъ Кашина за Клубуковымъ монастыремъ въ лѣсу. Верещагинъ дѣлалъ эти рекреаціи дальше отъ города для того, чтобы никто изъ постороннихъ туда не приходилъ; онѣ при постороннихъ называлъ себя красною невинною дѣвицею, и въ городѣ, когда встрѣчалась ему женщина или дѣвица, закрывалъ лицо свое капотомъ и отворачивался. Въ это лѣто, однажды бывши на спѣвкѣ, мы трое—я, Городецкій и братъ учителя—попросились у него покупаться въ рѣкѣ Кашникѣ, и я, отплывши далеко отъ берега, вздумалъ встать на ноги, но не доставши дна, испугался и, обезсильвши, едва не утонулъ, и съ большимъ трудомъ добрался до берега; съ тѣхъ поръ боялся пускаться въ глубину.

Къ Иванову дню, моимъ именинамъ, получили извѣстіе, что родитель боленъ, а къ Петрову дню у насъ никакихъ припасовъ нѣтъ. Поэтому я попросился у учителя домой; онѣ отпустилъ до 1 іюля. Когда я пришелъ домой, родитель лежитъ на постели, не можетъ встать и благословить меня; онѣ, упавши съ возу, очень колѣно повредилъ. Увидя меня, спрашиваетъ: «зачѣмъ пришелъ? не убѣждалъ-ли?» «Нѣтъ, отвѣтилъ я, мы услышали, что вы больны, да на разговорѣ у насъ и хлѣба нѣтъ». «Провизію мы прислали-бы, сказалъ отецъ, а болѣзни моей ты развѣ поможешь?» Къ Петрову дню родителю стало легче, и на Петровъ день въ ночь онѣ отпустилъ меня съ работникомъ за 25 верстъ въ с. Вознесенское къ священнику, его товарищу, о. Ильѣ (отчества и фамиліи его не помню); онѣ славился тѣмъ, что къ дворянамъ былъ великій приверженецъ и угождалъ имъ во всемъ. Въ его селѣ былъ винный заводъ у генерала Олсуфьева; родитель далъ священнику письмо и 10 р. ассигн., чтобы на заводѣ купить три ведра свѣжаго вина. Прибывши туда очень рано, принуждены были остановиться у одного крестьянскаго двора, выпрягли лошадь и отдохнули; очень рано беспокоить сонъ священника не смѣли. Вотъ заблагоговѣстили къ заутренѣ, я пошелъ въ церковь; церковь деревянная, съ малыми окнами, украшеній на св. образахъ никакихъ нѣтъ, народу было мало. Когда кончилась служба, я подалъ письмо священнику. Прочтавши письмо, онѣ сказалъ: «теперь

нельзя взять вина, баринъ еще спитъ, а послѣ обѣдни». Я спросилъ: «а обѣдня скоро будетъ?» «Нѣтъ, когда прикажутъ господа; я живу ихъ жалованьемъ, а потому не имѣю права служить въ празникъ безъ ихъ позволенія, — а лошадь ваша гдѣ?» — «У воротъ одного крестьянина съ извозникомъ». «Подведите ее къ моему дому и взойдите въ горницу отдохнуть до обѣдни». Я вошелъ въ домъ, встрѣтила меня попадья, при ней двѣ дочери-дѣвицы, исполненные въ возрастѣ; въ домѣ просто, однако стулья, а не лавки; священникъ красивый, бѣлый, здоровый; попадья далеко отъ его красоты, но простотою и смиреніемъ, свойственнымъ женскому полу, была превыше его.

Въ 10 час. явился отъ господъ лакей съ приказаніемъ звонить къ обѣднѣ; я былъ у обѣдни; послѣ обѣдни священникъ велѣлъ женѣ представить намъ съ извозникомъ обѣдъ, а самъ будетъ обѣдать у господъ, но жена сказала: «ты тамъ долго пробудешь, лучше отпусти ихъ прежде». Онъ согласился. Отобѣдавши у священника, мы поѣхали на заводъ, съ дозволенія барина получили три ведра водки, и пзъ трехъ рублей денегъ онъ одинъ рубль велѣлъ возратить мнѣ. Домой мы пріѣхали къ вечеру; родитель, откупоривши бочку, налилъ стаканчикъ свѣженькаго вина себѣ, потомъ матушкѣ и извознику; вино отецъ похвалилъ и нашелъ его лучше городского.

30 іюня родитель съ припасами и подарками учителю отпраздновалъ меня въ Кашиинѣ.

8 іюля начался экзаменъ; въ низшихъ классахъ экзаменовалъ учитель Верещагинъ, а въ высшихъ классахъ самъ надзиратель, протоіерей Дмитрій Ѳedorовичъ Верещагинъ. Мой братъ Григорій оказался отличнымъ по всемъ предметамъ; онъ былъ третій ученикъ, и назначенъ былъ въ Тверь въ пѣтику, въ которой сочиняются стихи; я умѣлъ хорошо только читать по-латыни и грамматическія зналъ правила, также пѣть хорошо по Октоиху, но по конструкціямъ и переводамъ на русскій языкъ оказался слабымъ, и оставили меня въ томъ же классѣ — въ высшей фарѣ.

Послѣ экзаменовъ прочитанъ былъ всемъ ученикамъ указъ отъ архіерея Павла II объ открытіи русской школы и предложе-

ние: не желаетъ-ли кто записаться для обученія въ этой школѣ; подняли правыя руки, а лѣвыя приложили къ сердцу 20 чело-вѣкъ, въ томъ числѣ и я, но добрый учитель А. И. Судаковъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «ты зачѣмъ хочешь въ русскую школу? твоимъ товарищамъ, поднявшимъ руки, около 20 лѣтъ, а ты еще молодъ, да и отецъ твой этому воспротивится». Я отвѣчалъ: «мнѣ трудно учиться по-латыни». «Спроси согласія родителя и тогда запишешься послѣ вакаціи», сказалъ учитель. Послѣ отпуска мы пошли съ братомъ Григоріемъ на родину пѣшкомъ; родители встрѣтили насъ радостно; мы рассказали, что Григорій отличился на экзаменѣ хорошо и назначенъ въ Тверь въ пѣстику, а я оставленъ въ томъ же классѣ; родители о братѣ порадовались, а обо мнѣ запечалились. Я рассказалъ отцу объ открытіи русской школы и о желаніи своемъ въ ней учиться, такъ какъ по-латыни мнѣ учиться трудно. Родитель отвѣтилъ: «вотъ послѣ вакаціи я спрошу учителя, какія науки будутъ преподаваться въ этой школѣ, и куда изъ ней выходи». Пришли и братья изъ Твери и принесли родителямъ радостную вѣсть, что ихъ перевели въ философію. Во время вакаціи братъ Григорій повторялъ ученіе и приготавлился къ экзамену въ Твери подъ надзоромъ братьевъ, а я занимался писаніемъ и пѣніемъ, а иногда братья задавали мнѣ латинскія конструкціи; во время уборки хлѣба присматривали за рабочими и носили имъ квасъ и все потребное; послѣ уборки всѣ ѣздили съ родителемъ за 5 верстъ за грибами, набиралъ очень много, дома съ матерью разбрасал и очищали для соленья.

Въ эту вакацію пришло мнѣ на мысль, что подьяческая жизнь самая легкая: уроковъ наизусть никакихъ не учать, но начальство наше никого не увольняетъ изъ нашего званія, развѣ по требованію какого-либо судебного мѣста. Для этого нужно было найти какого-либо патрона, который могъ-бы этому поспособствовать. Въ это время былъ въ Калязинѣ монастырѣ двоюродный братъ отца, іеромонахъ Діонисій, ученѣйшій богословъ, знаемый и почитаемый всѣмъ и дворянствомъ; впоследствии онъ былъ вызванъ указомъ въ Петербургъ, награжденъ саномъ архимандрита и назначенъ законоучителемъ въ какомъ-то высшемъ учебномъ

заведенія; къ нему-то я задумалъ обратиться съ просьбой о покровительствѣ, и попросилъ брата Ивана сочинить къ нему просительное письмо о помощи къ опредѣленію меня въ подьячіе. Онъ написалъ письмо порядочно и вслѣлъ мнѣ переписать еще почище. Я переписывалъ его три раза, и все съ ошибками; бросилъ и рѣшилъ: видно судьба мнѣ не предназначала быть подьячимъ: желаніе вертится въ душѣ, а достигнуть трудно. Послѣ вакаціи, отправляя братьевъ въ Тверь, родитель сказалъ имъ: «скоро я и самъ съ маленькими приѣду въ Тверь». 1 сентября повезъ насъ родитель въ Кашинъ и, явившись къ учителю Судакову съ обычными подарками, сталъ спрашивать его: «какая новая русская школа утверждена и открыта»? Учитель пзяснилъ ему, что въ оной школѣ будутъ преподаваться уставъ церковный, чтеніе и пѣніе церковное, и будутъ приучать ко всей службѣ церковной; помѣщать въ оную велѣно устарѣлыхъ и неспособныхъ учениковъ, которые по окончаніи обученія будутъ поступать въ причетники; ваши же дѣти еще очень молоды, Григорій при томъ имѣетъ отличныя дарованія и назначенъ уже въ пѣтику въ Тверь, а Иванъ хотя со слабою памятью, но старателенъ и смиренъ, и можетъ продолжать ученіе. Отецъ сказалъ учителю: «я думаю и Ивана въ Тверь: тамъ старшіе братья могутъ заниматься съ нимъ и помогать ему въ ученіи, а мнѣ способнѣе содержать ихъ вмѣстѣ». Учитель сказалъ: «надо подать прошеніе къ архіерею, а здѣшній надзиратель не имѣетъ права его перевести въ Тверское училище; у него только попросите позволеніе взять его съ собою; иначе онъ представитъ, что вы увезли его самовольно, и вамъ будетъ выговоръ со штрафомъ». Пошли мы съ отцомъ къ надзирателю, но не застали его дома, куда-то выѣхалъ за городъ на цѣлую недѣлю,—отправились къ брату его, учителю Верецагину; принялъ онъ насъ сухо и сказалъ: «вашъ сынъ Григорій назначенъ въ пѣтику, и можете взять его свидѣтельство, а чтобы другого сына перевести въ Тверское училище, должны взять дозволеніе у надзирателя». — «Мнѣ недѣлю ждать нельзя; я въ Твери о перемѣщеніи сына Ивана подамъ прошеніе архіерею». — «Все-таки надо спросить надзирателя, сердито сказалъ Верецагинъ, а не само-

вольнo брать его». Отецъ все-таки взялъ насъ обоихъ безъ вѣдома надзирателя и привезъ домой въ Суходолъ. Проживши нѣсколько дней дома, самъ родитель отправился съ нами въ Тверь, которая находится отъ нашего села въ 150 верст.; ѣхали мы до ней на парѣ лошадей два дня; дорогою на обѣды и ночлеги заѣзжали къ священникамъ, отцу знакомымъ, то товарищамъ, то дальнимъ родственникамъ; останавливались мы въ селахъ—Волосковѣ, Ильгощахъ и Рождественѣ подъ Кушалинымъ. Приѣхавши въ Тверь, остановились въ квартирѣ старшихъ братьевъ, которая была на Семеновской улицѣ въ домѣ вдовы Поляковой. Отецъ, рассказавши старшимъ братьямъ, что увезъ насъ безъ позволенія, послалъ одного изъ нихъ справиться въ семинарской конторѣ, не поступило-ли на него донесенія отъ Кашинскаго училищнаго начальства.—Письмоводитель Пономаревъ объявилъ брату, что донесеніе уже получено, и что батюшку за это могутъ оштрафовать: «подавайте сегодня же прошеніе Владыкѣ о перемѣщеніи братьевъ въ Тверскую семинарію, а я донесеніе отъ префекта и ректора скрою».

Когда братъ воротился изъ семинарской конторы и пересказалъ отцу, что передалъ ему письменоводитель Пономаревъ, начали писать прошеніе Владыкѣ отъ отца; въ прошеніи выразили, что имѣя 4-хъ сыновей въ Тверской семинаріи, ему неудобно 5-го содержать въ Кашинскомъ училищѣ; «поэтому покорнѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство для способности содержанія и призрѣнія большихъ за малолѣтними перевести меньшого сына въ семинарію, хотя въ тотъ же классъ». Резолюція послѣдовала такая: «принять въ семинарію, а Кашинскому начальству училища послать указъ о перемѣщеніи». Получивши такую милостивую резолюцію, я явился съ братомъ къ учителю, іеромонаху Арсенію Крестникову, жившему при семинаріи, которая была около собора и царскаго дворца на берегу Волги, и предлагалъ ему рубль денегъ серебромъ (тогда серебро безъ лому имѣло цѣнность). Учитель на другой день велѣлъ приходить въ классъ съ книгами; когда я пришелъ въ классъ, онъ сказалъ ученикамъ: «вотъ вамъ новый товарищъ», и посадилъ меня на третью парту. Я думалъ, что въ

Тверской школѣ будетъ отрадиѣе и легче, но ошибся: уроку задають болѣе и взыскивають строже, при томъ велють говорить по-латыни, а я и словъ латонскихъ мало зналъ. Выданъ былъ отъ учителя калькулюсъ, въ которомъ самъ себя долженъ былъ записывать; подавали въ субботу; наказывали лишеніемъ обѣда, метеніемъ класса и стояніемъ на колѣнахъ во время классныхъ уроковъ. Кто много разъ записанъ былъ, лозамп не сѣкли, но сверхъ урока давали выучивать изъ вокабулъ или лексикона латонскія слова, которыя должны были въ субботу прочпывать аудитору. Я выучивалъ оныхъ за недѣлю 25, 40 и даже до 100 словъ, за что былъ похваляемъ отъ учителя, а кто выучивалъ менѣе 25 словъ, тому онъ дѣлалъ выговоръ, но не наказывалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

1802 г. Въ 1 октября ввели къ намъ новаго учителя изъ академіи, Алексѣя Трофимьевича Ушарвицкаго; ²⁾ уроковъ онъ задавалъ меньше и не такъ строго взыскывалъ, былъ милосердъ, съ первыми учениками говорилъ улыбаясь, завелъ въ нотаткахъ двѣ линейки: въ первой записывалось знаніе повторительнаго урока, во второй настоящаго; знаніе латинскихъ словъ за недѣлю сдавалось въ субботу; на воскресное новаго урока не давалъ, а заставлялъ повторять все, выученное за недѣлю,—порядокъ очень хорошій, способствовавшій большому старанію и пониманію; калькулюсъ (говорить по-латыни) не былъ отмѣненъ, а заведенъ новый

¹⁾ См. Тв. Еларх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13, 15 и 16.

²⁾ Іеромонахъ Арсеній Крестниковъ поступилъ учителемъ низшаго класса семинаріи въ 1802 году, а учителемъ информаторіи былъ съ 1798 года; учитель Ушарвицкій въ информаторы поступилъ въ 1802 г. на мѣсто Крестникова (Ист. Тверск. семина. стр. 239).

журналъ о непорядкахъ учениковъ безъ учителя, который цензоръ подавалъ въ субботу; записанныхъ наказывалъ, но не строго, съ милосердіемъ. Чтобы узнать способности учениковъ и разсадить ихъ на мѣста по достоинству, задалъ намъ конструкцію изъ Цицероновыхъ писемъ; составить должны были въ классѣ, и онъ самъ слѣдилъ за всѣми, чтобы всякій сочинилъ по своему разумѣнію; кто, составивши, подавалъ учителю, могъ уходить обѣдать; я трудился и уиствовалъ съ 9 часа до 1-го; составивши, подаль, думая, что все ладно, но когда пришелъ въ квартиру и показалъ черновое братьямъ, они, просмотрѣвши, сказали: «Ну, много навралъ погрѣшностей около 15, гдѣ-то посадить тебя?» На другой деиь учитель далъ перевести съ латискаго на русскій языкъ въ квартирѣ, гдѣ при пособіи братьевъ, думалъ, перевелъ порядочно; на третій деиь учитель продиктовалъ изъ писемъ Циція перевести съ русскаго на латинскій языкъ тоже въ квартирѣ; разсмотрѣвши всѣ три сочиненія, учитель началъ пересаживать учениковъ по достоинству ихъ; когда дошла очередь до меня, сказалъ: «Къ конструкціи 15 ошибокъ, въ переводахъ меньше; первое твоихъ трудовъ, а послѣдніе—пособіе постороннихъ», и пересадилъ меня съ 3-й парты на 6-ю на 50 мѣсто изъ 100; затѣмъ на каждого ученика назначалъ аудиторовъ по два; мнѣ назначены были со 2-й парты Иванъ Яковлевичъ Ловягинъ ¹⁾: сынъ бѣднаго сельскаго дьячка, и Евграфъ Покровскій; первый былъ строгъ, второй милостивъ; мнѣ приходилось сдавать уроки больше первому и, чтобы записать знающимъ порядочно, удовлетворять его разными подарочками: кусками хлѣба, пирожка и калачками, иногда же и денежками: по копейкѣ, по двѣ и даже по пяти, за что въ случаѣ большихъ затруднительныхъ уроковъ получалъ отъ него наставленіе уходить изъ класса, когда учитель просматривалъ потатки и нѣкоторыхъ учениковъ спрашивалъ, чтобы провѣрить справедливость аудиторскихъ записей.

Въ то время, болѣзнуя объ насъ, малыхъ дѣтяхъ, пріѣхала къ намъ матушка, и мы ей очень обрадовались; она навезла намъ

¹⁾ Впослѣдствіи протоіерей кафедральнаго собора и ректоръ Тверскаго духовнаго училища.

много разныхъ припасовъ съѣстныхъ, печеныхъ, вареныхъ и сырыхъ, и пребыла у насъ три дня; я провожалъ ее всѣмъ городомъ версты три и простился слезно

Преосвященный Меодій назначенъ въ Тверь 31 дек. 1803 г.

На другой день прихода моего въ школу объявляютъ, что назначенъ новый Архіерей: тихаго старичка Павла перевели на высшую епархію въ Ярославль, а намъ дали строгаго Меодія, отъ котораго получено было предписаніе: 1) не стричь волосъ, а отпускать косы и завязывать пучкомъ, и чтобы богословы поступали сперва во дьяконы, въ которыхъ должны были прослужить не менѣе 3-хъ лѣтъ, а дьячки и пономари на священническія мѣста, такъ какъ въ оныхъ признается болѣе оытности въ священнослуженіи; 2) въ Великій постъ каждую среду и пятницу всѣ ученики ходили къ преждеосвященной антургіи въ соборъ, а въ воскресные и праздничные дни въ приходскія церкви, около которыхъ кто стоитъ на квартирѣ; 3) для наблюденія за исправнымъ хожденіемъ учениковъ въ церковь назначить надзирателей изъ добрыхъ и надежныхъ студентовъ, наименовавъ ихъ инспекторами, которые не бывшихъ должны записывать въ журналъ и таковой подавать на разсмотрѣніе въ семинарскую контору; они же должны ходить по квартирамъ учениковъ для наблюденія, кто чѣмъ занимается: ученіемъ или неприличными занятіями, картами и пр.; 4) чтобы всѣмъ ученикамъ семинаріи каждыясячно давалось по три сочиненія, которые должны представляться въ Петербургъ ему, Преосвященному Меодію, для разсмотрѣнія (эти сочиненія изъ Петербурга никому не возвращались); 5) для навыка въ церковномъ уставѣ учениковъ семинаріи по два каждодневно отпѣваютъ во всѣ церкви для чтенія и пѣнія, и священники должны были отмѣчать въ заведенныхъ для сего журналахъ, кто какъ читалъ, и ученики эти журналы съ отмѣтками священниковъ представляли своимъ учителямъ, а они—въ семинарскую контору; послѣ обѣди ученики чередные должны были являться въ классъ.

Сія чрезмѣрная строгость очень тяготила учениковъ и отвлекала отъ учебныхъ занятій.

Учитель Алексѣй Упирвицкій всѣмъ предлагалъ, чтобы въ

квартирахъ заниматься переводами съ латинскаго языка на русскій изъ Цицерона, Виргилія, Плинія и прочихъ, какія книги кто найдетъ, и съ русскаго на латинскій, переписывать почтице и подавать ему на разсмотрѣніе, чтобы узнать ему прилежаніе учениковъ и ихъ успѣхи. Я, выбравши одно мѣсто изъ Виргилія, съ помощію братьевъ перевелъ и подаль ему. Принявши тетрадку, онъ сказалъ: «За великое дѣло взялся—стихи переводить; можно-бы взять что-нибудь изъ прозы попроще; впрочемъ, разсмотрю». Черезъ нѣсколько дней приносить мою тетрадку съ надписью: «Стараніе видно, но замѣтно и вспомоgetельство другихъ, однако хвалю и одобряю за прилежаніе».

Къ Рождеству Христову родитель прислалъ двѣ лошади съ запасомъ муки на двѣ трети года и съ тѣмъ, чтобы намъ отправиться на оныхъ въ домъ родителей на праздникъ. Предъ отпускомъ, по предписанію Архіерея Меводія, велѣно членамъ семинарской конторы произвести иллюстрацію во всѣхъ классахъ семинаріи, чтобы видѣть познанія учениковъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ; иллюстраціи эти произведены были ректоромъ семинаріи Евгеніемъ II и префектомъ, соборнымъ протоіереемъ Іоанномъ Спидицынымъ. 20 декабря, по предписанію Владыки, ученики были отпущены. Мы поѣхали чрезъ Петровскія озера, такъ какъ этотъ путь считается короче лѣтняго на 20 верстъ; первое озеро очень пространное, второе меньше; на второмъ-островъ, гдѣ село Петровское; церковь деревянная, жителей 20 дворовъ, небольшое хлѣбопашество, главное же занятіе жителей рыболовство; крестьяне были во владѣніи кашинскаго купца Терликова. Послѣ села пришлось проѣзжать еще третьимъ озеромъ; здѣсь подулъ сильный вѣтеръ, дорогу заметало снѣгомъ, едва ее можно было видѣть. Хотя и благополучно доѣхали до дому, но впродъѣжъ забыли озерами,—очень холодно. Родители, видя насъ здоровыми, приняли насъ съ несказанною радостію, старшаго брата спрашивали, какъ учимся мы, меньшаки; братъ отвѣтилъ: «Григорій хорошо успѣваетъ, 3 ученикомъ, а Ванюша слабо: старается, но памяти нѣтъ».—«Ну чтожъ! отвѣтилъ родитель: благо старается и смиренъ; а съкъ ли учитель тебя розгама?», обратился родитель ко мнѣ. «Да насъ не

учитель стегаетъ, а ученикъ», отвѣтилъ я. — «Видишь, сказалъ отецъ, у него разумъ есть». Попрежнему мы, меньшіе, славили Христа вмѣстѣ съ родителемъ; намъ двоимъ давали рѣшето овса, а родителю рѣшето ржи, пару волоконъ пеньки и ломоть хлѣба, называвшіяся *коровка*; мѣшки съ зернами посылъ крестьянинъ и за труды бралъ себѣ коровку; набирала мы съ братомъ овса мѣръ до 50, который цѣною былъ 15—20 к. мѣда за мѣру; родитель нашъ овесъ продавалъ и этими деньгами насъ награждалъ. Старшіе братья Иванъ и Илья ходили по всему приходу отдѣльно, но собранныя имъ зерна не продавались, а оставались у родителя. По окончаніи славленія дин проводили на улицѣ въ разныхъ играхъ съ ребятишками, а вечерами я сидѣлъ около портного, который шилъ намъ одежды на отъѣздъ въ школу; иногда читалъ священныя книги.

Наступилъ день Крещенія Господня; сходили къ утругѣ и обѣднѣ; послѣ обѣда отецъ приказалъ братьямъ готовиться къ отъѣзду, и у меня сердце увяло: какъ буду уроки учить и конструкціи сочинять? память слабая, дарованія плохія, — что дѣлать? Буду больше Богу молиться. Правда, братья будутъ помогать въ конструкціяхъ и переводахъ, но уроки-то все-таки самому придется учить. Тяжкая, горестная мысль! Исправивши повозки и изготовивши припасы всѣ, мать и братья старшіе пошли къ хлѣбосотамъ прихожанамъ препроводить время отъ скуки, пить дрожженикъ (пиво безъ хмеля) и сусло, а мы, меньшіе, оставались дома; вечеромъ пріѣхалъ отецъ изъ прихода, пришли мать съ братьями, поужинали и рано легли спать: нужно было вставать рано, съ третьихъ нѣтъховъ (тогда часовъ ни у кого въ деревняхъ и селахъ не было, а время узнавали по нѣтню нѣтъховъ). Рано утромъ всталъ родитель и началъ всѣхъ будить пословицей: «вставай, Иванъ большой, и всѣ! дуги готовы, а хомутамъ не лежать». Всѣ встрепенулись, встали, отряхнулись. Отецъ далъ старшему брату 10 руб. ассигн. на содержаніе, на книги, бумагу и учителямъ благодарность и 10 руб. за квартиру; мать приготовила продовольствія съѣстного: говядины, баранины, свинины, масла коровьяго и крупъ ячменныхъ и овсяныхъ. «Этого запаса вамъ до ма-

саяной полно, сказала мать: а постъ какъ нѣбудь пропнѣтаетесь, пеки́те ржаные пироги и прѣспушки; къ Святой большіе приходите, а малыши оставайтесь въ Тверь». Старшій братъ сказалъ отцу: «Денегъ мало на содержаніе; пужно учителямъ отъ насъ, большихъ, дать по рублю и отъ малышей по 50 коп.». Отецъ отвѣтилъ: «Теперь мнѣ большіе взять негдѣ; какъ свадьбы будутъ, приплю по постѣ». Матужка сжаловалась и прибавила 5 руб., скопленныхъ ею отъ продажи яицъ и коровьяго масла.

7-го января тогда былъ царскій день, рожденіе Императора Александра 1-го. Батюшка отправился къ утренней службѣ, а мы, простившись съ родителями и получивши благословеніе, поѣхали въ Тверь. Въ первый день проѣхали 50 верстъ до села Волоскова, остановились почевать у священника Івана Макаровича, знакомаго батюшкѣ, хорошо были приняты и угощены; на другой день доѣхали до села Кушалина; остановившись у крестьянина, поужинали своимъ припасомъ, и на третій день, поднявшись очень рано, съ восхожденіемъ солнца пріѣхали въ Тверь. Въ квартирѣ убравши все изъ повозокъ, пошли являться къ учителямъ: у старшихъ братьевъ былъ учителемъ іеромонахъ Веніаминъ Спировскій, у Григорія — Стефанъ Малахіевичъ Тяжеловъ, у меня Алексѣй Ундрвицкій; братья дали учителямъ по рублю, а мы съ Григоріемъ по 50 к.; мой учитель благодарилъ меня за приношеніе подарка. Онъ получалъ жалованья 10 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, старшіе учителя нѣсколько побольше. Изъ казны тогда отпускаемо было на всю семинарію 5000 ассигнац., — на содержаніе конторы, учителей, бурсаковъ, отопленіе и освѣщеніе, но не было платы положено за ученіе съ родителей, какъ въ уѣздныхъ городахъ.

12-го января хозяйка Татьяна, жена солдата, сторожа казначейства Алексѣя Бобылева, была именинница, купила вина, пазарила нова, созвала гостей и братьевъ старшихъ пригласила на обѣдъ, а намъ, малышамъ, дала по долѣ пирога, и мы опять ушли въ школу; вечеромъ братьевъ съ гостями позвали на чай Чай тогда только началъ входить въ употребленіе; цѣна простого чаю была одинъ рубль ассигн. за фунтъ, а цвѣточнаго 4 руб. ф., сахаръ 50 к. фунтъ. Вино въ бутылѣ съ травой стояло въ нашей

комнатъ; я вздумалъ попробовать и потянулъ изъ бутылки; когда послѣ гостей позвали насъ ужинать, хозяева и братья замѣтили особенную красноту въ моемъ лицѣ и спросили: что такъ покраснѣлъ? Я признался, что попробовалъ, что такое въ бутылки, показалось сладко (вино наставлялось солодковымъ корнемъ), и потянулъ; въ эту ночь я крѣпко спалъ. 13-го числа не учился, былъ царскій день; все царскіе дни до 1810 года были неучебные и присутствія въ судахъ не было, но съ 1810 г., по докладу Сперанскаго, выдана была форма табельныхъ дней для судебныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній.

До масляной учился я порядочно и велъ себя смѣло, для похвалы выучивая латинскихъ словъ довольно, даже до 100. На масляную ректоръ Евгеній отпустилъ во вторникъ; я съ младшимъ братомъ остался въ квартирѣ, а старшіе братья поѣхали за 15 верстъ отъ Твери въ с. Бѣли-Кушалское съ товарищами, уроженцами того села. Намъ на масляную даны были въ урокъ переводы съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. Я съ помощію брата этимъ и занимался, но послѣ, вечеромъ, съ товарищемъ Матвѣемъ Росляковымъ выходилъ на Милліонную улицу смотрѣть катающихся и катаньемъ этимъ наконецъ прельстился; было у меня денегъ цѣлая гривна (10 к.); въ воскресенье въ два часа съ Росляковымъ пошли мы на биржу близъ трактира Гальяни (нынѣ домъ Пржеславской), за 10 к. наняли немудрую лошадку для катанья до вечера безъ ямщика и, стыдясь на клячѣ кататься со всѣми, поѣхали за Тьмаку, объѣхали тамъ все улицы; когда обратно доѣхали до собора, ударили къ вечернѣ, и мы поспѣшили на биржу, а тамъ закричали на насъ все ямщики и мальчишки: «вдвое отдадите, иначе шапки снимемъ». Одинъ изъ нихъ, къ счастію нашему, нашелся поумнѣе и добрѣе и спросилъ: «Какой у васъ уговоръ былъ, до вечерни? къ вечернѣ еще звонятъ; если бы отзвонили, другое бы дѣло; да я плюнулъ бы, а не стѣлъ на такую блячу; отдайте хозяину 10 к. и ступайте домой!» Мы, отдавши деньги, поспѣшавъ домой, а ямщики между собой стали ругаться. Очень я послѣ досадовалъ, что проѣздивъ свою гривну на клячѣ: лучше бы калачей купилъ да съѣлъ, удовлетворительнѣе было-бы.

Братья явились изъ Бѣлей-Кушальскихъ въ понедѣльникъ, но начальство не узнало объ ихъ отлучкѣ. Во вторникъ явились въ школу: учитель занимался только до 11 часа, а потомъ объявлялъ, что къ часамъ въ эту недѣлю всѣ должны ходить въ соборъ, а къ прочимъ службамъ въ приходскія церкви, близъ которыхъ стоять на квартирахъ; послѣ обѣда въ школу не ходить; уроковъ всю недѣлю давалось очень мало; цензору замѣтилъ, чтобы собиралъ съ учениковъ деньги за неповѣды духовнику, соборному старичку-священнику, и занясывалъ, кто сколько дастъ; я далъ 5 к., иные давали,—кто 2 к., кто 3 к., всего набрали 5 руб. мѣдью. Въ пятницу пришелъ въ школу духовникъ, началъ читать молитвы и потомъ по трюбнику всѣхъ вмѣстѣ спрашивать о грѣхахъ, и всѣ кричали: грѣшенъ! а иногда-нѣтъ!! Послѣ многихъ вопросовъ сказалъ: «Это я спросилъ васъ о младенческихъ и отроческихъ грѣхахъ, а кто имѣетъ особенные юношескіе грѣхи, тотъ долженъ притти ко мнѣ и открыться въ нихъ», затѣмъ всѣхъ крестомъ благословилъ. Послѣ духовника взомель въ классъ учитель и объявлялъ, чтобы причащаться въ субботу всѣ шли въ Отрочи монастырь къ ранней обѣднѣ, и цензору велѣно записывать, всѣ ли будутъ въ церкви; о не бывшихъ и не причастившихся подать записку въ семинарскую контору.

Въ понедѣльникъ 2-й недѣли поста явился въ школу. Я запасся монеткой, которую тайно передалъ адютору Ловягину, чтобы былъ милостивѣе въ помѣтахъ о знаніи уроковъ, и тѣмъ прикрылъ себя отъ выговоровъ учителя и наказаній; домашнія письменныя работы исправлялъ мнѣ братъ Григорій, который, еще въ Кашиинѣ получивши чахотку и геморрой отъ истязаній учителя Верещагина, лежалъ въ квартирѣ больной. Въ этотъ Великій постъ, забывши наставленія духовнаго отца, я началъ проявлять въ своемъ поведеніи нѣкоторое стремленіе къ своеволію, въ перемѣны уроковъ разговаривалъ, шумѣлъ и кричалъ и за это былъ много разъ записанъ въ журналъ цензоромъ Θεодоромъ Росляковымъ; много разъ записанъ былъ и въ томъ журналѣ, гдѣ отмѣчались говорившіе по-русски, а не по-латыни.

Эти журналы подавались учителю каждый мѣсяцъ, и записан-

ныхъ много разъ не щадили: наказывали розгами. Подходило время къ подачѣ журналовъ учителю; страшно болель розогъ, я задумалъ похитить журналы; 24-го марта, сидя позади цензора, я замѣтилъ, когда онъ клалъ книги и журналы въ сумку, и когда онъ поднялся, я выхватилъ тетради такъ, что при шумѣ и крикѣ никто не замѣтилъ, спрятавъ за пазуху и сдѣлался очень веселъ. Радостное чувство трудно сохранить въ душѣ: оно ищетъ общенія; поэтому и я сообщилъ о своемъ подвигѣ товарищу Яконовскому подъ заклятіемъ, чтобъ никому не сказывалъ. Послѣ обѣда мы пошли съ Яконовскимъ на Волгу; тамъ стояла барка, замерзшая во льду; перебрались на нее и стали тамъ разсматривать журналы; я оказался записаннымъ 10 разъ, а Яконовскій еще болѣе; порадовался, что и себя и многихъ избавили отъ наказаній, и стали совѣтоваться, что дѣлать съ журналами; вздумали сначала наvertѣть на камень и утопить ихъ, но побоялись, что лѣтомъ, когда вода уменьшится, найлутъ ихъ; додумались наконецъ, что я возьму ихъ домой и сожгу въ печкѣ; такъ и сдѣлали. Когда 26 марта учитель пришелъ въ классъ, цензоръ заявилъ ему, что кто-то у него журналы укралъ; учитель засмѣявшись сказалъ: «Молодецъ! всѣхъ шалуновъ избавилъ отъ наказанія; а тебя за оплошность слѣдовало-бы оставить, но ты вѣренъ, и потому сдѣлай новый журналъ и держи крѣпче за пазухой». Мой проступокъ сохранился въ тайнѣ только до 23 іюня, и объ открытіи его будетъ сказано въ свое время.

Среди поста пріѣхалъ изъ Петербурга братъ Алексѣй въ офицерскомъ званіи, которое тогда было очень громко и славно, но въ худомъ одѣяніи; братья отъ стыда и жалости заняли у хозяина болѣе 30 руб. ассигн., купили б. ату сукна на мундиръ и брюки, шапку и трехугольную шляпу и нарядили его хорошо. На Святую недѣлю отпустили въ Лазареву субботу; братья стали собираться на родину, а меня оставляютъ въ Твери съ больнымъ братомъ Григоріемъ; мнѣ ужасно прискорбно было оставаться, да дѣлать нечего: нельзя больного вести въ распутицу. Братъ-офицеръ выправилъ изъ суда подорожную братъ себѣ въ подводѣ пару лошадей, а для меня въ утѣшеніе братья схлопотали чрезъ пона-

маря Ивана Петрова у священника Владимірской церкви Разумихина ходить въ Пасху съ образами по приходу; я этому былъ радъ: будуть давать яица и копеечки. Трое братьевъ уѣхали на родину, а же въ Страстную недѣлю сталъ ходить за службы къ Владимірской церкви и послѣ обѣда туда же чистить лампы и подсвѣчники вмѣсто понамаря. Въ первый день Пасхи служители церкви не ходятъ по приходу съ образами, а въ слѣдующіе дни недѣли только по утрамъ; мнѣ, какъ меньшему всѣхъ, дали носить кадило и ящикъ со свѣчами; послѣ молебновъ давали намъ яица и копеечки, это мени возвеселяло. Въ одинъ день послѣ обѣда позвали священника съ Божіей Матерью къ секретарю Егору Петровичу; послѣ молебна съ водосвятиемъ дали намъ по яйцу и по 5 к. мѣды; священника съ причтомъ оставили обѣдать, а намъ пѣтерымъ дали по блину, чѣмъ мы были довольны. Такъ прошла Святая недѣля, и я выходилъ 50 яицъ и 1 руб. 50 к. денегъ. Какъ велика была моя радость! Для утѣхи больного брата я покупалъ пряниковъ, изюму и разъ даже сдобную пасху, но онъ почти ничего не ѣлъ и все стоналъ, жалуюсь на страшную боль.

Послѣ Святой пріѣхали съ родины братья на перемѣнныхъ подводахъ и ничего изъ припасовъ не привезли, кромѣ пѣсколькихъ яицъ и сдобныхъ лепешекъ изъ пшеничной муки своего размола; сказали, что по просухѣ пріѣдетъ родитель за больнымъ братомъ и тогда привезетъ. Дѣйствительно, послѣ Николы отецъ пріѣхалъ за Григоріемъ; начальство отпустило его, и родитель, взявши больного, приказалъ братьямъ меня беречь и помогать въ ученьи.

1804 г. Въ это время ректора семинаріи возвели въ епископство, а намъ назначили новаго архимандрита Нектарія ¹⁾. Милостивый Нектарій очень часто отпускалъ семинаристовъ на такъ называемыя рекреаціи въ Отрочевскую дачу Литвинкѣ, куда и самъ съ учителями пріѣзжалъ; тамъ былъ монастырскій домъ, гдѣ онъ покушивалъ съ учителями чай, пушшъ, водку и разныя

¹⁾ Евгеній не былъ Епископомъ, а пазъ Твера въ 1804 году перенесенъ въ архимандриты Свіязжекаго монастыря (Истор. Тверск. дух. семин.).

закуски; намъ позволялъ играть, кто во что умѣетъ, и самъ выходилъ играть въ лапту и бабки; при окончаніи кидалъ намъ орѣхи, пряники и др. сласти. Когда уѣзжалъ, семинаристы обступали его экипажъ и просили: «Отецъ ректоръ! мы, устали, позвольте завтра поспать, а иначе будемъ дремать». Много улыбаясь, ректоръ отвѣчалъ: «Увольняю завтра на весь день!» Тогда всѣ семинаристы весело запѣвали: «Что не листомъ трава разстилается, наши буйныя (покорныя) головки преклоняются», при этомъ всѣ падали въ землю и вставши тоекратно кричали: ура! ура! ура! Такихъ рекреаций въ маѣ было пять.

Въ іюнь-мѣсяцѣ ученики изъ малыхъ классовъ до реторики посылаемы были въ лѣсъ за травами. буковицей, вероникой, тrefолью и пр. по назначенію лѣкаря.

23 іюня постигло меня несчастіе, — открылось мое похищеніе журналовъ. Товарища и соучастника моего Яконовскаго оставили безъ обѣда за неисправность, а я по отдаленности квартиры оставался въ классѣ обѣдать; сталъ онъ у меня просить хлѣба, я отказалъ; тогда онъ угрожалъ мнѣ: «скажу учителю, что ты укралъ журналы». «Я не боюсь, отвѣтилъ я: это было давно, въ Великій постъ; ты будешь самъ виноватъ, зачѣмъ не сказалъ въ то время!» Когда пришелъ учитель, Яконовскій, вставши, заявляетъ ему: «Иванъ Соловьевъ въ Великій постъ укралъ журналъ и калькулюсъ. — А ты зналъ и доселѣ не сказывалъ? Значить, вмѣстѣ шалашъ. Соловьевъ! правду на тебя доносить Яконовскій? — «Виноватъ!» — Ступай къ печкѣ на раздѣлку. — Барановъ! привеси лозинку! — Готово! — Я началъ всячески умолять о помилованіи. «Нѣтъ! съ малыхъ лѣтъ потакнешь тебѣ, большой вырастешь плутомъ». — Я завтра пенни-ники! — «Тѣмъ лучше! Если бъ вь сегодня ты былъ, все же шалушу нельзя дать потачку». — Разложили меня около печки, одинъ изъ товарищей, по приказу учителя, держалъ голову, другой ноги, и дали мнѣ десять ударовъ. — Затѣмъ учитель сказалъ: «Теперь положите и доносчика, зачѣмъ долго скрывалъ плутни товарища». Послѣ учитель спросилъ товарищей: Въ чемъ у нихъ вышла ссора?» — Тѣ отвѣтили: «Яконовскій, оставленный вами безъ обѣда, просилъ у Соловьева хлѣба, а онъ ему не далъ». — Соловьевъ правильно

поступилъ, Яконовскому слѣдуетъ еще прибавить: не проси хлѣба». Пришедши на квартиру, я разсказалъ все случившееся безъ утайки братьямъ; тѣ избрали меня и стали грозить, что за этотъ проступокъ меня не переведутъ въ слѣдующій классъ—синтаксиму. Я отвѣтилъ: «Я учителю сказалъ, что завтра именинникъ; всѣ именинники посятъ ему булки или французскіе хлѣбы, а я спешу, чтобы помидовалъ». «Это закуска, а выпить-то что? сказалъ одинъ изъ братьевъ: нужно еще снести бутылку бѣлаго вина или сладкой водки; но водка дорога—рубль бутылка, а виноградное бѣлое 30 к.; снеси бѣлаго и 5 хлѣбовъ!». Поутру братья дали мнѣ 55 коп.; купилъ я бѣлаго бутылку и 5 хлѣбовъ, пришелъ въ семинарію въ квартиру учителя и, вызвавши его, говорю: «Я сегодня именинникъ, примите мое усердное приношеніе!» — Благодарю, поздравляю тебя съ днемъ ангела твоего; учись прилежно, забудь твою признательность! — «Я стараюсь прилежно, забудьте мою шалость!» — О! это ребячество, будь спокоенъ! — Эти слова воодушевили меня, и я пришелъ въ такое восхищеніе, какъ будто-бы принялъ даръ съ небесъ. На квартирѣ радостно разсказалъ братьямъ милостивый пріемъ учителя, пошелъ къ обѣднѣ и молился усердно; послѣ обѣдни попросилъ отслужить молебенъ св. Предтечѣ Іоанну и за молебенъ далъ 10 к., сумму, по тогдашнему времени, очень немалую. Пришедши изъ церкви, началъ приготовляться къ экзамену, который начинался съ 1 іюля. На экзаменъ вступилъ слѣдующаго класса учитель синтаксиса, іеромонахъ Арсеній Крестниковъ, задалъ латинскую конструкцію и, походя нѣсколько времени по классу и, видно, соскучивъ, вышелъ; мы передавали свои чернышки студентамъ богословія, у которыхъ экзаменовъ не было, и отъ нихъ получали свои конструкціи исправленными; по слабости своего разумѣнія, и я между другими вповоть былъ въ этомъ проступкѣ; когда возвратился учитель въ классъ, мы поочередно подавали переписанные набѣло сочиненія и выходили изъ класса; послѣ обѣда въ классъ не ходилъ, а повторялъ пройденное въ теченіе года изъ исторіи, катихизиса, географіи, арифметики, русской грамматики, латинской же преимущественно. На другой день былъ переводъ на русскій языкъ изъ Цицероновыхъ рѣчей,

на третій переводили съ русскаго языка на латвскій; слѣдующіе три дня недѣли происходили устные экзамены изъ всѣхъ предметовъ. По окончаніи недѣли экзаменовъ мы, малолѣтніе изъ 4-хъ младшихъ классовъ, по приказанію начальства, ходили въ лѣсъ за можжевеловникомъ и въ поле за цвѣтами для украшенія кафедръ и для половъ—для предстоящихъ диспутовъ ¹⁾).

По окончаніи диспутовъ, ректоръ объявлялъ ученикамъ, что они, по распоряженію Преосвященнаго Владыки, увольняются въ дома родителей до 1-го сентября; тогда еще не была въ употребленіи выдача билетовъ. Въ квартирѣ съ нами стоялъ ученикъ письменнаго класса Александръ Одинцовъ, сынъ священника села Волосова Іоанна Макаровича, жена котораго Дарья Филипповна была троюродною сестрою нашего родителя; за Одинцовымъ была прислана лошадь, и братья уговорили меня ѣхать съ нимъ, такъ какъ этимъ я избавлялся на большую половину дороги отъ пѣшехожденія; мнѣ, правда, хотѣлось лучше идти съ товарищами пѣшкомъ; у нихъ были съ собою скрипка, балалайка, ружье и пистолеть; дорогою поѣзжались пѣсенки, ѣли купленные ягоды: малину, чернику и др.; но братья напугали меня усталостію, и я поѣхалъ. Когда мы выѣхали съ извозчикомъ, день былъ очень жаркій, лошадь очень заморилась, и мы, не доѣзжая 5 верстъ до Волосова, поворотили влѣво, въ деревню извозчика и у него ночевали; насъ накормили здѣсь очень сытно яичницей и кашей молочной. Утромъ на другой день мы пріѣхали въ Волосово; приняли меня благосклонно, угостили сытнымъ завтракомъ; послѣ завтрака ходили на постройку каменной церкви, сидѣли на берегу рѣки Медвѣдицы и любовались, какъ плещется въ рѣкѣ играя рыба. Хорошо было въ гостяхъ, но я скучалъ; сердце мое рвалось домой къ родителямъ. При захожденіи солнца мы вышли съ товарищемъ за село встрѣчать братьевъ, которые дѣйствительно скоро явились, и я имъ очень обрадовался; священникъ Одинцовъ встрѣтилъ всѣхъ насъ у воротъ, принялъ благосклонно моихъ братьевъ и даже по-

¹⁾ Описаніе диспутовъ, изображенныхъ о. Соловьевымъ довольно слутанно, опущено. Смотр. порядокъ диспутовъ въ Исторіи Тверской духовной семинаріи 201—216 стр.

путчиковъ ихъ, товарищей—Аѳанасія Шапошникова изъ Кесова и Петра Лисицина изъ Березина, упрости у него ночевать. У священника была дочь хорошенькая; чтобы похвалиться предъ студентами семинаріи хлѣбосоольствомъ, онъ угощалъ ихъ водкою и виномъ, но братья мои еще тогда не пили вина. Поутру позавтракавши, пошли въ путь-дорогу, въ дорогѣ развѣдали ягоды—чернику и малину, уже поздно вечеромъ едва дотащались до дому, страшно уставши. Мать встрѣчала насъ со слезами, а отецъ съ унылымъ видомъ, и спрашиваютъ насъ: «а гдѣ же Григорьюшка, братецъ нашъ?» «Долженъ быть дома», сказали мы, но родитель отвѣтилъ: «Не стало его дома, онъ ужъ при церкви въ могилѣ. Ну, видно, такъ угодно Богу. Смотрите же, большаки, берегите маленькаго; онъ будетъ всѣмъ намъ поминарикъ». Я въ душѣ своей подумалъ: отецъ хочетъ, чтобы я былъ духовнымъ, но я не хочу, я пойду въ подьячіе.

Въ каникулы я занимался подъ руководствомъ братьевъ нѣсколькими конструкціями, но больше полевыми работами: сгребалъ сѣно и убиралъ въ сарай, поспалъ жнецамъ квасъ и пищу и смотрѣлъ за ними, возилъ снопы и исправлялъ пр. легкія работы. Въ началѣ Успенскаго поста одинъ крестьянинъ привнесъ намъ подстрѣленнаго дикаго утенка; я его послалъ на прудъ утромъ и послѣ обѣда; утенокъ въ дѣнь недѣли очень поправился, сталъ полетывать и очень пригодился въ Успенскій день на хорошій супъ. Предъ Успеньемъ въ одинъ вечеръ прилетѣла къ намъ въ садъ большая птица и сѣла на березѣ. Увидя это, родитель очень испугался, подумавши: не филинъ ли? Филинъ считается вѣщею птицею и является всегда предъ какимъ-нибудь несчастьемъ. Когда я еще не былъ въ школѣ, помню, какъ то прилетѣлъ филинъ и усѣлся на крестѣ церкви, и что же? вкорѣ церковь подломали и украли 200 руб. мѣдью; это было въ темную осеннюю ночь, и воры пріѣзжали на телегахъ; воровать тогда было удобно: караула при церквахъ не было. Потому-то отецъ и испугался; въ это время у него было ружье, ваятое у мельника; онъ зарядилъ его и выстрѣлилъ, но не попалъ, а птица все сидитъ; выстрѣлилъ еще, опять не попалъ; выстрѣлилъ въ третій разъ, и птица повалилась съ березы; когда внесли

ее въ домъ, оказался большой глухой тетеревъ, который въ Успенскій день послужилъ хорошимъ жаркомъ. Лѣто было очень грибное, и въ свободное время мы всей семьей ѣздили за грибами; большіе брали грибы, а я караулилъ лошадь; засушено было грибовъ болѣе пуда и намъ въ Тверь отпущено фунтовъ 10. 29-го августа, въ день именинъ старшаго брата Ивана, мать испекла пироги съ толченымъ макомъ и медомъ, что я особенно любилъ; 30-го августа отецъ, послѣ исправленія повозокъ и поклажи разныхъ припасовъ, велѣлъ намъ ранѣе ложиться, чтобы ранѣе утромъ выѣхать. Утромъ благословилъ насъ, далъ старшему брату 10 р. на квартиру, книги, бумагу и пр. и отправилъ насъ въ Тверь; ѣхали обычнымъ путемъ, ночевали въ Волосовѣ и Кушалинѣ и въ 10 час. утра 2 сентября пріѣхали въ Тверь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни перся Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

1-го сентября всѣ мы пошли къ своимъ учителямъ являться по заведенному издревле порядку; такъ какъ учителя получали жалованье очень малое, то всѣ ученики, кромѣ богослововъ, при явкѣ подносили денежные подарочки. Я, взявши полтину мѣди отъ братьевъ, понесъ къ своему учителю Алексѣю Трифилевичу и, вручая ему, сказалъ: «Примите мое усердное приношеніе!».

«За что?» отвѣчалъ онъ.

«За то, что вы преподаете намъ правила нравственности и учитесь нужнымъ наукамъ, необходимымъ въ жизни для просвѣщенія ума».

«Благодарю за признательность! Чѣмъ дома занимался?»

«Читалъ книги; училъ вокабулы (т. е. слова латинскія); братья задавали конструкторіи латинскія и маленькіе переводы».

«Да развѣ ты братъ съ собой книги?»

«Какъ же!—грамматику Соболевскаго, лексиконъ Целлара и вокабулы».

«А въ полѣ работали?»

«Насъ отецъ не принуждалъ работать; у насъ работаютъ міромъ, а мы только присматривали за рабочими и носили имъ потребную пищу».

«У васъ ученіе начнется не скоро: будутъ переводы изъ класса въ классъ.»

«Осмѣливаюсь спросить, меня переведутъ?»

«Я думаю. Ты всегда въ классъ ходишь, уроки учишь, сочиненья подаешь, хоть не всегда вѣрные, все же отъ стада не отстаешь».

«Благодарю!»

«Ну, прощай! Завтра приходи въ школу».

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13, 15, 16 и 18.

Я далъ учителю 50 к., по тогдашнему времени весьма много; товарищи мои, дѣти священниковъ, которые были гораздо богаче моего отца, не давали болѣе 25 к., а иные давали 15 и 10 к.

На другой день мы отправили извозчика въ домъ родителей, а сами пошли въ школу; я повидался, поздоровался съ товарищами, но пріятелей у меня не было, не имѣлъ коими паче друзей; о семь словъ, помладости лѣтъ, и понятія не имѣлъ.

Въ 10 час. пришелъ учитель, поздравилъ насъ съ пріѣздомъ и спрашивалъ: «какъ проводили время? занимались чѣмъ?» Нѣкоторые сказали, что въ полевыхъ работахъ помогали отцамъ. «Тѣлесная работа, сказалъ учитель, полезна: она укрѣпляетъ силы; между дѣломъ нужно и бездѣлье ума, чтобы разумъ твой тѣлеснымъ трудомъ укрѣпился. *Interpone tuis, inter gaudia curis, ut quem vis possisque laborem*, сказалъ Цицеронъ. А теперь займитесь умственной работой; вотъ васъ переведутъ въ синтаксму, старайтесь успѣвать и тамъ; въ томъ классѣ предметы будутъ новые, болѣе затруднительные, но труды ваши и тамъ не останутся безъ награды». И много онъ давалъ намъ еще другихъ добрыхъ и полезныхъ наставленій. Урокъ продолжался не болѣе часа. Учитель отпустилъ насъ и послѣ обѣда не велѣлъ приходить, а заниматься дома для будущаго высшаго класса.

Дорогой съ товарищами мы разговаривали: «Какой учитель нашъ добрый и благосклонный! Когда насъ переведутъ, хорошо бы, если бы и его къ намъ перевели; вотъ, говорятъ, учитель философіи, іеромонахъ Веніаминъ Спировскій, выходитъ изъ нашей епархіи, то, можетъ-быть, и будетъ перемѣна. А отецъ іеромонахъ Арсеній очень строгъ». Другой сказалъ: «Нѣтъ, я онъ хорошъ, только какъ-то страшень». Третій сказалъ: «Э, братцы! да онъ потому и кажется страшень, что монахъ; какъ увидишь монаха, всегда на сердцѣ является какая-то боязнь». И о. Арсеній добрый, мало съ-честь розгами, а все посылаетъ или на работу въ огородъ, или въ монастырь, или на колѣна ставить. А что, Соловьевъ, тебя переведутъ?»

«Не знаю, учитель увѣрилъ брата, что переведутъ». «А какъ же, вѣдь, тебя выѣкли за кражу журнала?» «Такъ что жъ? за ученье

меня никогда не сбили; я всегда учил уроки и подавал кон-
струкція и переводы. Учитель сказалъ брату: «Это ребяческая ша-
лость; онъ многихъ избавилъ отъ наказаній и за нихъ самъ по-
страдалъ. Вотъ, если бы носъ кому расквасилъ, или что-нибудь
украсть, или въ школу не ходилъ и урокъ не училъ, тогда не за
что было бы перевести.»

И такъ цѣлую недѣлю ходили въ прежніе классы, повторяя
выученное; послѣ обѣда не всѣ приходили, и взысканій за это
не было; но я постоянно ходилъ, опасаясь при переводѣ за не-
бытность въ томъ же классѣ быть оставленнымъ.

На другой недѣлѣ послѣдовалъ переводъ: пришли въ классъ
ректоръ—архимандритъ, префектъ, соборный прот. Синицынъ, сеньоръ
(прежняго класса студентъ богословія) и пріоръ (ихъ дол-
жность была ходить каждый день по классамъ и замѣнять уроки
отсутствующихъ учителей), а письмоводитель со спискомъ учени-
ковъ. Письмоводитель выкликалъ по списку удостоившихся пере-
вода; префектъ приказывалъ таковымъ выходить въ сѣни; мы всѣ
тихо и умирно слушали, выжидая вызова своего имени. Вызвали
отъ 20 до 30 человѣкъ; эти ученики именовались похвальными;
и 25 изъ оныхъ на публичномъ экзаменѣ при народномъ собра-
ніи получили изъ рукъ ректора книжки за успѣхи; въ 3-мъ де-
сяткѣ вызвали и мое имя: Иванъ Соловьевъ! Сердце мое возрадо-
валось; я не смѣлъ идти по партѣ верхней, дабы товарищамъ не
сдѣлать неудобства, а проползъ по полу. Сначала вызвано было
около 50 человѣкъ, которыхъ ректоръ повелъ въ высшій классъ
—спитаксиму и представилъ ихъ новому учителю, іеромонаху
Арсенію, со словами: «Вотъ намъ новые ученики, старайтесь вкоре-
нить въ нихъ нравственность и преподавать имъ новые учебные
предметы по предназначенному уставу». Не переведенные возрыдали;
но учитель Ушвицкій утѣшалъ ихъ: «Не плачьте! чрезъ недѣлю
еще будетъ переводъ; пока переведены только хорошо, и стара-
тельно занимапіеся».

Новый учитель далъ намъ наставленіе, чтобы мы вели себя,
какъ можно благонаравнѣе, и не ослабѣвали въ ученіи, а стара-
лись преуспѣвать болѣе; потомъ, прочитавши молитву, отпустилъ

насть по квартирамъ, сказавъ: «повторяйте выученное!». На второй недѣлѣ переведены были посредственныя, на третьей недѣлѣ послѣдоваль третій переводъ уже малоуспѣшныхъ, цнхъ по просьбамъ, цнхъ изъ милосердія; всѣхъ переведено было изъ высшей фары въ сиктаксиму до 80 человекъ, оставлено до 10.

На 4-й недѣлѣ послѣдовала перемѣна учителей. Явились въ нашъ классъ префектъ съ письмоводителемъ, прочитали отъ Архіерея указъ, которымъ назначается къ намъ прежній учитель Алексѣй Унпрвцкій. «Вотъ вамъ на новыя предметы прежній учитель; вы къ нему привыкли; но отвыкайте отъ прежнихъ шалостей и старайтесь успѣвать въ наукахъ, а не то лѣтяевъ вздъ переводу», сказалъ префектъ и самъ улыбнулся. «А вы, обратидся онъ къ іеромонаху Арсенію, пожалуйте въ поэзію!». Мы всѣ встали и закричали своему учителю: «какъ мы вамъ рады, Алексѣй Трефилъевичъ!». «И я радъ, отвѣтилъ онъ: только удовлетворяйте моимъ желаніямъ».

Настоящее ученье всегда начиналось съ 26 сентября. И на этотъ разъ велѣно было итти на 26-е ко всенощному бдѣнію по ближайшимъ церквямъ, кто гдѣ стоялъ, а къ обѣднѣ 26 въ соборъ. Служилъ префектъ прот. Сявцынъ, одинъ изъ учителей сказывалъ проповѣдь, послѣ обѣдни былъ молебень при началіи ученія съ колѣноупреклоненіемъ; въ этотъ день не учились. На другой день явились въ классъ; учитель посадилъ насъ по мѣстамъ, какъ было въ прежнемъ классѣ, никого не повышая и не понижая. Назначилъ аудиторомъ для выслушиванія уроковъ и записыванія въ нотаты, цензора для наблюденія за поведеніемъ учениковъ до прихода учителя; велѣлъ завести калькулюсы, т. е. грамоты, въ которыхъ каждый самъ долженъ былъ записывать себя, если по забывчивости до прихода учителя говорилъ по-русски, а не по-латыни; эти калькулюсы каждую недѣлю учитель просматривалъ и часто провинившихся наказывалъ строгимъ выговоромъ и даже ставилъ на колѣна. Не знаю, было ли въ употребленіи прежде въ этомъ училищѣ—бить виновныхъ линейкой по ладони; въ Кашиинскомъ училищѣ эта мучительная казнь была производима; тамъ давали этихъ палей отъ 5 до 10.

Началось ученье; дана была конструкція въ классѣ, и учителемъ сказано, что по достоинству конструкціи будутъ разсажены ученики по мѣстамъ: кто сочинитъ удачнѣе, тотъ посаженъ будетъ выше, а кто хуже, тотъ ниже. Я трудился, старался, но отъ природы дарованіемъ не былъ одаренъ; на одно русское слово найти до 5 латинскихъ словъ и привести ихъ въ правильное сочтеніе, это было для меня неудобопонятно. Уже многіе подали тетрадки, переписанныя набѣло, а я не окончилъ еще и вчернѣ; учитель ушелъ обѣдать и приказалъ одному изъ первыхъ учениковъ отобрать тетрадки у остальныхъ и принести въ келью учителя (въ прежней семинаріи на берегу Волги, близъ дворца и собора; учителя всѣ жили въ одной и пользовались казенными дровами и освѣщеніемъ, кромѣ пищи). Ко мнѣ подошелъ оставленный учителемъ для наблюденія Алексѣй Соколовъ; я упрасилъ его попросить мою конструкцію, обѣщая ему за это принести грошъ; онъ кое-что поправилъ, но я при перепискѣ поспѣшностію и оплошностію своею допустилъ все-таки много погрѣшностей. Чрезъ день учитель принесъ тетрадки и по нимъ сталъ пересаживать; на моей тетрадкѣ оказалась 10 форовъ, т. е. неправильныхъ словъ, и мѣсто я получилъ на 3 партѣ, въ числѣ нехудыхъ. Въ классѣ я ходилъ неопустительно и всегда занимался прилежно, но уроки выучивалъ съ большою трудностію, особливо Цицероновы и Горациевы рѣчи и Виргиліеву Энеиду, которыхъ переводъ на русскій языкъ былъ очень труденъ и неудобопамятенъ. Конструкціи и переводы на русскій языкъ съ латинскаго давались каждую недѣлю потому, что Архіерей Меѳодій Смирновъ требовалъ къ себѣ всѣ сочиненія отъ всѣхъ учениковъ и студентовъ философіи и богословія въ Петербургъ, но возвращенія нѣбавимъ сочиненіямъ не было.

Подружился со мною товарищъ Александръ Масловъ; 23-го ноября онъ былъ именинникъ и позвалъ меня изъ класса къ себѣ обѣдать; изготовлены у него были ржаной пирожекъ съ овсяными крупами, соленые рыжики, черные грабы и житная каша.

Пообѣдавши, пошли вмѣстѣ въ школу, и братъ его старшій Алексѣй, взявши слово держать услышанное въ секретѣ, открылъ

мнѣ тайну: «у постоящицы-солдатки увидя сундукъ открытымъ— не запертымъ, полюбопытствовалъ посмотрѣть и на дѣй его нашелъ серебряный цѣлковый (рубль, который въ то время (1804 г.) ходилъ съ лажемъ въ 30 к.); взялъ и боюсь, чтобы у меня его не нашли; возьми ты его и сохрани, когда-нибудь вмѣстѣ пройдемъ на калачахъ». Я по глупости согласился. На другой день онъ принёсъ мнѣ его; я принёсъ въ квартиру и, не сказавши братьямъ, положилъ его въ сундукъ; тамъ скоро увидѣлъ его одинъ изъ братьевъ и спросилъ, откуда у меня взялся цѣлковый. Я ему открылся и сознался во всемъ. Онъ сталъ меня сильно бранить: «а если узнаютъ?—тогда ты будешь виноватъ, и тебя больно высѣкутъ». Другой братъ Илія сказалъ: «Авось, пройдетъ такъ, а у насъ теперь денегъ нѣтъ, и намъ онъ очень годится, послѣ же Рождества мы его отдадимъ». Черезъ нѣсколько времени Масловъ сказалъ мнѣ, что солдатка обыскивала у насъ въ сундукахъ и спрашивала, но мы отказались, что не знаемъ. Я на это сказалъ ему, что братъ мой нашелъ деньги у меня; тогда онъ измѣнился въ лицѣ и сказалъ: «Какъ же мы поѣдемъ на Рождество? мы бы купили что-нибудь маленькимъ сестричкѣ и братишкѣ. Давай, хоть сколько-нибудь купимъ калачей!» Я отвѣтилъ: теперь нѣтъ у меня, послѣ Рождества отдамъ.

За недѣлю до Рождества начались вмѣсто экзаменовъ такъ называемыя пиллюстрии. Въ каждый классъ входили не болѣе, какъ на часъ, префектъ, сеньоръ и пріоръ и устно испытывали въ знаніи латинскаго языка; пѣз другихъ предметовъ очень мало спрашивали. Послѣ пиллюстрии отпустили насъ на праздники до 9 января слѣдующаго 1805 года безъ билетовъ.

1805 г. Родитель прислалъ за нами лошадь съ запасомъ муки ржаной до Пасхи, но теперь озерами мы не поѣхали: зима была теплая, и мы боялись метелицы и проталинъ на озерахъ. Въ домѣ родителей время проводили, какъ прежде; двѣ недѣли показались для меня, малолѣтняго, за два дня. Опять ѣхать на ученье, какъ на мученье; 7-го съ третьяго пѣтуха выѣхали, ночевали въ Волосовѣ, откуда поутру не рано выѣхали, такъ какъ сборы и слезы Волосовскаго мальчугана, ѣхавшаго съ нами, были медли-

тельны, а для матери и сестры его разительны, и до прежнего вочлега Кушалина не доѣхалъ, а потому и къ Тверь я прѣѣхалъ только къ вечеру. 10-го явился къ учителю, положилъ на столъ полтину денегъ, получилъ благодарность и приказъ ятти въ классъ!

Черезъ недѣлю учитель задавъ конструкцію, которую я составилъ со вспомошествованіемъ и поправками того же товарища изъ первыхъ учениковъ Соколова, и меня за сію конструкцію повысили на пять учениковъ. Аудиторы назначены были новые; мнѣ назначили Петра Морощкина, который противъ прочихъ былъ очень строгъ и часто давалъ отмычки только: «не худо». Учителемъ было объявлено намъ, что если кто на цензора или аудитора будетъ имѣть неудовольствіе, то пусть напишетъ жалобу на бумагѣ: «на словахъ же принимать не буду». Цѣлю такого распоряженія было узнать, какъ мы можемъ выражать свои мысли; изъ подававшихъ иныхъ учитель похваливалъ, а другимъ говаривалъ: «смысла нѣтъ, не по-русски, барбаризмъ!». Не умѣя самъ правильно излагать свои мысли, я попросилъ брата написать за меня жалобу на аудитора; онъ написалъ, и въ концѣ его письма было такое выраженіе: «излей хоть каплю милосердія!». Переписывая, я усумнился: капли мнѣ мало показалось, и я вмѣсто капли написалъ: океанъ милосердія. Подалъ я учителю жалобу въ сѣняхъ; вошедши въ классъ, послѣ молитвы, онъ сталъ разбирать записи аудиторовъ, добрался до меня и вызываетъ: «Иванъ Соловьевъ! записанъ: не худо». Я отвѣчалъ, что знаю хорошо. Онъ сталъ читать мою жалобу и, добравшись до слова «океанъ», разсмѣялся: «хоть бы капельки просилъ, а то океанъ! утонешь!. Самъ сочинялъ?» — Самъ. «Ну, читай урокъ!» Я началъ читать. «Отлично! а изъ Храмовыхъ разговоровъ съ кѣмъ хочешь отвѣчать?» — Съ аудиторомъ Морощкинымъ. И Морощкинъ отвѣчалъ плохо. «Какъ же ты самъ худо знаешь, а знающаго хорошо отвѣчаешь: — худо? Читай весь урокъ!». И Морощкинъ опять отвѣчалъ плохо. «Ну, полно! вижу, что ты плутъ; за это лишаешься званія аудитора и становишься на колѣна»!. И онъ стоялъ весь классъ на колѣнахъ. Потомъ заставилъ меня читать урокъ; я прочиталъ. Учитель сказалъ: «Соловьевъ оправдываетъ себя, видимо старается; нужно излить на него капельку милосердія», и самъ улыбнулся, а товарищи всѣ разсмѣялись.

14-го марта цензоръ возвѣстилъ всѣмъ ученикамъ въ классѣ, что 17-го учитель именинникъ, и что намъ слѣдуетъ поздравить его какимъ-нибудь подаркомъ и пожелать долголѣтія; всѣ единогласно согласились собрать деньгами, кто сколько можетъ, но не менѣе 5 коп., такъ какъ онъ жалованья получалъ только 10 р. ассигн. Я пожертвовалъ 25 к., а всего собрано было денегъ болѣе 10 руб.; на эти деньги заказали въ самомъ лучшемъ трактирѣ Гальяни большой круглый пирогъ, купили штофъ вина Бордо, и съ остатками денегъ отнесли имениннику со спискомъ жертвователей и жертвуемаго; при поднесеніи я былъ участникомъ; учитель принялъ наше подношеніе съ благодарностію.

Въ Святой недѣлѣ пришло предписаніе отъ Архіерея Меѳодія, чтобы въ бумагахъ именовать семинарскую контору правленіемъ, и чтобы въ отпускъ отправлять семинаристовъ съ билетами, подписанными членами правленія и комиссаромъ, и чтобы причты прописывали въ билетахъ, кто какъ велъ себя на родинѣ; въ случаѣ болѣзни должно быть представлено удостовѣреніе въ оной отъ благочиннаго.

Отпустили насъ на Святую въ Лазарево воскресенье; отправились мы пѣшкомъ; когда дошли до рѣки Медвѣдицы, перевозу на дорогѣ не нашли и должны были повернуть на мельницу въ разстояніи около версты отъ дороги; тамъ чрезъ плотину бѣжала вода, и мы, по совѣту мельника, остались у него ночевать; утромъ вода замѣтно сбыла, и мы по плотинѣ ползкомъ всѣ благополучно переправились; всѣхъ насъ было около 10 человѣкъ. Черезъ день дошли до рѣки Тресны, чрезъ которую тоже перебрались по плотинѣ на мельницѣ и домой пришелъ только во вторникъ къ вечеру на Страстной недѣлѣ. Явился домой я въ ужасной чесоткѣ, отъ которой каждый день парился въ печи и въ этомъ только и находилъ облегченіе и покойный сонъ. Среду я др. дни Страстной недѣли, а равно и всѣ дни Святой недѣли ходилъ ко всѣмъ службамъ всѣ братья, читали и пѣли все положенное по уставу. Родитель, по примѣру своего отца и завѣщанію его, всю Святую недѣлю, служилъ ежедневно.

Послѣ Святой, въ понедѣльникъ на Фоминой, отправлялъ насъ

родитель съ работникомъ на лошади подвезти версть 40 до рѣки Тресны; на которой моста и перевоза не было; на наступающую треть далъ намъ на оодержаніе 10 руб. ассигнац. (въ Святую и самъ получалъ не болѣе 40 руб.); мать отъ себя дала 5 р., выреченныхъ отъ продажи яицъ, и снабдила на дорогу съѣстными припасами. Отъ рѣки Тресны шли мы пѣшкомъ, ночевали въ Волосовѣ и Ыушалинѣ и дошли до Твери въ среду; я снесъ билетъ въ правленіе и далъ писмоводителю 5 коп., чтобы не записалъ меня въ числѣ поздно явившихся, ибо являвшихся поздно отсылали въ огородъ копать гряды и городить изгородь около семинаріи. Учителю снесъ 50 к. и въ четвергъ явился въ классъ; со слѣдующей недѣли началось ученье; каждую недѣлю до экзамена давались разнообразныя сочиненія: то конструкціи, то переводы съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ; говорить въ классѣ по-латыни продолжали, и калькулюсъ велся; кромѣ того заучивали латинскія слова на память и прочитывали ихъ аудитору въ субботу; я выучивалъ въ недѣлю до 100 и болѣе словъ.

Въ майскіе дни добрѣйшій ректоръ семинаріи, архим. Нектарій ¹⁾, далъ намъ 5 рекреаций съ отдыхами на другой день; на рекреацияхъ ученики развлекались приличными играми, въ которыхъ участвовали и учителя; пѣлись и канточки подъ игру скрипокъ, но не блазнительныя, а ректоръ съ учителями въ монастырскомъ домѣ попивали чай, водочку, пуншикъ съ приличными закусками; пѣвчіе пѣли концерты, и, когда начальники выходили изъ комнатъ, говорились имъ привѣтственные рѣчи, читались стихи, и велись смѣшныя разговоры; на то были назначаемы особенно успѣшныя и живые мальчуганы; ректоръ раздавалъ дѣтямъ колачи и пряники и бросалъ орѣхи. Благодарно и весело проводили мы рекреационныя дни; спасибо нашимъ добрымъ начальникамъ! И нужно замѣтить, что ничего неприличнаго и особенно выпивокъ тогда между семинаристами не существовало; даже студенты богословія и философіи вина съ собою не приносили, были трезвехоньки и казихъ-нибудь плясокъ и неприличныхъ пѣсенъ не позволяли, и это, ко-

¹⁾ Ректоромъ былъ съ 5 февраля 1805 г. до 1808 г.

нечно, начальниковъ и учителей радовало. Прошли наши юношескіе, благодатные, вгривые дни! Наступилъ юнь мѣсяцъ; во вторникъ и четвергъ послѣ обѣда не учились, а посылаемы были въ поля и лѣса для сбора травъ: буковицы, вероники, трефоли, богородской травы, астилдскаго моху для больницы. Тогда докторомъ при общественной больницѣ былъ Жираръ, который преподавалъ медицинскія науки по вторникамъ и четвергамъ богословамъ и философамъ и лѣчилъ больныхъ семинаристовъ въ общественной же больницѣ (при семинаріи тогда больницы не было) и за то получалъ 500 р. ассигн.; имъ были избраны двое изъ богослововъ въ подлѣкари; они по временамъ входили въ общественную больницу для изученія медицины на практикѣ, они же принимали отъ семинаристовъ приносимыя травы и записывали, кто сколько принесъ и какихъ травъ, а которые по спискамъ подлѣкарей значились ничего не принесшими, тѣхъ заставляли въ огородѣ работать: чистить борозды и полоть сорныя травы.

За двѣ недѣли до отпуски начались экзамены; насъ экзаменовалъ учитель слѣдующаго класса, іером. Арсній; экзамены продолжались недѣлю и состояли въ переводахъ съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій; въ послѣдніе дни испытывались ученики въ знаніи другихъ предметовъ, кромѣ русской грамматики, которая считалась предметомъ маловажнымъ.

На послѣдней недѣлѣ ученики 4-хъ младшихъ классовъ посылались за можжевельникомъ и цвѣтами для украшенія кафедры, и 14 или 15 назначался публичный экзаменъ, на которомъ говорились рѣчи на разныхъ (4-хъ) языкахъ, и велъсь очень оживленные диспуты; студенты, назначаемые для произнесенія рѣчей и веденія диспутовъ, были одѣваемы отлично, въ башмакахъ съ пряжками и съ запудренными волосами (такая тогда была мода). По окончаніи диспутовъ, выдавались лучшимъ ученикамъ въ награду книги, говорилась посѣтителемъ благодарственная рѣчь, и пѣвчими пѣлось: «Достойно есть»... Ректоръ объявлялъ объ окончаніи зачатій; въ слѣдующій день учитель раздавалъ билеты, и семинаристы отправлялись по домамъ.

Мы-братья съ товарищами, въ числѣ 10 человѣкъ, отпра-

ляемая пѣпкомъ, по дорогѣ заходимъ обѣдать къ крестьянамъ, гдѣ питаемся молокомъ съ творогомъ вдоволь, заставляемъ дѣдать личинцу; личиничный хлѣбъ несемъ изъ Твери, а ржаной беремъ у крестьянъ, и за все про все платимъ не болѣе 5 коп. а ссигн. съ челоѣвка; въ дорогѣ покупаемъ у мальчиковъ и дѣвочекъ разныя ягоды: малину, землянику, чернику; пѣпкомъ себя забавляемъ; у нѣкоторыхъ товарищей были скрипки и бадалайки; при пѣрѣ на нихъ и пѣня пѣсенъ идетъ весело, не тяжело. Въ одномъ мѣстѣ среди лѣса выстроены скотный дворъ г.на Бакулановскаго; въ немъ живетъ скотница съ дѣтьми; мы всѣ тутъ пресыщаемся слизками, сметаной и личинцей; брали здѣсь съ насъ столько по 1 коп. съ челоѣвка и по 5 коп. за десятокъ яицъ; мы ихъ забавляли музыкой, а насъ дочери скотницы пѣснями; затѣмъ по обыкновенію почуемъ въ Волосовѣ у свѣщ. Ивана Макаровича; и къ вечеру на другой день приходимъ домой; обрадованный родитель спрашиваетъ обстоятельно обо всемъ нашемъ житѣ, объ успѣхахъ и переводахъ въ слѣдующій классъ, а мать изготавляетъ намъ ужинъ; у родителя оказались устроенными двѣ свѣтелки, одна для себя, другая для насъ, въ которой приготовлены двѣ кровати съ перинами, и мы послѣ ужина въ нее переселяемся на сонъ. Утромъ вставъ въ 9 часу и садимся за приготовленный матушкой завтракъ: сочни съ творогомъ и овсяные блины съ яичницей на сковородѣ.

Хотѣлось мнѣ достигнуть хорошихъ успѣховъ въ латинскомъ языкѣ и; зная, что для этого нужно изучить всѣ грамматическія правила и какъ можно болѣе латинскихъ словъ, я захватилъ съ собою вокабулы и положилъ себѣ за правило каждадневно выучивать по 25 словъ съ повтореніемъ прежде пройденнаго и по временамъ просилъ братьевъ выслушивать меня; отецъ, видя мое стараніе къ ученію, мало принуждалъ къ полевымъ работамъ, развѣ только привести лошадей съ поля; и то—когда я выучу назначенное. За ваканцію выучивши всѣ вокабулы—1500 словъ, на память, твердо, я очень этимъ восхищался и думалъ по глупости своей, что буду въ первыхъ ученикахъ.

Однажды старшій братъ Иванъ заговаривалъ съ родителемъ о моей малоусидчивости, что я тупо учусь: «Память у него слабая,

учить урокъ долго; и слезно плачетъ: зимой до часа пополуночи сидитъ, а утромъ ничего хорошо не прочитаетъ; изнуряетъ себя безъ всякой пользы; лучше и здоровѣе для него выключиться изъ семинаріи и поступить въ подьячіе; у него охота есть къ сей должности и писать порядочно». Отецъ отвѣчалъ: «Нѣтъ! я троихъ выпустилъ изъ духовнаго званія, а его не хочу; пусть учится; онъ смиренъ и старателенъ; въ немъ будетъ прокъ; онъ будетъ всѣмъ поминщикъ».

Братъ умихнувшись сказалъ: «какой поминщикъ совсѣмъ безъ дарованія; непонятливый, забывчивый».

— Я слушать этого не хочу; отвѣчалъ отецъ: вы его берегите и помогайте ему.

— Да вѣдь не бутылка онъ: не вольешь въ него, когда въ немъ нѣтъ ни памяти ни понятія; напрасно изнуряется—и намъ его жалко.

— Лучше не говори и не повторяй мнѣ; хоть по 2 по 3 года будетъ сидѣть въ каждомъ классѣ, я буду содержать его; рѣшительно сказалъ отецъ.

Правда; и мнѣ очень хотѣлось поступить въ приказные, не потому, что жизнь веселая, а потому, что изнурительно выучивать латинскіе уроки; но не было на это благословенія родителя, и я долженъ былъ продолжать изнурять свои силы въ ученія.

Во время дождливое старшій братъ давалъ мнѣ маленькія упражненія въ латинскомъ языкѣ—составлять конструкціи; я трудился, но безуспѣшно и со многими ошибками; братъ опять сталъ говорить родителю, что нѣтъ во мнѣ никакой способности къ продолженію ученія, но отецъ отвѣчалъ ему на это: «Со мною въ Троицкой лаврѣ учился товарищъ Михаилъ Смирновъ во всѣхъ классахъ гадко и при очень рѣзвой нравственности; сидѣлъ въ каждомъ классѣ по два года и болѣе; готовилъ только на товарищѣй розги; но съ послѣдняго года реторики совершенно измѣнился, исправился въ наукахъ и поведеніи, и окончилъ курсъ богословія въ числѣ первыхъ учениковъ, а теперь онъ нашъ Влацка Меодій. Можетъ быть, и въ нашемъ отроцѣ съ лѣтами Богъ откроетъ понятіе; пусть, хоть худо, да учится». И братъ съ этого времени пересталъ говорить съ отцомъ о моей малоуспѣшности.

Въ концѣ вакацій отецъ послалъ меня съ матерью на мельницу смолоть для насъ ржи къ отъѣзду въ Тверь. Мать просила мельника смолоть помельче; и я замѣтилъ, какъ мельникъ пускаетъ мельче и крупнѣе, безъ него завернулъ спускъ такъ круто, что жернова стали стучать очень бойко; мельникъ прибавляя и началъ бранить, зачѣмъ круто завернулъ; если бы онъ замедлилъ четверть часа, жернова разобились бы, и меня, какъ близко стоявшего, могло бы ранить или убить. Отецъ, узнавши объ этомъ, очень бранилъ меня: «Ты могъ бы сдѣлать убытку на 100 руб.; и мельникъ заставилъ бы меня за камень платить, а самого тебя могло бы убить до смерти; впередъ опасайся не въ свое дѣло соваться».

Въ это время умеръ одинъ зажиточный прихожанинъ. Причетники въ рабочее время псалтирь отказались читать, а на ночь вызвался читать братъ Илья и для охоты пригласилъ меня, обѣщая деньги, полученные за чтеніе, раздѣлить пополамъ; у крестьянина было много пчелъ, и мнѣ не такъ прелестны были деньги, какъ медъ, и я согласился. Братъ началъ читать, и когда при чтеніи сгорѣла грошовая свѣча, насъ позвали ужинать. Тогда и грошова свѣча были велики: воскъ былъ дешевъ, и самый лучшій медъ продавался по 10 к. ассигнац. День былъ постный, намъ на ужинъ дали большую чашку меду, и мы наѣлись его досыта. Послѣ ужина хозяева ушли почевать въ другое мѣсто; братъ заставилъ меня читать, и когда я началъ, закричалъ: «рѣже»; а у меня слипаются глаза, и сильно клонить ко сну; я заплакалъ и бросилъ читать. Братъ сталъ грозить мнѣ, что не дастъ денегъ. «Не надо», отвѣтилъ я: «я пришелъ только меду поѣсть»; и улегся спать. За чтеніе братъ получилъ 50 коп., но я не потужилъ.

Захотѣлось мнѣ идти въ лѣсъ за орѣхами при сельцѣ Туровѣ; постороннихъ туда не допускали, но госпожа была знакома родителю, и я не боялся. Когда я срывалъ орѣхи, явился лѣсной сторожъ и узнавши, что я сынъ священника, пособилъ мнѣ, и при помощи его я нарвалъ недрученныхъ орѣховъ въ мѣшокъ около мѣры. Когда я выпелъ изъ лѣсу, увидѣлъ ужасную тучу, загремѣлъ сильный громъ съ яркой молніей; я вспомнилъ наставленіе

учителя, что въ грозу опасно идти, потому, что, идя, воздухъ разсѣкаешь, и тѣмъ даешь быстрое напряженіе, молніи за собою; отъ удара молніи можно подвергнуться смерти. Пріютиться было некуда, тѣсь былъ далеко, деревня тоже; я утѣлся на лугу; сильный дождь шелъ цѣлый часъ, и меня такъ вымочило, что не осталось сухой нитки; сталъ прозябать, и когда туча пронеслась, бѣжалъ, шибко версты три до дому. Дома, братья смѣялись мнѣ: не купался-ль я въ пруду? Мать дала мнѣ сухую рубашку и брюки, и сказала: «Поди на печь, погрѣйся». Я отвѣтилъ, что всю дорогу сильно бѣжалъ и не озябъ, а вспотѣлъ. Отъ сего приключенія не послѣдовало мнѣ никакой болѣзни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ началѣ еще вакацій я сдѣлалъ въ саду своемъ палашъ изъ досокъ, чтобы въ немъ почевать; родитель, увидя мое строгіе, сказалъ: «Ты будешь добрый домостроитель, но зачѣмъ тебѣ шалашъ? «Будемъ ночевать и караулить яблоки, отвѣтилъ я». Но въ намѣреніи моемъ было другое: я самъ зазывалъ на ночь сельскихъ ребятъ; они разсказывали мнѣ сказки и тѣмъ забавляли меня, а

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13, 15, 16, 18 и 23.

я имъ за это давалъ яблочковъ. Непринужденное и сильное желаніе во мнѣ всегда было помогать отцу въ хозяйственномъ управленіи, а матери—въ домашнихъ дѣлахъ и чистотѣ. 29 августа—день ангела старшаго брата Ивана, и въ этотъ день мать пекла пироги съ макомъ, любимѣйшею мной начинкой. Мое дѣло было срѣзать маковыя головки и высыпать изъ нихъ макъ; толкли его всѣ братья въ деревянной ступѣ, что довольно трудно, но мы всегда толкли до того, что макъ дѣлался какъ тѣсто.

Пришло время отпираться въ Тверь. Какъ горько и слезно скучно разлучаться съ родителями! Это только бываетъ въ юношескихъ лѣтахъ, а не въ мужественныхъ: такъ Богъ устроилъ въ натурѣ человеческой. Отправили насъ въ Тверь по обыкновенію 30 авг. на двухъ подводахъ; на одной положено было 20 пуд. ржаной муки, коровьяго масла, овсяныхъ и житныхъ крупъ, также солоду, на другой положена наша одежда, и садимся сами по-чередно. Отецъ далъ на книги и бумагу 10 р., а за квартиру особенно; мать дала братьямъ 25 р. на шапки и шнѣ 1 руб., чтобы отцовскую шинку камчатск. бобра перешить для меня. Ъхали прежнимъ порядкомъ и останавливались на прежнихъ ночлегахъ.

Приѣхавши въ Тверь, явился къ учителю А. Т. Ушвинскому и предложилъ ему полтину денегъ; онъ съ улыбкою сказалъ: «за что? по приходу не ходилъ и не сбиралъ». «Въ благодарность за ваши наставленія». — «Ну, спасибо, приходи завтра въ школу». После я пошелъ въ Правленіе, отдалъ билетъ и принужденъ былъ дать писмоводителю 5 коп. На другой день пошелъ я въ классъ, поздоровался съ товарищами и кой-что другъ другу рассказали изъ домашней жизни. Учитель пришелъ не рано, въ 11-мъ часу, и сказалъ намъ: «Многіе изъ васъ не будете мои ученики, будете стихи плести, какъ лапти неподковыренные». «Да, сказали первые ученики, не знаемъ, какъ привыкнуть къ новому учителю, новымъ предметамъ и новымъ товарищамъ, поступившимъ изъ другихъ училищъ». «Привыкнете, будьте тожько скромны и почтительны». Побывши не много въ классѣ, ушелъ, сказавши: «повторяйте прежнее, оно пригодится». Цѣлую недѣлю ходили мы въ классъ, ожидая перевода въ пятіку.

Наконецъ слышамъ, что по классамъ ходитъ префектъ семинаріи, соборный протоіерей Іоаннъ Алексѣевичъ Сиводычъ, съ писмоводителемъ Лисицынымъ и вычитываетъ переведенныхъ въ слѣдующій классъ; дожидаясь съ истерикѣю, кто съ полной надеждою, кто съ сомнѣніемъ. И вотъ въ одинъ день недѣля входитъ и въ нашъ классъ префектъ съ писмоводителемъ и объявляетъ: «Многихъ изъ васъ годовичные успѣхи даютъ намъ удовольствіе высказать вамъ, что вы не напрасно взнуряли своихъ родителей попеченіемъ о содержаніи вашемъ. Владыко, по представленію нашему, благоволилъ удостоить васъ высшаго класса пѣтику». Затѣмъ читается списокъ переведенныхъ, въ числѣ ихъ подъ 30 № оказался и я. Перекрестившись и взявши книги, съ величайшимъ восторгомъ вышелъ я за другими въ сѣни. На первый разъ переведенныхъ было около 80 человѣкъ, прочіе заплакали. Префектъ лѣтъ сказалъ: «Не печальтесь, будетъ еще переводъ; эти болѣе старались и награду впередъ получали; вы же менѣе старались, лѣнились, и награду получите послѣ ихъ». Послѣ того переведенныхъ префектъ повелъ въ классъ къ учителю поэзіи, іеромонаху Арсенію Крестянкову. Черезъ недѣлю перевезъ еще 15 человѣкъ, еще чрезъ недѣлю 10 человѣкъ. Изъ всѣхъ ученищъ въ классъ поэзіи переведено было болѣе 100 человѣкъ. Пришедши на квартиру, я объявилъ братьямъ о своемъ переводѣ, а они мнѣ о томъ, что и они переведены въ богословію.

Въ новомъ классѣ учитель сталъ насъ оглadyвать и осматривать, у многихъ спрашивалъ имя и фамилію; подонедши ко мнѣ, сказалъ: «ты изъ Суходола»? «Точно такъ», отвѣтилъ я. Когда братья учились еще въ поэзіи, а я еще не отданъ былъ въ школу, онъ былъ съ двумя учителями въ нашемъ домѣ и угощался у отца, потому и узналъ меня. Когда я сказалъ объ его спросѣ братьямъ, они посоветовали снести ему, чтобы былъ милостивѣе, 80 коп. денегъ. Онъ принялъ ихъ, поблагодарилъ за усердіе и спросилъ о здоровья родителей. 26 сентября, въ день св. апост. Іоанна Богослова, всѣ семинаристы были у обѣдни въ соборѣ, и послѣ обѣдни отслуженъ былъ молебенъ предъ начатіемъ ученія съ колѣнопреклоненіемъ. На первый разъ учитель далъ намъ кон-

струкцію изъ Цицероновыхъ рѣчей и объявилъ, что по этой кон-
струкціи мы будемъ посажены по мѣстамъ. Я при помощи ука-
зателей составилъ и переписанное чистенько подалъ. На другой
день учитель началъ преподавать правила, какъ составляются
стихи, самъ себѣ сдѣлалъ предложеніе и сказалъ римою стихи;
потомъ сталъ спрашивать: «кто можетъ сказать римою устно
или написать»? Я ничего не понялъ, и потому не сказалъ и не
написалъ, да учитель и не спросилъ меня; насъ было болѣе 100
человѣкъ, и онъ завялся сначала первымъ учениками. Затѣмъ ска-
залъ всѣмъ ученикамъ: «Вамъ нужно читать книги, но не сказки
какія-нибудь, а степенныя, чтобы въ васъ самихъ развивались
мысли и умѣнье излагать ихъ; для умѣнья слагать стихи нужно
читать извѣстныя стихотворенія». На обѣдъ изъ пѣтлѣки задалъ
уроку порядочно, а на ночь еще болѣе. Я въ квартирѣ сталъ
жаловаться братьямъ, что уроку даютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ
прежнемъ классѣ; братья отвѣтили: «Всегда, чѣмъ выше классъ,
тѣмъ болѣе и уроку; чѣмъ болѣе и старше человѣкъ, тѣмъ
болѣе съ него и взыскивается». Уроки въ этомъ классѣ хотя
были и по-русски изъ поэзіи, но мнѣ было весьма трудно выучи-
вать наизусть: память была слаба, какъ я ни старался. 30 сентября
учитель привнесъ наши тетрадки и по нимъ началъ пересаживать
учениковъ по мѣстамъ, и мнѣ достался № 50-й; назначили цен-
зора и аудиторомъ; для нашей парты назначены были поэтъ Бѣ-
жецкаго училища Рыбниковъ и два брата Покровскихъ—Евграфъ
и Яковъ. Евграфъ былъ добръе, а братъ его Яковъ жестоке; я
къ Евграфу болѣе приходилъ вычитывать уроки, но случилось
однажды, что его не было въ классѣ, и я долженъ былъ сдать
урокъ Якову; онъ записалъ мнѣ: «худо»! Учитель былъ причисленъ
къ Отроучу монастырю, а тамъ требовались люди для рубки ба-
нусты, и насъ виновныхъ въ незнаніи уроковъ 10 человѣкъ по-
слали на сію работу, и мы рады были, что избавились отъ тѣ-
леснаго наказанія; при работѣ тамъ кормили насъ однажды въ
день хлѣбомъ и пустыми щами.

Трудно мнѣ было выучивать уроки, однако хотъ съ трудомъ
превозмогалъ и стихи кое-какъ сплеталъ. Однажды братья, жалѣя

меня, что я часто плачу за ученьемъ урока, поговорили между собою, что нашъ хозяинъ очень знакомъ многимъ дворянамъ и губернатору и могъ-бы хлопотать, чтобъ меня записали въ приказные въ казначейство. Хозяинъ нашъ былъ почетный солдатъ съ медалями и Георгиевскимъ крестомъ, служилъ въ полку выѣстъ съ губернаторомъ Ушаковымъ; когда Ушаковъ, будучи губернаторомъ, ревизовалъ суды, то узналъ своего сослуживца унтеръ-офицера Бобылева, расцѣловалъ его и далъ ему явчко; это было послѣ Пасхи. Возбужденный разговоромъ братьевъ, я рѣшился просить хозяина. Однажды послѣ обѣда я взошелъ на половицу хозяина; онъ отдыхалъ на печкѣ съ хозяйкой; я ему бухъ въ ноги: «Дядюшка Алексѣй Яковлевичъ, попроси губернатора и казначея, чтобы они приняли меня въ подьячье, а я въ благодарность возьму за себя замужъ дочь вашу Василису». Хозяинъ разсмѣялся и сказалъ: «Хорошо, другъ, я поговорю казначею Скворцову; мѣсто праздное есть въ казначействѣ; а о женитьбѣ тебѣ еще рано помышлять (мнѣ было только 13 лѣтъ), да и дочери моей рано замужъ выходить; лучше учись хорошенько и смирненько, достигнешь всего добраго». Какая была глупость избавиться отъ ученья наукъ, которыя доводятъ до великаго счастія! У Бобылева мы стояли 2 года, но онъ началъ набавлять цѣну, и мы сошли на квартиру къ одной пожилрой незамужней барышнѣ Татьянѣ Владиміровнѣ Зуровой, гдѣ намъ было жить спокойнѣй и выгоднѣе. Ходилъ я въ классъ всегда усердно, выучивалъ уроки русскіе; латинскіе были для меня затруднительнѣе и за нихъ взыскивали болѣе; въ сочиненіяхъ упражнялся съ помощью братьевъ и поправками товарищей, которыхъ привлекалъ къ себѣ ласками, а иногда и подарочками—калачами.

За недѣлю до Рождества Христова были обычныя иллюстріи, на которые въ каждый классъ приходилъ префектъ. Затѣмъ мы отпущены были по домамъ съ билетами, подписанными учятелемъ, которому подписать поручилъ префектъ, такъ какъ въ Правленіи в безъ того было много дѣлъ по бурсѣ. Домой мы пріѣхали за два дни до Рождества Христова и встрѣчены были родителями ра-

достно; особенно ихъ восхищало, что мы перешли, братья въ богословію, а я въ пѣтику.

Въ рождественскіе дни ѣздилъ съ отцомъ славить Христа и прибѣжали домой поздно. Незамѣтно наступилъ новый 1806 г., а сердце мое начало щемить: приближался отъѣздъ въ Тверь. На улицу поиграть съ ребятами я выходилъ мало, больше лежалъ на печкѣ и обдумывалъ, какъ сочинять стихи, откуда набирать слова, излагать ихъ осмысленно и наводить на нихъ рѣшмы. Эти мысли сильно трогали мою внутренность: буду просить усердно Бога, чтобы открылъ мнѣ понятіе, разумѣніе и память. Въ Крещенье на всеищномъ бдѣніи мы, братья, пѣли: «съ нами Богъ» и прѣсы по нѣтамъ, отиѣли обѣдню и водоосвященіе, пообѣдали; родители отправились по приходу, а старшіе братья съ матерью пошли къ хлѣбосаламъ-мужичкамъ попить суслицы и пивца; вина простого они не пили; а я дома оставался. Обычно 7 января съ пѣньи пѣтуховъ отправились въ Тверь, получивши отъ родителей все съѣстное и 10 руб. отъ отца и 5 — отъ матери; обычные были ночлеги; въ Тверь обычно я явился къ учителю съ 50 к. и писмоводителю далъ 10 коп., чтобы записалъ жившимся 7 числа. До Сырной недѣли ничего особеннаго не случилось. На Сырную недѣлю мы въ домъ родителей не ѣздили, оставались въ Твери; отпускали по домамъ во вторникъ и среду. Я утромъ занимался повтореніемъ уроковъ, въ среду и пятницу ходилъ въ церковь къ службѣ, вечеромъ ходилъ усматривать красоту нарядовъ, рыскъ лошадей и горделивыхъ ѣздоковъ; въ трактиры или харчевни я еще не имѣлъ навыку ходить. Въ то время одинъ только былъ нѣмецкій трактиръ Гальяни; въ него ходили только дворяне да важные чиновники, а харчевни были при каждомъ кабацѣ, въ которые ходили подьячіе. Я считалъ за великое презрѣніе взойти въ кабацъ; мы, мелкіе люди, довольствовались сбитнемъ съ молокомъ и калачами; обѣ чаѣ тогда не имѣли и понятія по мелкимъ домамъ.

На первой недѣлѣ говѣли, ходили за каждую службу въ церковь; уроковъ давалось мало; учитель совѣтовалъ читать книги,

чтобы навывкнутъ писать сочиненія, но я не читывалъ, да и негдѣ было взять книгъ.

Приспѣваетъ день пмяиняъ учителя, іеромонаха Арсенія; все согласились составить сборъ денегъ, и я подписался дать 25 к.; противъ многихъ другихъ я давалъ болѣе, думая, что учитель будетъ благосклоннѣе; и подлинно, онъ меня никогда не наказывалъ розгами, а дѣлалъ только выговоры, и я, стараясь не подпасть подъ наказаніе, удовлетворялъ цензоровъ и аудиторовъ подарками мелкими.

Приблизилась Пасха. Насъ отпустили въ пятницу на 6-й недѣлѣ, но мы съ братьями по бездорожицѣ не рѣшились итти къ родителямъ, остались въ Твери. Въ Лазареву субботу послѣ обѣда вздумалъ я итти на Волгу посмотрѣть прибавляющуюся воду, и на дорогѣ услышалъ, что въ Ямскую и въ Мѣщанскія улицы быстро течетъ вода. Я поспѣшилъ назадъ и вижу, что на Воробьевскую площадь уже заливается вода; прихожу на квартиру, а на дворѣ уже вода (кварт. была въ Мѣщанской). Братья уже перетасили на верхъ анбара муку и пр. припасы; удалось перетасить и поросенка хозяйки на погребъ, но побоялись, чтобъ не свалился въ воду и не утонулъ, и посоветовали убить. Послали за мясникомъ, который доплылъ къ намъ на одной половинкѣ воротъ и на нихъ зарѣзалъ поросенка; затѣмъ переплылъ на другую сторону улицы, гдѣ мѣсто было выше, и воды еще не было, и на огородѣ освѣжевалъ его. Вода и въ квартирѣ была подъ поломъ, но мы изъ горницы не выходили, хотя не спали всю ночь и боялись итти къ заутренѣ, а къ обѣднѣ уже вылѣзали въ окошко. Вода стояла три дня; на службу въ церковь въ Страстную недѣлю я только пошелъ въ Великую пятницу и съ того дня ходилъ въ церковь всю Святую недѣлю. Разгуливать по улицамъ было невозможно: вездѣ стояла страшная грязь; мостовая была только на одной Милліонной улицѣ.

Во вторникъ на Оминой недѣлѣ истопали баню напротивъ у сосѣда, своя была размыта. Баня у сосѣда и печка въ ней была новая; меня послали первымъ, и я такъ угорѣлъ, что свалился съ полка, ползкомъ добрался до передбанника и тамъ бился о ка-

меня и сильно кричалъ. На крикъ мой прибѣжали, одѣли меня кое-какъ и перенесли въ квартиру на рукахъ. Я чуть-чуть не умеръ; голова ужасно болѣла, началась рвота; меня поливали спиртомъ, прикладывали къ головѣ снѣгу, и тѣмъ только облегчило страшную боль въ головѣ, и я заснулъ; проснувшись, не могъ стоять на ногахъ отъ слабости и въ среду въ школу не пошелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

На другой недѣль началось ученіе. Я ходилъ всегда въ классъ и занимался старательно, но не въ сочиненіи стиховъ, а по другимъ предметамъ. Началось преподаваніе реторики Бургія и сочиненія по ней періодовъ, фигуръ и пр. Правила я понималъ, опредѣленія выучивалъ, но сочинять для меня было очень затруднительно и усилъвалъ въ этомъ только съ помощію другихъ. Началась майскіе дні; рекреацій было до 6 или 7 съ положенными отдыхами, и проводились онѣ въ прежнемъ обычномъ порядкѣ. Въ іюнѣ

¹⁾ См. Тв. Едварх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13, 15, 16, 18, 23 и 21 1904 года.

продолжалось ученье подъ надзоромъ рачительнаго учителя, іеромонаха Арсенія, съ благоми успѣхами. Такъ какъ мы вышли изъ возраста мальчиковъ, то насъ за травами уже не посылали. Однажды учитель далъ предложеніе, на которое мы должны были составить латинскіе шестистопные или какіе угодно стихи; изъ 100 учащихся вызвались сдѣлать не болѣе 10, остальные сидѣли, повѣся носъ. Тяжко затрудняя латынью, тогда мало обращали вниманія на русскую прозу, почему и кончали курсъ по знанію древнихъ языковъ не большими умницами, а по-русски не малыми дурачками.

Наступилъ день моего ангела 24 іюня, и я упрасялъ братьевъ учителю снести подарокъ: купилъ полштофъ водки-квизлярки и 5 бѣлыхъ хлѣбовъ; онъ принялъ съ благодарностію. На экзаменъ къ намъ явился учитель реторики, къ которому намъ надлежало перейти, іеромонахъ Владиміръ Образцовъ, и далъ намъ латинскую конструкцію изъ Цинероновыхъ рѣчей и, посидѣвши немного, ушелъ въ свою келлію, а для наблюденія за нами прислалъ своего служку, ученика Друганова, почему многіе сумѣли воспользоваться списками, переданными отъ учениковъ богословія и философіи. На другой день былъ переводъ съ латинскаго на русскій, въ 3-й день—съ русскаго на латинскій, въ 4-й день предложено было выдумать стихи по стопамъ, какіе угодно, или составить періоды, фигуры и пр. Это все маѣ удалось при посторонней помощи. Наконецъ, было устное испытаніе по катихизису, исторіи, географіи и арифметикѣ. Въ заключеніе всего—публичный экзаменъ въ обычномъ, прежде описанномъ порядкѣ. Въ слѣдующій день выданы были билеты, и на радостяхъ многіе ученики дѣлали разныя непотребности, такъ какъ въ Твери въ это время водились почныя игрыща, то многіе, участвуя въ нихъ, попадали въ полицію, но насъ, братьевъ, Богъ отъ сего всегда сохранялъ.

Домой, запасшись провіантомъ, отправилсъ пѣшкомъ; собрались болѣе 10 человекъ; были скринки, балабайки, на которыхъ играли, пѣлись пѣсни, дорогой было весело; на ночлегахъ и обѣденныхъ отдыхахъ удовлетворялись довольною пищею отъ радушныхъ крестьянокъ за грошовую плату: молокомъ, яйцами, сметаной и творогомъ. Въ селѣ Волосовѣ ночевали у священника Ивана

Макаровича и угощены были изрядно, а пивые товарищи высшихъ школъ или классовъ, совѣстясь издержекъ добраго священника, ходили поразгуляться и въ кабачокъ. Когда подходили мы къ своему селу, то увидѣли родителя, расхаживающаго по саду; скоро туда явилась и мать, но мы чрезъ изгороду не поѣздили, а пошли улицей, чтобы предъ церковью воздать три поклона въ благодареніе за доброе и здоровое путешествіе. Входимъ въ домъ: столъ покрытъ скатертью, на столѣ хлѣбъ и соль; помолились Богу; отецъ благословилъ насъ, и мы поцѣловались съ нимъ и матерью (руки у матери мы не цѣловали: было не въ обычаѣ, и этому были мы не научены), сѣли котомки и усѣлись за столъ за обѣдъ. Отецъ сталъ разспрашивать братьевъ про меня, каково я учусь. Старшій братъ отвѣтилъ: «Ничто, ползеть, хотя и не такъ способенъ къ воспріимлемости книжнаго наученія, въ особенности къ сочиненію періодовъ, стиховъ; въ реторику переве-дуть, но спискамъ записать подъ № 50, а всѣхъ въ пѣтикѣ болѣе 100 учениковъ. Лучше бы было ему ятти въ подьячіе». «Этого и не думай, сказалъ отецъ, не пушчу, покуда живъ, да и при смерти не благословлю: собачья жизнь, разиратная! Я многихъ знаю и изъ товарищей своихъ,—нѣтъ добраго въ жизни ихъ. Будь скромнѣе и кротокъ, трудись, и будутъ переводить; теперь, пока нѣтъ работы, задавайте ему періоды или стихи». «Э, батька! отвѣтила мать: да дай отдохнуть, а то все учись да учись!» «Я сказалъ это потому, что въ другое время будетъ некогда, или забуду сказать», отвѣтилъ отецъ.

Въ Ильинъ день будить отецъ къ заутренѣ, и мать по-нуждасть: спать сильно хочется, но повинешься, идешь. Послѣ утрени видишь у матери много заготовленныхъ съѣстныхъ припасовъ и думаешь, поѣлъ-бы, но не даютъ и приказываютъ ятти къ обѣдѣ. Послѣ обѣда отдохнувши, я вышелъ на улицу, созвалъ ребятъ и съ ними пошелъ въ поле щипать горохъ и ѣсть, причемъ наклаалъ очень много стручьевъ за пазухи за рубашку, даже кругомъ спили, и давалъ дома братьямъ, работницѣ и работнику; купался въ прудѣ и до вечера гулялъ на улицѣ. Въ будніе дни ведренные помогали въ работахъ полевыхъ, во время дождливое,

по приказанію отца, большой братъ Иванъ задавалъ мнѣ упражненія: конструкціи латинскія, періоды, стихи; это для меня было очень тяжело; не читая никакихъ книгъ, трудно придумывать слова и соединять ихъ въ должномъ порядкѣ, почему я въ этомъ очень нутался и писалъ нескладницу.

Послѣ каникулъ я перенеденъ былъ въ классъ реторики подѣ 50 № и очень радовался и гордился, что я риторъ, хотя немало не понималъ, какъ буду соответствовать этому наименованію. По обыкновенію, переводы производились за три раза, и образовалось въ реторикѣ съ оставленными болѣе 300 учениковъ. 26 сентября всѣ были за службой въ соборѣ, и 27 началось ученіе. Приказано было приобрести книги—реторику Бургія и Франциска Лежасва. Въ реторикѣ мы уже не носили книгъ въ кожаныхъ сумкахъ, а въ платкахъ: носить сумки уже считалось неприличнымъ. Въ реторикѣ курсъ продолжался три года, а нѣкоторые сидѣли и по пяти лѣтъ; въ причетники изъ реторики грозный Владыка Меодій не опредѣлялъ, а колыма паче въ свѣтское знаніе—въ подьячіе терять не могъ. Желающіе въ причетники должны были поступить на курсъ русской школы и уже по окончаніи въ оной опредѣлялись на мѣста.

Въ аудиторы къ новопоступившимъ іеромонахъ Владиміръ назначилъ не изъ товарищей нашихъ, а изъ второгоднихъ. Нашей партіи назначены были Евдокимъ Шурыгинъ и Артемій Рудряцевъ: первый былъ тяжелый человѣкъ, любилъ копеечки и калачики, а за всѣмъ тѣмъ не много дѣлалъ снисхожденія; второй былъ тоже не очень милостивъ. Въ такомъ стѣсненіи я рѣшился искать защиты у первыхъ учениковъ Ивана Варенцова, Григорія Пѣсьехопова и цензора Дмитрія Божукова. Чтобы умилостивить ихъ, я упросилъ братьевъ позвать ихъ въ квартиру для угощенія; они по приглашенію брата не отреклись притти; для угощенія ихъ было изготовлено: штофъ вина, полштофа кизлярки, для закуски колбаса, сыръ голландскій и бѣлые хлѣбы. Они угостились довольно, и посему я былъ подѣ благотворнымъ вліяніемъ ихъ: аудиторы ихъ боялись, потому что учитель ихъ любилъ, во всемъ довѣрялъ имъ и слушалъ; но и аудиторы я

не переставалъ удовлетворять и вслѣдствіе старался постигать знаніе предметовъ реторическаго класса. Учитель іеромонахъ Владиміръ былъ глуховатъ, и ученики очень шумѣли при немъ, когда онъ читалъ лекцію съ каедръ. Иногда и онъ замѣчалъ сильный шумъ и тогда обращался къ своимъ любимцамъ съ вопросомъ: «Никакъ шумятъ!» Цензоръ Божуковъ грозилъ тогда на учениковъ кулакомъ, и они стихали, а учителю отвѣчалъ: «пѣтъ, сударь!» — «Это, видно, у меня въ головѣ шумить: быть погодѣ», говорилъ учитель.

Въ ноябрѣ 1805 года на префекта семинаріи, соборнаго протоіерея Синицына, поступилъ доносъ Владыкѣ отъ студентовъ богословія и философіи, бурсаковъ, что онъ содержитъ ихъ въ недостаткѣ платья и при скудной пищѣ. Поэтому въ 1806 г. послѣдовала перемѣна начальствующихъ лицъ: протоіерей Синицынъ былъ Владыкой Меѳодіемъ удаленъ отъ должности учителя богословія, префекта и члена правленія, и учителемъ богословія назначенъ былъ ключарь собора Семенъ Дмитріевичъ Пѣшихоновъ, товарищъ Владыки Меѳодія по Троицкой семинаріи, а префектомъ — нашъ учитель іеромонахъ Владиміръ, который вызванъ былъ Владыкой въ Петербургъ — на испытаніе. Говорилъ тогда, что Владиміръ по глухотѣ своей не могъ удовлетворительно отвѣчать Владыкѣ и отдѣлывался земными поклонами. Владыка, видя его простодушіе и покорность, полюбилъ его, назначилъ префектомъ, подарилъ ему въ дорогу подвязную шапку и, когда тотъ, надѣвши ее, поклонился ему въ ноги, громко захохоталъ и сказалъ: «Теперь ничего не опасайся: ушю не отморожишь». Пріѣхавши изъ Петербурга, новый префектъ отпустилъ насъ на Рождество Христово ранѣе прежнихъ лѣтъ: мы пріѣхали домой еще за три дня до праздника.

Въ праздники время проводилъ попрежнему: славилъ Христа, я съ родителемъ, а братья отдѣльно. Они по вечерамъ ходили на посѣдки къ дѣвицамъ, куда собирались и деревенскіе ребята, которые паряжались въ разныя безобразности: брали у насъ медвѣжье одѣло и шубу на волчьемъ мѣху и представляли сихъ зифрей, а

я оставался дома и утѣшалъ родителя, лежавшаго по вечерамъ на печкѣ, кантами, наприм.: «Я въ пустыню удаляюсь»....

1807 г. Въ январскую треть учиться было не отаготительно: іеромонахъ Владиміръ, удостоенный званія префекта и милости Архіерея, мало самъ занимался, а входилъ за него въ классъ и давалъ лекціи кончившій два курса богословія студентъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ было 5 рекреаций. Въ концѣ іюня начались экзамены во всѣхъ классахъ, но мы, только что поступившіе на 3-годиный курсъ реторики, отъ экзаменовъ были освобождены и должны были только готовить можжевеловикъ и цвѣты для публичнаго экзамена.

Публичный экзаменъ прошелъ обычно; дефенсоры—студенты богословія и философіи, читавшіе рѣчи, стихи и участвовавшіе въ разговорахъ, были все напудрены, въ завитыхъ бѣлкахъ волосахъ, одѣты въ хорошенеккихъ суковныхъ кафтанчикахъ, въ длинныхъ сибирочкахъ и сюртукахъ темнаго цвѣта; на ногахъ были бѣлые чулочки и башмаки съ свѣтлыми пряжками, а прочіе ученики въ своихъ обычныхъ разнообразныхъ цвѣтовъ кафтанахъ, маленькіе въ китайчатыхъ и затрапезныхъ халатахъ.

Послѣ публичнаго экзамена розданы были билеты, и все отправлялись по домамъ родителей своихъ. Мы тоже на другой день вышли изъ Твери съ товарищами, прошли 16 верстъ и близъ села Славнова въ рѣчкѣ выкупались, добыли у крестьянина молока, поужинали и тутъ-же, на берегу рѣчки, почевали; утромъ вставши, на рѣчкѣ умылись, на востокъ поклонились, прошли въ день болѣе 40 верстъ и по причинѣ солнечнаго зноя съ большимъ трудомъ дотащались до села Ильгонъ, гдѣ и почевали. Тутъ былъ кабачокъ; нѣкоторые товарищи завернули въ него укрѣпить силы горѣлкой, но я гнушался спиртныхъ напитковъ.

Въ слѣдующій день на скотномъ дворѣ Баклановскаго отдохнули, ѣли молоко и яйца и на почлегѣ пришли въ село Волосово, къ свящ. Ивану Макаровичу; онъ насъ принялъ очень радушно, предложилъ обѣдъ, была и водка; чай еще не былъ въ употребленіи. Товарища же нѣкоторые ходили подъ выѣску орла, гдѣ живутъ

люди услужливые, не даютъ обременять пѣшеходовъ тяготою, и опоражниваютъ ихъ карманы. Въ третій день къ позднему вечеру дошли до дома родителей и, конечно, приняты были очень радостно.

Каникулы прошли обычно. 1 сентября прибыли въ Тверь; я пошелъ явиться къ своему учителю и префекту Владиміру; онъ спрашиваетъ: «изъ котораго класса?»—«Изъ вашего».—«А чертъ васъ знаетъ, васъ у меня много, не узнаешь; неси билетъ въ правленіе». Я снесъ въ правленіе билетъ и далъ 5 к. писмоводителю, а то, пожалуй, запишетъ только явившамся, и пошлутъ въ какую-нибудь черную работу. Братъ къ своему учителю Стефану Тяжелову не являлись, и у нихъ по рублю денегъ осталось.

Цѣлыхъ двѣ недѣли настоящихъ занятій въ школѣ не было, но не ходить было нельзя: пожалуй, подверженъ будешь тѣлесному наказанію или какой-нибудь тяжелой работѣ. Намъ, молодымъ, которымъ оставалось быть въ реторикѣ еще два года, давались повторенія по реторикѣ о дефиниціяхъ, т. е. опредѣленіяхъ, давались уроки прежнему аудиторамъ, но въ журналѣ не записывались. Учитель входилъ въ классъ не часто, а болѣе занимался дѣлами правленія и бursы.

Наконецъ, наступило время переводовъ по всѣмъ классамъ, начиная съ философіи до письменнаго класса, и къ намъ въ реторикѣ шествуютъ члены Правленія: префектъ іеромонахъ Владиміръ, учитель философіи Стефанъ Тяжеловъ, пріоръ, комиссаръ бursы и писмоводитель. Переведено было не болѣе 200 челов., а оставшимся объявлено было, чтобы поступали на причетническія мѣста, въ сторожа семинаріи, консисторіи и духовныхъ правленій, но отнюдь не въ подьячіе. Раздались въ классѣ плачъ и рыданіе; многіе изъ первыхъ учениковъ и съ хорошими дарованіями не были переведены по какимъ-то неважнымъ замѣчаніямъ, представленнымъ отъ инспекторовъ кварталъ; особенно достойны сожалѣнія: Иванъ Варенцовъ, Григорій Пѣшихоновъ, Дмитрій Божуковъ, Пароеній Лампсаковъ—первые ученики.

Продолженіе слѣдуетъ.

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Ученье началось съ 27 сентября; 26 всѣ были въ соборѣ у литургіи, послѣ которой былъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Нашъ учитель распорядился назначить цензора и авлиторовъ не изъ оставленныхъ, а изъ насъ, молодыхъ. Пошли уроки изъ реторики Бургія Франциска, географіи, иностранной исторіи и малой російской, изъ всѣхъ понемногу на обѣдъ и на ночь, однако довольно. Сочиненія, періоды и хрѣи, задаваемы были каждую недѣлю; за мѣсяцъ по сочиненію отъ каждаго ученика посылаемы были къ архіерею Меодію, но возвращенія имъ не было. Трудны мнѣ были эти сочиненія безъ чтенія какихъ-либо книгъ, которыхъ мало кому выдавали изъ соборной бібліотеки, но при помощи братьевъ составлялъ ихъ, въ классъ ходилъ всегда и въ шалостяхъ отъ цензора замѣчаемъ не былъ.

Изъ Рождественскій постъ началъ я страдать чесоткою такъ, что товарищи и даже братья стали глумиться мною; все тѣло было въ струньяхъ, зѣчься было нечѣмъ, денегъ на аптеку не было. Послѣ Поклы старшій братъ объявилъ въ правленіи, что я по болѣзни въ школу ходить не могу; для освидѣтельствванія присланъ былъ подлѣкаръ, который, увидя ужасныя струнья по всему моему тѣлу, поразился и представилъ въ правленіе репортъ, что я не могу одѣваться и ходить въ школу. Вѣрно было подать прошеніе объ увольненіи изъ школы для излѣченія въ домѣ родя-

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13, 15, 16, 18, 23, № 21 1904 г. и № 2 1905 года.

телей; о болѣзни моей были увѣдомлены родители; самъ отецъ пріѣхалъ за мной и привезъ для насъ хлѣбнаго припаса на слѣдующія двѣ трети года. Когда мы пріѣхали домой, и мать осмотрѣла меня, то съ сожалѣніемъ сказала: «чтомъ дѣлать»? Въ отвѣтъ я сказала: «Я не могу иначе уснуть, ежели не выпарюсь въ печи». Мать тотчасъ все изготовила, я напарился и тѣмъ утолилъ и умягчилъ свербежъ тѣла, а вытеревъ все тѣло горячей сѣрой, ночь проспалъ спокойно. Это средство продолжалъ четыре недѣли каждый вечеръ, даже и во время Христославленія съ родителями. Братья на святки не пріѣхали, оставшись въ Твери на такъ называемыхъ кондиціяхъ, т. е. по домамъ дворянъ и купцовъ обучали малолѣтнихъ дѣтей.

1808 г. Настало время послѣ Крещенія отъѣзда въ Тверь. Отъ чесотки я совершенно выздоровѣлъ, и родители отравили меня съ девольнымъ мяснымъ припасомъ и прочимъ для содержанія. Въ первый день доѣхалъ я 50 верстъ до села Волосова и почевалъ у знакомаго священника Ивана Макаровича, который разсказалъ мнѣ о несчастіи для семинаріи и всего духовенства: «Послѣдовалъ указъ братъ изъ духовенства въ военную службу, разсказывалъ онъ, и Архіерей Меодій обѣщалъ Царю представить 1000 человекъ изъ нашей епархіи: изъ учениковъ, замѣченныхъ въ поведеніи и неуспѣшныхъ въ ученіи, изъ причетниковъ, не посвященныхъ въ стихарь, изъ заштатныхъ послушниковъ монастырей. Вотъ въ одномъ селѣ отдали въ солдаты причетника 35 лѣтъ, имѣвшаго уже дѣтей въ школѣ, но не посвященнаго въ стихарь, а ты что такъ поздно ѣдешь въ школу? не случилось бы и съ тобой несчастія»? «Нѣтъ, отвѣтилъ я, меня отпустили за болѣзнію по билету впередъ до выздоровленія; у меня есть и свидѣтельства отъ благочиннаго и церковнослужителей». Пріѣхалъ я въ Тверь рано утромъ; братья еще въ классъ не ушли, пособили мнѣ выгрузить припасы, и всѣ вмѣстѣ мы отирались въ школу. Я отирались явить себя учителю іеромонаху Владиміру и, явившись, поклонился ему низко въ поясъ. Онъ спросилъ: «Что нужно? зачѣмъ?»—«Я вашъ ученикъ реторики, былъ по болѣзни въ отпуску до выздоровленія, а теперь, излѣчившись, представляюсь

вамъ». Посмотрѣвши билетъ и свидѣтельства, учитель велѣлъ представить ихъ въ правленіе. Я, положивши рубль мѣди на столъ и получивши отъ него спасибо, пошелъ въ правленіе, сдалъ билетъ и свидѣтельство писмоводителю и, приложивши 5 коп., вошелъ въ классъ, но на мѣсто до учителя не смѣлъ сѣсть. Учитель, вошедши въ классъ, благосклонно посадилъ меня на 3-й партѣ, а всѣхъ партъ было болѣе 10-ти. Послѣ класса братья рассказали мнѣ о случившемся безъ меня происшествіи: изъ семинаріи въ военную службу отдаво болѣе 100 человекъ; сначала хотѣли отдать только тѣхъ, которые въ теченіе послѣдняго года записки были въ главный журналъ, но тамъ оказались записанными только трое: Леонтьевскій, Троицкій и Соловьевъ, тѣ бурсы, которые послали несквпльное письмо Архіерею на прежняго префекта протоіерея Спицына, и которые были за это наказаны въ двѣ лозы подъ звонкомъ; но Леонтьевскій и Троицкій успѣли въ вакацію поступить въ Медицинскую Академію, и отдали въ военную службу только Соловьева. Префектъ іеромонахъ Владиміръ, чтобы выслужиться предъ Архіереемъ, велѣлъ цензору переписать всѣхъ, которые не пришли въ классъ; это было въ субботу послѣ обѣда, и многіе не пришли, были въ банѣ. Всѣхъ такихъ записали и списокъ объ нихъ послали къ Архіерею, какъ о не ходившихъ въ классъ по своеволю. По резолюціи Архіерея ихъ отослали въ губернское правленіе и болѣе 100 человекъ сдали въ солдаты. Всѣ особенно жалѣли, что изъ реторки двухъ первыхъ учениковъ отослали въ губернское правленіе — Варенцова и Пѣшихонова; на нихъ донесъ инспекторъ Вышневолоцкій: онъ, однажды обходя квартиры учениковъ, засталъ у нихъ на столѣ штофъ вина и сказалъ: «Вы пьянствуете, а не занимаетесь науками! — я донесу на васъ». «Нѣтъ, г. инспекторъ, мы не пьянствуемъ, а только хотимъ нѣсколько развлечься отъ скуки; сегодня Вознесенье, — на роднѣ праздникъ, поэтому, не любя шататься по улицамъ и векзаламъ, и вздумали въ квартирѣ повеселиться, — не угодно ли съ нами побесѣдовать». — «Развѣ я пьяница? Я ничего не пью». По репорту его ихъ записали въ правленскій журналъ и отослали въ губернское правленіе. Тамъ Пѣше-

хонову забрили лобъ, а Варенцовъ по ходатайству дворянъ Окновыхъ успокоилъ; съ ними же былъ и Дмитрій Божуковъ, но онъ успѣлъ попасть въ пѣвчіе къ Архіерею и помылованъ. Вышневолоцкій многихъ стубилъ: онъ былъ гордъ и жестокъ, даже съ товарищами своими-богословами.

Іеромонахъ Владиміръ, хвалясь благоволеніемъ грознаголады Мееодія и величаясь чинномъ префекта, очень небрежно съ нами занимался и рѣдко ходилъ въ классъ. За него занимались въ нашемъ классѣ старшіе студенты богословія: Яконовскій, Моревъ и Вышневолоцкій; перваго изъ нихъ мы весьма любили, а послѣдняго всѣ боялись по жестокости его характера и гордымъ поступкамъ. При различныхъ преподавателяхъ время у насъ проходило не въ тягостныхъ трудахъ.

На Пасху уволили насъ въ Лазареву субботу, но я по причинѣ бездорожницы остался въ Твери. Возродилось во мнѣ желаніе умиленно поговѣть Страстную недѣлю, приобщиться смят. Христовыхъ таинъ и помолиться усердіе, дабы Господь открылъ мнѣ разумніе въ ученіи. И я, поужинавши въ Вербное воскресенье, ничего не ѣлъ до четверга, а въ оный употребивъ нищи одинъ разъ, не ѣлъ до Свѣтлаго Воскресенья; за всѣ службы ходилъ всю недѣлю; очень тянуло ко сну, и я спалъ много, постоянную жажду имѣлъ къ питью, а на пищу нѣтъ; заниматься же умственнымъ дѣлами или чтеніемъ книгъ не могъ.

Въ Свѣтлое Христово Воскресенье стоялъ утрени неотяготительно, хотя не спалъ всю ночь. Во время возглашенія «Христосъ воскресъ» душа оживилась, и сердце умиленно вострепетало. По окончаніи утрени едва притащился въ квартиру и возлегъ на постелю оживить изможденные силы легкимъ сномъ. Во время благовѣста явился первый въ церковь къ св. литургіи, стоялъ на лѣвомъ клиросѣ, но пѣть не могъ: изсякъ гармоничный голосъ, и только уместенно призывалъ Господа на помощь въ ученіи. Обѣдня продолжалась не болѣе часа, и по окончаніи оной пономарь выпросилъ для меня у іерея частицу отъ агничной просфоры, и я едва-едва могъ разжевать и размягнуть ее зубами, пропустилъ ее внутрь съ бѣшенымъ затрудненіемъ и отягощеніемъ.

емъ, даже съ нѣкоторою болью въ горлѣ. Когда я съ большимъ трудомъ дотащился до квартиры, хозяйка, барышня Татьяна Зурова, пришла поздравить меня съ праздникомъ и принесла кусочекъ хлѣба съ палецъ величиной и посоветовала принять его съ солью, затѣмъ черезъ часъ еще такой же кусочекъ, потомъ предложила мнѣ чашку сладкаго чаю; послѣ того я крѣпко уснулъ до вечерни. Предъ вечерней еще немного поѣлъ бѣлаго хлѣба и замѣтилъ въ себѣ нѣкоторую крѣпость. Всю недѣлю я ходилъ на всякое богослуженіе и не развлекался никакими посторонними предметами; мысли во мнѣ были чисты и не задорны, и это, по моему дознанію, оттого, что мало употреблялъ пищи, а какъ началъ поѣдать въ полное удовольствіе, то и простился съ умальными чувствами: возстали въ душѣ мірскіе помыслы, однако во всю Святую по улицамъ не прохаживался, а всю недѣлю почтивалъ житія святыхъ.

Послѣ Святой, хотя ходили въ школу, по цѣлую недѣлю занятій не было никакихъ. На второй недѣлѣ начался занятія, и къ намъ въ классъ попеременно ходили студенты богословія, и при разныхъ преподавателяхъ намъ было привольно. Рекреціи въ маѣ были, но не такія, какъ прежде. Членъ правленія, ключарь Пѣшихоновъ былъ немилостивъ и на другой день для отдыха не увольнялъ.

Въ это время нашъ учитель и прѣфектъ іеромонахъ Владиміръ сдѣлался чрезвычайно боленъ и, не выдержавъ болѣзни, умеръ, и вынесли его въ церковь близъ семинаріи Николы Капустинка (такъ называлась церковь потому, что близъ нея было построено нѣсколько домовъ для солдатъ-сторожей въ судахъ, и у нихъ около церкви были огороды, засаживаемые капустой). На другой день назначено было погребеніе усопшаго; всѣ семинаристы, особенно его ученики, должны были явиться въ церковь. Я, какъ имѣющій голосъ, способный къ пѣнію, сталъ на лѣвомъ клиросѣ. Замѣтилъ меня членъ правленія ключарь Пѣшихоновъ, что я остриженъ, вызвалъ въ алтарь и спрашиваетъ: «Зачѣмъ волосы остригъ, да еще наголо, какъ создать? По всѣмъ классамъ читанъ былъ приказъ отъ Архіерея, чтобъ не стричь волосъ; хорошо же!

явись завтра въ правленіе, я съ тобой раздѣляюсь». Другіе служашіе священники сказали: «Помилуйте! можетъ-быть, у него вши завелись, а волосы вырастутъ». — «Нѣтъ, надо его проучить, чтобъ другіе боялись!» Вышедши изъ алтаря, съ горестнымъ біеніемъ сердца отстоялъ я обѣдню и проводилъ учителя своего до Желткова монастыря; на квартирѣ разсказалъ о горестномъ приключеніи, случившемся со мною; тѣ посоветовали мнѣ: «Сходи къ ключарю послѣ вечерни и поклонись ему со слезами, чтобы простилъ тебя за такое нарушеніе власти, и общай на будущее время избѣгать сего, иначе онъ накажетъ строго; а завтра мы попросимъ другихъ членовъ правленія и пріора; можетъ-быть, они уговорятъ его, а ты наказанія избавишься». Во время вечерни я вхожу въ домъ ключаря; встрѣчаетъ меня его мать-старушка и спрашиваетъ: «Что тебѣ?» Я кланяюсь ей въ ноги со слезами, разсказываю о своемъ прегрѣшеніи и прошу защиты. Она отвѣчаетъ: «Не плачь! я уговорю сына; бѣда не велика, волосы вырастутъ, только опять не стриги; подожди его, онъ скоро придетъ отъ вечерни». Издругъ входитъ самъ ключарь и грозно спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты, мальчишка, пришелъ?» Я падаю ему въ ноги, стою плача на коѣнкахъ и рыдая говорю: «Помилуйте! простите! я волосы остригъ, впредь не буду». — «Развѣ ты указа архіерейскаго не слышалъ, что запрещено стричь?» — «И въ этотъ день не былъ въ классѣ по болѣзни, а остригся оттого, что очень развелась и умножились вши въ головѣ». — «Хорошо, я завтра накажу тебя розгами въ правленіи, чтобы прочіе тверяки помнили». Тогда мать старушка сказала: «Позво ужъ батька Семенъ Дмитріичъ, помилуй— прости его!» — «Ты съ кѣмъ стоишь на квартирѣ?» — «Съ братьями, обучающимися въ богословіи, Соловьевыми». — «Откуда родомъ?» Я сказалъ. — «Да отецъ твой Антонъ Соловьевъ товарищъ мнѣ, вмѣстѣ обучался въ Троицкой семинаріи; онъ былъ добрый, а ты ослушникъ указа п началства. Ну, вели большому брату завтра вмѣстѣ съ тобою прийти въ правленіе, тамъ я тебя при немъ и выѣмъ розгами». Мать опять стала просить: «Да помилуй, батька!» — Онъ улыбнулся и сказалъ: «Ну, ступай на квартиру, учи уроки, а брата завтра

пришли въ правленіе». На квартирѣ я разсказалъ все брату, и онъ отвѣтилъ: «Можетъ—быть, и помилуешь, когда улыбнулся на просьбу матери, а я попрошу другихъ членовъ». На другой день братъ явился въ правленіе и попросилъ у другихъ членовъ защиты; они общались. Явился ключарь и набросился на брата: «Почему ты не запретилъ брату остричь волосы и наголо, какъ солдату»? — «Помилуйте, отвѣтилъ братъ, мы въ банѣ не были все лѣто, его вши одолѣли, и онъ, не сказавшись намъ, ушелъ и остригся». Члены стали говорить: «Вина не велика, волосы вырастутъ». — «Такъ, а вопреки указа зачѣмъ поступать? Ну, я прощаю, только ты возьми брата, проводи его по всеѣмъ классамъ и говори: «Вотъ братъ мой волосы остригъ, а по указу Архіерея не велѣно стричь; кто впередъ острижетъ себя, тотъ будетъ наказанъ въ двѣ лозы подѣ звонкомъ!» Другіе члены засмѣялись: «Веди, какъ арестанта—преступника!» — Братъ пришелъ въ нашъ классъ и объявилъ, какъ приказано; затѣмъ провелъ меня по всеѣмъ восьми классамъ съ приказанною рѣчью; мнѣ было не стыдно, а радостно, что избавился отъ тиранническаго наказанія; товарищи не смѣялись надо мной, а сожалѣли меня. Послѣ сего я началъ всячески избѣгать взоровъ ключаря, дабы не впасть отъ него опять въ сокрушеніе, такъ какъ онъ былъ всеѣмъ непріязненъ и строгъ.

На мѣсто умершаго іеромонаха Владимира къ намъ опредѣленъ учитель поэзіи іеромонахъ Арсеній, который тоже занимался болѣе съ тѣми, которые готовились къ переводу, а намъ, младшимъ, экзамена не было, съ нами и занимались менѣе.

Публичный экзаментъ прошелъ обычнымъ порядкомъ, но отпуская намъ не было до 19 іюля: ждали пріѣзда изъ Петербурга Архіерея Меоводія, но онъ не пріѣхалъ.

Въ вакацію продолжалъ изучать латинскія слова, которыхъ выучивалъ въ день по 25 словъ, и помогалъ родителямъ въ полевыхъ работахъ. Старшій братъ Иванъ принялъ кондицію отъ Алексѣя Постникова обучать дѣтей въ сельцѣ Райковѣ за 10 рублей въ мѣсяцъ и другую кондицію въ дворянскомъ училищѣ отъ товарища Алексѣя Вышневолоцкаго по 5 руб. за три дня

въ недѣлѣ. Эти товарищи поступили въ учителя духовныхъ училищъ въ города, и брату нужно было явиться къ 1 августу къ приплатимъ должностямъ. По просьбѣ Райковской барыни Акулины Чагиной были заказаны въ Калшнѣ 50 бесѣдокъ, которые дѣлались съ разными фигурами и украшеніями изъ изюма и золота, цѣною за 5 р. ассигн. Провожать брата на лошади поручили мнѣ. На дорогѣ дубовая ось загорѣлась, и ее поспѣшно залили; задумали осмотрѣть бесѣдки, и онѣ оказались отъ чрезвычайной жары въ пламень. Тогда мы принялись ихъ перемывать, перетирать и просушивать, что намъ и удалось; въ Твери братъ ихъ раздарилъ, за что получалъ отъ всѣхъ устную благодарность.

Провели остальные дни вакаціи дома; я въ началѣ сентября отправился обычно въ Тверь; ученіе началось 26 сентября отецъ Арсеній занимался съ нами рачительно, и я старался не отставать отъ своихъ товарищей, ходилъ въ классъ всегда, велъ себя безукоризненно, по сочиненіямъ при поправкѣ другихъ преуспѣвалъ, и такъ провелъ первую треть благополучно и розгами наказанъ не былъ.

Насталъ новый 1809 годъ. Помня наставленіе родителя, я болѣе старался дружить съ первыми учениками и ласковымъ обращеніемъ привлечь къ себѣ многихъ, при этомъ иногда угощалъ своихъ друзей сбитенькомъ и селяночкой въ харчевнѣ, но не въ кабацѣ. При дружелюбіи съ ними я много снискалъ помоща какъ въ урокахъ, такъ и въ поправкѣ сочиненій.

Масляную провелъ въ Твери не разгульно. На первой недѣлѣ ходили въ классъ только на утренніе часы, сидѣли только до звона къ часамъ, и тогда отправлялись на службу въ соборъ. Послѣ обѣда не учились; къ вечернѣ и утренѣ ходили въ ближайшую церковь отъ квартиры. Духовнику деньги собирались и записывались въ списокъ; менѣе 5 коп. никто не давалъ. Исповѣдывались въ пятницу въ классахъ, пріобщались по назначенію въ соборѣ, Отрочѣ монастырѣ, Предтеченской кладбищенской церкви и у Николы Капустника близъ семинаріи. На Пасху по бездорожцѣ я опять остался въ Твери. Всю Страстную и Святую

ходилъ въ церковь ко всемъ службамъ, послѣ вечерни прогуливался по берегу Волги. Въ Святую еще любилъ очень звонить и въ городской части на всякой колокольнѣ побывалъ и позвонилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Послѣ Св. Пасхи явился къ учителю іеромонаху Арсенію съ яйцомъ и 50 к. денегъ. Онъ спрашиваетъ: «Въ домѣ родителей былъ»?—Нѣтъ.—«По приходу не ходилъ»?—Нѣтъ.—«За что же дашь деньги?». «Отецъ платитъ награду работникамъ и пастухамъ, а наставникамъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ воздавать благодарность».—«Благоразумно отвѣчаешь, спасибо!» Новымъ учителемъ уроки задаваемы были порядочные, некогда было гулять по улицамъ. Я при слабой памяти все-таки выучивалъ ихъ, не подвергалъ себя выговору, а кольми паче наказанію, которое не отрицалось и въ богословіи за непотребство.

Наступили майскіе дни; рекреаціи были, но не съ такимъ разгуломъ, какъ при ректорѣ Нектаріи: на другой день отдыха не давалось. Я съ своими товарищами, первыми учениками, имѣлъ

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г., №№ 13, 15, 16, 18, 23, № 21. 1904 г. и №№ 2 и 3 1905 года.

нерушимую связь; пзъ нихъ нѣкоторые были пьющіе простую водку. Для увеселенія сдѣлали согласіе, чтобы каждый поочереді въ дни рекреаций покупалъ штофъ водки; очередь дошла до меня; хотя я самъ не пилъ и не любилъ русскаго вина, но чтобы не быть отъ товарищей въ презрѣніи, упросилъ брата дать мнѣ 50 коп. на штофъ, обѣщая ему, что это необходимо, такъ какъ изъ нихъ были авдторы, цензоръ и помощатели въ поправленіи моихъ сочиненій. Братъ далъ мнѣ 50 к., и я весело пошелъ въ назначенную квартиру для собранія, и, когда вступилъ въ комнату, собравшіеся встрѣтили меня такою рѣчью: «Ну, Соловьевъ, ваша чередѣ покупать водку, принесли деньги?». Я вынулъ изъ кармана 50 к. и положилъ на столъ. Сейчасъ одного послали въ кабакъ, и штофъ водки явился на столъ; на закуску были приготовлены хлѣбъ, каша и фрукты груши. Пьющіе воскликнули: «Эка радость наша! Выпивши, мы будемъ веселѣе попѣвать пѣсенки, и всѣ вмѣстѣ со скрипками пойдемъ въ Желтиковскую рощу». Начали разливать и подносятъ мнѣ первому; я отказался. «Нѣтъ, любезные, я пить не могу, мнѣ водка противна, но отъ пріязни въ товариществѣ не отстану». «Ну, пнѣ здравствуй!» И началъ пѣвать; пьющихъ было 5 человекъ и непьющихъ столько же. Послѣ распятія всѣ пошли съ музыкой и пѣснями по Затьмацкой части въ Желтиковскую рощу, гдѣ забавлялись разными, приличными юностиу играми. Вечеромъ пріѣхали префектъ Пшехоновъ и учителя, и мы, собравшись, попрѣли амъ по-латыни привѣтствіе—salutamus. Поблагодаривши за привѣтствіе, велѣли намъ заняться играми, въ которыхъ и сами принимали участіе. Играли въ мячикъ, бабки, лапту и круговеньку съ платкомъ; дозволили пѣть канты, т. е. приличные пѣсни, при концѣ бросали орѣхи и утѣшались тѣмъ, что при этомъ одинъ другого попираетъ и давитъ подъ себя. При закатѣ солнца префектъ объявилъ: «Довольно, пора по квартирамъ! дорогой можете въ скрипки играть и пѣсни нѣтъ, но городомъ идете скромно!». Мы стали просить позволенія отдохнуть на другой день, въ классы не ходить. «О, нѣтъ! всѣ непременно должны быть въ своихъ классахъ». Мы съ горестію замолчали, только втихомолку поругивали его

за жестокость его характера. При входѣ въ городъ, идетъ навстрѣчу намъ служитель семинаріи и объявляетъ: «О. префектъ увольняетъ васъ отъ утреннихъ классовъ, но послѣ обѣда непременно должны приходить». Ну, и за это спасибо, хоть выспимся вдоволь. Видно, учителя упростили: и ямъ нелегко рано вставать послѣ веселаго разгула. Рекреаций было не болѣе трехъ, хотя, по установленію царя Петра, ихъ должно быть не менѣе 4, а болѣе.

Однажды въ іюнѣ мѣсяцѣ ужасно заболѣли у меня зубы: не давали спать ни днемъ ни ночью. По совѣту суевѣрныхъ бабъ, я выходилъ на чистый дворъ въ первомъ часу ночи кланяться рябины, вечерней и утренней зарѣ, восхожденію и захожденію солнца, но все это пустота, юношеское заблужденіе—довѣрять пелѣностямъ. Черезъ недѣлю отъ семинарскаго правленія прислали былъ подлѣкаръ освидѣтельствовать болѣзнь. Осмотрѣвши меня, онъ сказалъ: «Ты простудился, напившись самой холодной колодезной воды». «Я не пилъ холодной воды, отвѣтилъ я, а только купался и былъ въ водѣ такъ долго, что началъ прозябать». Подлѣкаръ далъ совѣтъ припустить къ деснамъ чять пивковъ. «Какъ? я боюсь, онѣ вылезутъ въ гортань».—«Нѣтъ, ихъ удержатъ, туда не пустятъ».—Въ сѣдствѣ жила солдатка, у которой всегда имѣлись пивки; она припустила 5 шт. къ деснамъ, и за работу взяла 25 к. мѣлю, и мнѣ стало легче.

24 іюня, въ день ангела, по обычаю спелъ учителю, чтобы былъ благосклоннѣе, полуштофъ бѣлаго вина и 5 булокъ. Онъ принялъ благосклонно и уволилъ меня на этотъ день отъ класса. На другой день тоже не учился: былъ царскій день, а въ дни рожденій и тезоименитствъ всѣхъ особъ Царскаго Дома тогда никогда не ходили въ школу учиться.

Пріѣхалъ изъ Петербурга бука Архіерей Меодій и на экзаменъ по череду сталъ вызывать всѣхъ въ Трехсвятское. Прежде явились богословы, и съ ними учитель ихъ, префектъ ключарь Пѣшихоновъ. Онъ былъ товарищъ Архіерея по Троицкой семинаріи, а можетъ быть, и другъ, не слишкомъ свѣдущій въ познаніяхъ, вѣроятно, потому, что долго послѣ окончанія курса не за-

нимался науками, но зато ласкательный и любитель наговаривать на другихъ не въ добрую сторону. Имъ и учениками его Архіерей остался доволенъ. На другой день явились философы и учитель ихъ Стефанъ Тяжоловъ. Архіерей болѣе испытывалъ его, чѣмъ учениковъ. На третій день явились риторы. Архіерей, увидя съ балкона, что насъ очень много, закричалъ: «О, какое васъ множество! взойдите съ учителемъ только 20 человекъ!». Взошли первые 20 съ учителемъ. Владыка спрашивалъ ихъ по предметамъ реторки, давалъ устные предложенія по-русски и по-латыни, при неудовлетворительномъ отвѣтѣ ученика требовалъ рѣшенія учителя; испытывалъ часа три; при окончаніи экзамена учитель сказалъ рѣчь, въ которой просилъ прикрыть милосердіемъ недозрѣлые отвѣты учениковъ, и растянулся предъ ногами строгаго, величаваго святителя: онъ благословилъ ихъ, сказавши: «миръ всѣмъ», и прочихъ не потребовалъ; и мы, уцѣлѣвшіе, съ радостію разошлись по квартирамъ. Призывались и прочіе классы, кромѣ писеменнаго, болѣе для того, чтобы испытать познанія учителей. Послѣ частныхъ экзаменовъ Владыка далъ предписаніе семинарскому правленію, чтобы 15 іюля былъ публичный экзаменъ и пригласить на оный важнѣйшихъ особъ. Начали писать и раскрашивать тезисы, каедрю отлично украсили столбами изъ можжевельника и разныхъ цвѣтовъ. Настало 15 іюля; Владыка величественно подъѣзжаетъ на четверпѣ борзыхъ коней и входитъ; пѣвчіе поютъ — «Царю небесный». Владыка садится въ кресло и киваетъ головою прочимъ садиться; выходятъ попарно ученики и говорятъ рѣчи: первая нара на русскомъ и латинскомъ языкѣ, вторая на греческомъ и французскомъ, третья на нѣмецкомъ и еврейскомъ; это для того, чтобы показать посѣтителямъ, что въ семинаріи обучаются всѣмъ этимъ языкамъ. Затѣмъ раздаются присутствующимъ тезисы, и начинаются диспуты. Послѣ перваго диспута пѣвчіе поютъ кантъ. Потомъ вступаютъ разговоры о частяхъ грамматики, которыя сочинены самимъ Архіереемъ и изданы подъ фамиліей его брата. При сихъ разговорахъ онъ радостенъ былъ и весело улыбался; затѣмъ шли увеселительные и забавные разговоры; въ заключеніе говорилась благодарственная рѣчь, и пѣлось

пѣвчимъ: Достойно.... На другой день опять были диспуты, на которыхъ Владыка больше испытывалъ учителей, чѣмъ учениковъ, чтобы узнать, достойны ли они занимать свои мѣста. Послѣ того раздавалъ похвалныя книжки ученикамъ, отличавшимся остроуміемъ и поведеніемъ; таковыхъ было въ каждомъ классѣ не болѣе 20 человѣкъ, которыхъ представляли къ наградамъ учителя, и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ нынѣ — получаютъ часто первый разрядъ недостойные по пропискамъ и протекціямъ. — На третій день насъ отпустили на вакацію съ билетами.

Во время вакаціонное занимался обычными дѣлами, но среди вакаціи мнѣ пришлось быть въ Твери. Братъ Илья по запросу пожелалъ поступить въ медицинскую академію и пришелъ домой ранѣе вакантнаго отпуска; ему нужно было явиться въ Тверь къ 1 августу, брату Ивану тоже на должность учителя въ дворянское училище. Пора была рабочая, почему родитель и поручилъ мнѣ отвезти ихъ; въ Твери я пробылъ только одинъ день. Когда же отъѣзжалъ оттуда, братъ нашего пономаря, мѣщанинъ Демидъ Ромодановъ, поручилъ мнѣ отвезти въ подарокъ его брату сотню соленыхъ огурцовъ, уложенныхъ въ горшкѣ. Половину дороги я былъ сытъ данными припасами, но во второй половинѣ обуяла меня жадность къ пищѣ, что всегда свойственно подросткамъ, и я помаленьку началъ таскать изъ горшка огурцы и ихъ поѣдать, думая, что не узнаютъ, а не взялъ того въ голову, что со мною есть письмо, въ которомъ, вѣроятно, прописано, сколько посылается. Приѣхавши домой, отдалъ пономарю письмо и огурцы, но чрезъ нѣсколько дней пономарь и выговариваетъ отцу, что въ письмѣ прописано, сколько послъ по огурцовъ, а въ горшкѣ нѣтъ и половины. Я сознался отцу, что недостающее дорогой съѣлъ, и отецъ, побранивши меня, заплатилъ пономарю за съѣденное.

Въ вакацію подружился я съ ученикомъ-шалуномъ Федоромъ Бухаревымъ, сыномъ нашего дьячка, и съ нимъ проводилъ время въ дѣтскихъ забавахъ и играхъ, не очень похвалныхъ: бѣгали по полямъ и воровали горохъ въ крестьянскихъ полосахъ, ночью ѣздили пасти лошадей и заѣзжали съ ними въ заказные лога и

въ полночь пускали лошадей въ полосы нежатаго жита и овса. Какая была молодецкая глупость! Стараться, чтобы свои лошади были тучны, и не понимать, что, травя чужой хлѣбъ и луга, мы лишаемъ крестьянъ-тружениковъ, можетъ-быть, нужнаго годового пропитанія! И въ этой непосвоительной глупости и обидѣ бѣдныхъ крестьянъ насъ никто и не подозрѣвалъ, потому что мы приводили домой лошадей очень рано.

Съ тѣмъ же Бухаревымъ мы сочинили другую большую глупость, за которую чуть не заплатился жизнью, только Господь сохранилъ. У отца были ружья, только испорченные; мы съ Бухаревымъ взяли одно маленькое ружье безъ замка и ствола пистолета, пошли въ садъ, зарядили ихъ порохомъ накрѣпко, положили на землю и приставили къ нимъ свѣчку съ огнемъ; ударило такъ сильно, что мы оба отлетѣли на 5 сажень. Съ того времени полно стрѣлять.

Пришло время отправляться въ Тверь въ семинарію, а у отца еще яровое поле не сжато. Я и размыслилъ, что великое затрудненіе предстоитъ родителю, а ученье начинается не скоро, недѣли черезъ двѣ, и рѣшился остаться, пока не уберутъ съ полей яровой хлѣбъ.

6 сентября наступилъ праздникъ Михайла Архангела; наварили пива, наготовили для гостей съѣстныхъ припасовъ, а мальчишкѣ только и хочется послаще поѣсть и попить: того требуетъ ростъ тѣла. Я вина не любилъ и не пилъ, — горько; пиво хотя и пилъ, но къ нему не былъ приверженъ, очень же любилъ густое, сладкое сусло. Правда, родитель предлагалъ мнѣ въ праздничные дни отъѣздить въ Тверь, но я увѣрилъ его, что ученье начнется не скоро, будутъ еще переводы въ низшихъ классахъ, а мы только ходимъ въ школу безъ дѣла: «лучше я пособлю вамъ убратъ сѣ поля, а въ оправданіе себя возьму у духовника репортъ, что былъ боленъ»; отецъ согласился.

Въ ночь на праздникъ пошли мы съ отцомъ въ поле посмотреть, нѣтъ-ли лошадей въ нашихъ полосахъ; у прочихъ членовъ причта все уже было убрано. Оказалось, что много лошадей ѣдятъ

нашъ овесъ; мы пачали ихъ ловить, но не даются; умыслили загнать ихъ всѣхъ на дворъ и загнали болѣе 10 лошадей. Когда родитель пошелъ къ утреннему праздничному богослуженію и разсказать объ этомъ причетникамъ, тѣ не преминули сообщить хозяевамъ, коихъ лошади были загнаны и содержались на дворѣ подѣ замкомъ. Послѣ утрени они пришли узнать своихъ лошадей и, узнавши, просили ихъ выпустить, но отецъ не согласился и велѣлъ работнику дать лошадямъ гороховины, чтобы онѣ не истощались. Послѣ сѣяния отецъ призвалъ старосту и крестьянъ изъ другихъ деревень—оцѣнить потраву; оцѣнили въ 25 руб. ассигн. и присудили отдать отцу. Но мужики мало слушаютъ своихъ братій-начальниковъ: пришлось отцу отнестись съ жалобой въ земскій судъ, который подтвердилъ взыскать съ крестьянъ присужденныя деньги. Волостной голова взыскалъ эти деньги и передалъ исправнику, у котораго онѣ и остались, а отецъ мой ничего не получилъ.

Овесъ послѣ праздника сжали и убрали въ одинъ день. Нужно отправляться въ Тверь; 14 сентября я сѣздили съ нисемомъ отъ отца въ село Воробьево къ о. Кодрату за свидѣтельствомъ о моей мнимой болѣзни. Когда воротился, у родителя уже готовы были телѣга и припасы, и 14 же я отправился въ Тверь по тѣмъ же знакомымъ по дорогѣ ночлегамъ. Въ Твери явился къ учителю съ обычнымъ приношеніемъ и въ правленіи письмо-водителю съ придачею 10 коп.

Только съ октября мѣсяца начали заниматься ученіемъ порядкомъ, неразвлеченно. Въ это время получено было предписаніе отъ Архіерея, чтобы по воскресеньямъ до обѣдни всѣмъ богословамъ, философамъ и риторамъ ходить въ классъ слушать катихизисъ. Преподавали учителя поочереди. Былъ большой безпорядокъ. Только близъ сидящихъ богослововъ учитель занималъ, а мы, сидящіе въ отдаленности, ничего не слышали и не понимали. Это занятіе, по предписанію Владыки, исполнялось цѣлый годъ, а потомъ было оставлено.

У брата былъ въ закладѣ за 5 руб. асс. сюртукъ гороховаго цвѣта, тогда самаго моднаго. Я брата упросилъ перешить

его по моему росту; онъ согласился. Въ одно воскресенье я надѣлъ этотъ холодный сюртукъ, сапоги безъ чулокъ и плапу, пошелъ въ школу слушать катихизисъ, а морозъ былъ ужасный. Я шелъ такъ поспѣшно, что когда взшелъ въ классъ, паръ шелъ отъ моей головы, и всѣ удивились. Къ обѣднѣ въ соборъ не пошелъ, потому что онъ былъ холодный и полъ въ немъ чугунный, а въ приходскую церковь. Этимъ я показалъ свое щегольство, къ которому былъ весьма приверженъ, и послѣ не почувствовалъ никакой болѣзни.

Передъ святками были обычныя иллюстріи и отпускъ обычно 20 декабря. Поѣхали съ братомъ на наемныхъ лошадахъ, по 50 к. асс. съ каждаго, пріѣхали 23-го и приняты были родителями очень радушно. Родитель въ Рождество Христово предложилъ брату сказать проповѣдь, которая у брата была уже заготовлена. Братъ сталъ повторять ее и заучивать, чтобы сказать, не заглядывая въ тетрадку, также дѣлать жесты руками, гдѣ касалось до значительнаго, сильнаго выраженія. Утреня въ праздникъ началась въ 2 часа утра; мы оба съ братомъ пошли въ церковь. Братъ имѣлъ способный и стройный голосъ, пѣлъ съ дьячкомъ ирмосы по нотамъ и читалъ канонъ. Послѣ утрени, забывнувъ въ холодной церкви, дома забрался на печку погрѣться и уснулъ крѣпко. На восходѣ солнца заблагоуѣстили къ обѣднѣ, за которой я читалъ часы, а братъ апостолъ; во время причастія братъ говорилъ проповѣдь, и весь народъ подвинувшись слушалъ съ умиленіемъ. Дома родитель восхищенъ былъ неизреченною радостію, что сынъ его сказалъ проповѣдь внятно и поучительно. Послѣ обѣда я съ родителемъ поѣхалъ славить Христа въ деревню, отдѣленную отъ нашей церкви еще при дѣдушкѣ Архіереемъ Арсеніемъ Верещагинымъ. Тогда Архіереи имѣли право безъ Синода уничтожать церкви и отдѣлять деревню отъ одного прихода къ другому. Принимали насъ крестьяне хорошо и награждали достаточно: отца рѣшетомъ ржи, а меня рѣшетомъ овса. Братъ-богословъ стыдился ходить по приходу и оставался дома; славленіе всего прихода кончилось 31 декабря. Въ эти святки родитель у одного кр. Аванасія Стефановича, бывшаго приказчикомъ у кашинскаго купца

Бълоусова, выпросилъ за поминovanje его родителей вмѣсто денегъ суконный армякъ голубого цвѣта и хорошей доброты. Изъ онаго сшили мнѣ тулупъ на заячьемъ хребтовомъ мѣху, который согласился дать мнѣ мать. Сіе мнѣ было весьма пріятно, а брату завидно: ему хотѣлось изъ онаго спать себѣ шинель, но родитель сказалъ ему: «Ты самъ купишь себѣ шинель на свои деньги, получаемыя отъ уроковъ, а изъ этого армяка не можно выгадать капишона, и притомъ сукно голубого цвѣта болѣе причастуется подросткамъ на тулупъ». Во время святокъ братъ ходилъ на вечера, въ собранія дѣвицъ и холостыхъ ребятъ; онъ умѣлъ играть на скрипкѣ, и его упрасивали игрою болѣе развеселять собраніе. Имѣя уже 17 лѣтъ отъ роду, и я съ позволенія матери ходилъ тоже на эти увеселенія и проводилъ время въ невинномъ разгулѣ до 1-го часа ночи.

Наступилъ 1809 годъ. На утренней службѣ въ Крещенье прмосы опять пѣли по нотамъ, а я читалъ канонъ. Послѣ опять грѣлся на печкѣ; послѣ обѣда отецъ уѣхалъ въ приходъ раздавать крещенскую св. воду, а намъ велѣлъ готовиться къ отъѣзду. Я опять вмѣсто пуда набилъ въ мѣшокъ два пшеничной муки и снесъ на возъ. 7-го съ пѣнья перваго иѣтуха отецъ разбудилъ насъ; послѣ завтрака отецъ даетъ брату только 10 руб. асс. за квартиру, а на содержаніе велитъ удѣлять изъ доходовъ, получаемыхъ имъ отъ кондичій: своихъ денегъ болѣе не было. Тогда у всѣхъ духовныхъ денежныя доходы были очень скудные; отецъ получалъ годового дохода не болѣе 100 р. ассигн. Тогда всѣ, и священники и причетники, есм.: надобилось что-либо по хозяйству или на содержаніе дѣтей, обыкновенно возили въ городъ или на ярмарку въ село Кесово какой-либо хлѣбъ и на вырученныя за него деньги исправляли хозяйственныя нужды и содержали дѣтей. Матушка, сжалившись надо мной, пожаловала мнѣ тайно пятирублевую ассигн. бумажку на колачи, потому что я по отдаленности квартиры не ходилъ обѣдать, а довольствовался въ классѣ сухонденіемъ, и сама зашла въ суконную жилетку. Какая для меня радость! Въ благодарность я умильно расцѣловалъ руки и глаза матушки; однако я эти деньги не истрясъ до весны: голодалъ, но жалѣлъ ихъ.

Приѣхавши въ Тверь, я для явки къ учителю хотѣлъ одѣться въ новый суконный голубого цвѣта тулупъ, но братъ не позволялъ мнѣ, говоря, что этотъ тулупъ нужно надѣвать только въ праздники, и, послушавшись брата, я надѣлъ старый, затрапезный; учителю снесъ рубль мѣди (серебра тогда мало было въ ходу) а письмоводителю 10 к. асс., чтобы записалъ явившимся 7 числа.

Ученіе началось съ 15 января. Въ первый день дана была конструкція, на другой день переводъ съ русскаго на латинскій; по этимъ работамъ была сдѣлана пересадка; я съ помощію первыхъ учениковъ не отставалъ отъ другихъ и получилъ опять мѣсто около № 50. Затѣмъ задаваемы были періоды и хріи; оныя были для меня отяготительны, и безъ помощи никакъ не могъ сообразиться съ ними и по этимъ предметамъ себя не отличалъ, а только скромнымъ поведеніемъ, неопущеніемъ хожденія въ классъ и изученіемъ уроковъ.

На масляную оставался въ Твери и первые дни занимался учебными предметами, а книги читать свѣтскія или духовныя не было никакой охоты. Въ послѣдніе два дня ходилъ съ пріятелями на Милліонную улицу поглазѣть на конское ристаніе и катающихся. По харчевнямъ и кабакамъ мы не ходили, потому что я былъ далеко отъ этихъ развратовъ и товарищей не имѣлъ такихъ, кои попивали бы сивушкѣ—зелено вино.

Прошло вѣтрое и вредное для души время, наступилъ благодатный, чистительный отъ скверны постъ. Первую недѣлю мы ходили ко всѣмъ службамъ, въ пятницу исповѣдывались; за труды духовнику цензоръ собиралъ по списку. Я удѣлилъ 25 коп., кажется, побольше своихъ товарищей. Въ субботу причащались въ Отрочь монастырь, а квартирующіе за Тьмакой въ кладбищенской Предтеченской церкви. Въ постъ занимался ученіемъ нецѣлостно, только одно сокрушало и мучило меня, это—сочинять періоды и хріи. Но въ этомъ способствовали мнѣ товарищи-друзья, которые за мою привѣтливость меня любили, и я соотвѣтствовалъ ихъ расположенности, частенько понаивая ихъ сбитенькомъ съ колачиками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П И С А Н І Е

жизни іерея Іоанна Антоновича Соловьева, составленное
имъ самимъ.

(О к о н ч а н і е ¹⁾).

Пришло 17-е марта, время именинъ учителя Алексія Трефилъевича. Всѣ ученики надумали собрать деньги для угощенія приходящихъ къ нему съ поздравленіемъ, потому что онъ получалъ малое жалованье, всего 25 р. асс. въ мѣсяцъ, и денегъ по подпискѣ собрали болѣе 20 р., усовѣтовались заказать въ нѣмец-

¹⁾ См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1903 г. №№ 13, 15, 16, 18, 23; № 21 1904 г. и №№ 2, 3 и 5—6 1905 года.

комъ трактирѣ Гальяни пирогъ и это сдѣлать поручили мнѣ съ товарищемъ Ѳеодоромъ Росляковымъ. За 5 руб. асс. мы заказали слоеный пирогъ на орѣховомъ маслѣ съ взюмомъ въ 20 ф. вѣсомъ. Въ день оменія мы съ Росляковымъ повезли на извозчякѣ припошенія и поднесли учителю Рослякову полнымъ комплектомъ деньги со спискомъ всѣхъ жертвователей, а я порогъ. Учитель улыбнулся, поблагодарилъ насъ и всѣхъ усердныхъ жертвователей и приказалъ въ этотъ день не учиться и урока на слѣдующій день не далъ; онъ былъ холостой и весьма пріятный. Мы передали въ пиколѣ благодарность учителя, увольненіе отъ ученія и уроковъ и посоветовали всѣмъ итти къ обѣднѣ по церквамъ, гдѣ кому угодно. На другой день учитель лично всѣхъ благодарилъ и уроковъ давалъ поменьше.

Наступилъ отпускъ на Св. Пасху; билеты выдали въ Лазареву субботу. На Волгѣ ледъ прошелъ, вода была не такъ велика и изъ береговъ не выходила, но по лѣтней дорогѣ рѣки и ручьи опасны были для переправы. Товарищи подговорили насъ плыть по Волгѣ на лодкѣ, и проѣздъ до Кашинскаго устья стоялъ всего 25 к. асс. Мы съ братомъ согласились. Первую ночь и день плыли благополучно, но на слѣдующую ночь предъ зарею спутались, сбились со струи, хотя и вѣтра не было, заѣхали въ кустарники, лѣсъ и сильно напугались: была опасность попасть на пень или камень, проломить лодку и погибнуть. Путались до восхожденія солнца и только при солнцѣ выбрались на рѣку, и возблагодарилъ Бога за спасеніе. Благополучно доплыли до торговаго села Кимры въ Великую страстную пятницу; запасъ пищи, взятый изъ Твери, весь вышелъ, и мы, остановившись, пошли пріискивать съѣстныхъ припасовъ; въ дома насъ обѣдать никуда не пустили, отказываясь неимѣніемъ пищи; калачей въ продажѣ тоже не было. Принуждены мы были купить ржаного хлѣба, еще икры и соленой бѣлуги и тѣмъ удовлетворили свои жадныя пріхотливости. Правда, совѣсть толкала въ душу, что великій грѣхъ не исполнять религіозныя христіанскія обязанности, но мы совѣсть неразумно успокоили народной поговоркой: дорожному Богъ простить. Затѣмъ въ тотъ же день доплыли до Кашинскаго устья;

простившись съ товарищами, вышли изъ лодки, дошли до Кашина и тамъ купили только калачей; до родительскаго дома дошли въ субботу. На душѣ грустно стало, что въ такіе великіе дни мы лишены были моленія за божественными умилительными службами; послѣ прихода родителя изъ храма раздѣлили постную трапезу, за которую привесли съ погреба холоднаго, густого, сладкаго сусла, и я его поѣлъ съ хлѣбомъ съ самымъ пріятнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда отъ усталости въ дорогѣ отдохнули и вечеромъ попарились въ печкѣ; бань въ нашей мѣстности по недостатку дровъ ни у кого не было, кромѣ лихозлобныхъ и жестокосердыхъ къ человѣчеству господъ.

Насталъ Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова. Въ 1-мъ часу зазвонили къ утрени; мы встали и одѣлись въ праздничныя одежды и пошли въ церковь съ умилительнымъ благоговѣніемъ. Въ церкви свѣчи мѣстныя большія ясно горятъ, благоуханіе ладона поражаетъ чувство обонянія; когда послѣ полунощницы попили вокругъ храма съ пѣніемъ: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе»...., сердце такъ умильно содрогнулось, какъ будто на небеса летимъ. И все время службы въ глубокомъ умиленіи непримѣтно проходило и неотяготительно. Въ концѣ утрени посреди храма стали съ причтомъ христосоваться крестьяне и давать крашенныя яйца; я стоялъ съ лукошкомъ около отца и клалъ туда яйца, получаемаыя отцомъ. На восходѣ солнца началась обѣдня; я стоялъ за оной благоговѣйно, но отвлекался помысленіями плоти послѣ обѣдни удовлетворять свою молодую жадность изготовленными скоромными яствами. Удовлетворившись сытнымъ обѣдомъ, мы всѣ легли по мѣстамъ на отдыхъ. Въ первый день съ образами по селу не ходятъ, и звона въ сей день не бываетъ,—издревній порядокъ, но неодобрительный. Въ 4 часа была вечерня; послѣ вечерни забавлялся на улицѣ съ ребятами: игралъ въ бабки, бился яйцами и выбитыя раздавалъ маленькимъ бѣднымъ мальчюкамъ, но къ хоровамъ дѣвицъ стыдился подходить, хотя были и смазливенькія на рожицы двѣ дочери поамаря, но были не политичны и обращались по-мужицки. Послѣ нѣсколькихъ годовъ возмужа-

лости явилась у меня склонность любезничать съ ними, но онѣ были тверды и непреклонны.

Въ понедѣльникъ Св. Пасхи послѣ обѣдни служился молебень празднику, и затѣмъ покрестники съ образами обошли по заовинамъ кругомъ всего села и пришли въ домъ родителя, гдѣ приготовлены были лукопки съ насыпанными пшеницей, рожью, житомъ, овсомъ и льнянымъ сѣменемъ, въ которыя и поставляли образа. Послѣ молебна мать угощала всѣхъ пришедшихъ, причтъ и покрестниковъ виномъ, пивомъ, пирогами и мясомъ. Потомъ кресты переносились поочереду ко всѣмъ членамъ причта и крестьянамъ, и въ сей день обошли все село въ 50 дворовъ. Мнѣ давали только яйцами, а деньгами нѣтъ, и родителю съ причтомъ давали за молебень только 10 к. мѣди и хлѣбъ въ 10 ф. Каждый день недѣли родителемъ принято было за правило служить обѣдни, что онъ и исполнялъ до гроба. Приходъ обхаживался до воскресенья, и въ воскресенье образа встрѣчались у церкви, при чемъ пѣлся молебень Св. Пасхѣ, и образа поставлялись въ церкви.

Послѣ Пасхи зашли за нами товарищи, и отецъ на двухъ телѣгахъ проводилъ насъ до рѣки Тресны, отъ которой мы уже шли пѣшкомъ, и пришли въ Тверь въ среду на Оминой недѣлѣ. Занятія начались съ слѣдующей недѣли, которыя больше всего состояли изъ сочиненій. Брату, по занятіямъ на частныхъ урокахъ, неудобно было поправлять мои нескладныя сочиненія; а была послѣдняя треть къ переводу. Поэтому товарищъ мой Филиппъ Евстратьевичъ Ивашевъ далъ мнѣ совѣтъ, что для вспомоательства по части поправки моихъ сочиненій нельзя найти способнѣе и вѣрнѣе понамаря Покровской церкви Ивана Ивановича Варенцова. Онъ былъ первый ученикъ въ реторикѣ, но при разборѣ семинаристовъ въ военную службу едва не попалъ туда, и только уцѣлѣлъ заступничествомъ своего родственника Окнова и поступилъ въ понамари: онъ холостой и способный, и ему пріятно будетъ воспоминаніе классическихъ упражненій. Отыскали его квартиру, предъявили причину для знакомства съ нимъ; онъ согласился, но чтобы тверже было его согласіе, пригласили его въ харчевню попить

сбитеньку. Тамъ приказали подать сбитню съ калачами, заказали отличную селянку въ рубль, полштофа бѣлаго винограднаго вина и столько же кагору; угостились и насытились. Я заплатилъ деньги по расчету пятирублевой бумажкой, а остатокъ отдалъ ему въ задатокъ на похмелъе; у себя ихъ держать нельзя было: братъ заподозрилъ и отнялъ бы. Когда я пришелъ на квартиру, отъ выпивки раскраснѣвшійся, братъ спросилъ причину; я солгалъ, что товарищъ—именинникъ послѣ сбитню купилъ по полуштофу бѣлаго и краснаго вина, мы росли и покраснѣли. Тогда бѣлое вино стоило 35 к. асс., а красное 40 к. за полуштофъ. Съ того времени я успокоился относительно сочиненій, но все-таки грустно было, что самъ не удостоился дарованія на это.

Наступили майскіе дни; явились рекреціи, но не такія, какъ при ректорѣ Нектаріи. Префектъ Сергій ¹⁾ превозмогалъ волю ректора Іоасафа Срѣтенскаго ²⁾, который, всегда уступалъ ему, зная пріязнь къ нему Архіерея Меѳодія. Отдыховъ на другой день не было, и рекрецій было не болѣе 4.

Въ это время старшій братъ Иванъ купилъ мнѣ готовый сюртукъ тонкаго сукна на стамедной подкладкѣ за 20 р. на свои кондиціонныя деньги, сказавъ: «Старайся учиться своими предметъ, а еще поучись хорошенько писать. Слышно, что богослововъ назначаютъ въ учителя по всѣмъ городамъ губерніи, и я, поступивши въ учителя, барина Чагина упрошу, чтобы ты заступилъ у него мѣсто послѣ меня учить его маленькихъ дѣтей читать и писать. Вотъ тебѣ форшлага и пропись, пиши снова азбуку и склады, а когда буду я учителемъ назначенъ, снесу барину написанное тобою; ему полюбится твое письмо, и онъ приметъ тебя; 10 руб. не шутка, будетъ на все довольно». Съ этого времени я началъ вновь писать азбукку, каждую литеру писалъ на цѣломъ листѣ и въ мѣсяцъ достаточно исправилъ свой почеркъ.

¹⁾ Архим. Отроча монастыря Сергій, префектъ семинаріи со второй половины 1808 г. до 15 февраля 1810 г.

²⁾ Іоасафъ Срѣтенскій ректоромъ семинаріи былъ съ 24 октября 1808 г. до 10 октября 1810 г.

Для развлечения своихъ мыслей и увеселенія молодости старшій братъ выучился играть на скрипкѣ порядочно, но нельзя сказать, что хорошо, потому что усерднѣе всего занимался учепіемъ дворянскихъ дѣтей и отъ того довольно себѣ прибрѣталъ денегъ для содержанія своего и для щегольского одѣянія, такъ что во всей семинаріи пзъ учениковъ никто отличнѣе его не былъ одѣтъ; кромѣ того, и въ наличности всегда имѣлъ у себя около 100 руб. денегъ. Хотя игралъ онъ на скрипкѣ, но на шаловливыя забавныя вечеринки не ходилъ, развратенъ никогда не былъ, вина простого не пилъ, честь свою высоко держалъ, а игралъ только въ квартирѣ отъ временной скуки. Прельстился этой музыкой и я и просилъ брата поучить игрѣ. Онъ истолковалъ мнѣ ноты и указалъ, какъ дѣйствовать руками и смычкомъ. Я очень скоро понялъ и сталъ играть не хуже его, только не любилъ разыгрывать русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, а только польскія—танцевальныя, коими только себя увеселялъ, но не соблазнялъ другихъ на пляску, въ присядку и отъ игры на вечерахъ отказывался.

29-го іюня студентъ философіи Павелъ Княщинскій былъ именинникъ, зазвалъ меня къ себѣ, потому что братъ мой былъ инспекторомъ нашей улицы, а Княщинскій по разгулу часто отлучался съ квартиры, и я преклонялъ бы брата къ милосердію, и онъ не вписывалъ бы его отлучки въ журналъ; угощалъ меня медомъ, грушевымъ квасомъ и жемками. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, я прислушивался и приучивался; потомъ у него еще была арфа, на которой показывалъ мнѣ способъ игры. Поугостившись и наигравшись, мы пошли на ночь погулять по хороводамъ дѣвицъ. Ночь была теплая, но на утренней зарѣ я почувствовалъ ознобъ и дрожь и въ школу не пошелъ. По репорту инспектора о моей болѣзни, правленіе прислало подлѣкаря освидѣтельствовать болѣзнь. Онъ нашелъ во мнѣ сильную горячку и велѣлъ пить ромашку и бузиновый цвѣтъ, чтобы испариной вызвать болѣзнь наружу. Братъ купилъ оныхъ травъ и фунтъ сахара, чтобы пріятнѣе было пить. Добрая хозяйка, старушка Татіана Владиміровна Зурова, стала ухаживать за мной, ставить самоваръ и поить меня попеременно бузиной и ромашкой, къ головѣ и ногамъ прикладывала хлѣбъ,

размоченный въ красномъ уксусѣ; меня все клонило въ сонъ. Во время болѣзни я сознался брату, что «у меня есть деньги 5 р., которые матушка дала мнѣ на колачи, но я не издержалъ ихъ; возьми въ жилетѣ, просилъ я, и полѣчи меня». Братъ призвалъ лѣкаря, который прописалъ мнѣ микстуру, отъ которой мнѣ стало легче. Съ 1 юня начался экзаменъ, который производилъ учитель Стефанъ Малахѣвичъ Тяжеловъ, а повѣрялъ его префектъ Сергій. Первый былъ не страшенъ, а второй ужасно строгъ: но я по тяжелой болѣзни не могъ ходить въ школу на экзаменъ. Съ перваго дня моей болѣзни братъ увѣдомилъ письмомъ родителей, что я боленъ, экзамена не могу сдавать, ходить за мной некому, и чтобы пріѣхали за мной, или прислали лошадь, а что самъ онъ не пріѣдетъ, останется для занятій въ дворянскомъ училищѣ. Родитель очень жалѣлъ меня, не замедлилъ самъ пріѣхать за мной и, увидя меня лежащаго на кровати, изнемогаго, прослезился.

По совѣту брата, отецъ пошелъ къ префекту Сергію отпрашивать меня въ отпускъ по болѣзни. Сергій узналъ его, какъ товарища, вмѣстѣ обучавагося въ Троицкой семинаріи, принялъ милостиво, предложилъ стулъ, угостилъ водкой и, узнавши о причинѣ пріѣзда, велѣлъ подать прошеніе въ правленіе объ отпускѣ сына за болѣзнію: «Тогда вамъ выдаютъ билетъ объ увольненіи его изъ семинаріи до выздоровленія, а по выздоровленіи его я его проэкзаменую и удовлетворю вашему желанію, переведу его въ философію». Такъ префектъ улегилъ словами отца, но солгалъ и экзаменовалъ послѣ жестоко. По пріѣздѣ съ отцомъ въ Суходолъ, я сталъ постепенно поправляться; всѣ волосы на головѣ у меня выпали, и я сдѣлался, какъ бритый татаринъ; аппетитъ явился у меня наипшѣ ужасный, и я ѣлъ неводержно, но отъ сего болѣзни не воспослѣдовало, а только явилась ужасная зубная боль, которую посоветовали лѣчить паромъ; для этого, положивши три камня на сковороду, калили ихъ докрасна, насыпали ихъ белевой, наставляли на нихъ бездонное лукошко, опускали въ него мою голову и закрывали полотномъ. Я долженъ былъ, разиня ротъ, плевать на камни и вдыхать въ себя пары. Другое еще средство заставляли продѣлывать мнѣ: свертывалъ трубочкой писчую бу-

магу и тонкимъ концомъ вставляли въ пузырькъ и зажигали ее; отъ дыму на двѣ пузырька образовывалась желтая влажность; этою влажностью напояли хлопчатую бумагу, и я клалъ ее на больной зубъ. Отъ этихъ обоихъ средствъ я почувствовалъ облегченіе; послѣ того нѣсколько разъ парился въ печи и почувствовалъ глухоту въ лѣвомъ ухѣ. Посовѣтовали мнѣ тоже трубочкой вставить въ ухо писчую бумагу и зажечь; отъ жару произошелъ въ ухѣ шумъ, и на концѣ трубочки осыла грубая горошкомъ сѣра, отчего слухъ мой немного облегчился. Потомъ посовѣтовали мнѣ бумагу натереть воскомъ, а еще лучше—бѣлую тряпку напоять воскомъ и зажечь, наставя тоненькій конецъ въ ухо. Эти оба средства тоже я испыталъ и получилъ отъ нихъ изрядное слышаніе.

Прошло ваканціальное время, нужно ѣхать въ Тверь, а у меня на сердцѣ большая тревога: будетъ переводъ по всѣмъ классамъ, а я не экзаминованъ и готовиться къ экзамену по болѣзни, какъ слѣдуетъ, не могъ. Родитель мой, любя меня, при отпавкѣ въ Тверь 30 августа, далъ мнѣ 25 руб., подарить экзаминатору, учителю Тяжелову, чтобы не строго на экзаменѣ взыскивалъ и былъ снисходителенъ. Я за такое заботливое попеченіе о мнѣ родителя поклонился ему до земли и поцѣловалъ его руку. Со всѣми данными мнѣ харчевыми припасами я явился въ Тверь 1-го сентября и того же числа снесъ учителю рубль мѣди. Онъ спросилъ: «Быль-ли ты на экзаменѣ?»—Я отвѣтилъ: «По болѣзни не былъ».—«Счастье тебя постигнетъ, если не будетъ экзаминовать префектъ, а только Стефанъ Малахіевичъ». 2 сентября братъ мой пошелъ къ учителю Тяжелову и, подаривъ ему 25 р., просилъ снисхожденія ко мнѣ при экзаменѣ.—«Постараюсь, сколько силъ будетъ, а только не помѣшалъ бы префектъ: онъ во все вступается».

Черезъ нѣсколько дней вѣстно мнѣ явиться для экзамена въ квартиру учителя Тяжелова, которую онъ имѣлъ въ домѣ Семе-вовскаго священника Алексіа Томарова ¹⁾. Я явился утромъ, и

¹⁾ Алексѣй Алексѣвичъ Томаровъ былъ замѣчательною личностью въ свое время. Сынъ бѣднаго многосемейнаго повамаря села Вышкова, Ново-

учитель отвелъ меня въ садъ и въ бесѣдкѣ далъ мнѣ предложеніе составить періоды, а самъ ушелъ въ семинарію. Долго я придумывалъ и мучился, но долго не придумалъ даже, какъ и начать. Наконецъ кое-что написалъ. Пришелъ въ садъ хозяинъ, и я сталъ просить его поправить, но онъ отказался: «И радъ бы, любезный, но я уже отвыкъ отъ всего школьнаго». Возвратился изъ семинаріи мой экзаминаторъ, посмотрѣлъ мою работу и велѣлъ идти домой: «Поди домой, попроси брата поправить, поправленное пере-

торжескаго уѣзда, онъ, обучаясь въ семинаріи, по бѣдности ходилъ въ затрапезномъ халатѣ. Однажды увидѣлъ его Владыка Іоасафъ и подозвалъ его къ своей каретѣ. Томаровъ былъ юноша нетрусливый и смѣло подошелъ къ каретѣ. Владыка спросилъ его: „кто онъ и откуда? Онъ отвѣтилъ. Томаровъ былъ юноша красивый и поправился Владыкѣ. „Садись со мной въ карету и поѣдемъ въ Трехсвятское“. Томаровъ, ничтоже сумняся, смѣло усѣлся съ Владыкой въ карету; пріѣхали въ Трехсвятское; съ Владыкой проживала родная его мать. Владыка представилъ юношу матери и сказалъ: „Матушка! я нашелъ себѣ сына!“ Такимъ образомъ Леша Томаровъ остался у Владыки жить, и Владыка любилъ его, какъ сына. Леша продолжалъ числиться въ семинаріи, но едва-ли ходилъ туда, развѣ самъ Владыка занимался съ нимъ науками. По любви къ Лешѣ, отца его, видѣ не учившагося и едва умѣвшаго подписывать свое имя „Алексѣй Ивановъ“, изъ понамарей села Вышкова Владыка опредѣлялъ во священника въ село Ивановское-Овцыныхъ, а чтобы родное гнѣздо не оставалось правдымъ, опредѣлялъ въ вышковскіе понамари меньшого брата Лешы—Ивана. Въ послѣдніе годы жизни Владыки Іоасафа, въ 1787 или 1788 г., Алексѣй Алексѣвичъ Томаровъ опредѣленъ былъ во священника къ Тверской Семеновской церкви, служилъ при оной до 1847 г.; своею жизнью заслужилъ отъ всѣхъ почетъ и уваженіе, былъ протоіереемъ, кавалеромъ и имѣлъ дворянское достоинство. Несмотря на свою славу, великій почетъ и богатство, онъ со всѣми былъ въ обращеніи любезенъ и обходителенъ, къ своимъ роднымъ—добръ и гостепріименъ. 17 марта, день его именинъ, и 1 сентября,—престольный въ его храмѣ праздникъ, всѣ родные его—братья, сестры, племянники и племянницы, даже внуки по боковымъ линиямъ, всѣ были его постоянными гостями и пировали вмѣстѣ съ почетными и именитыми лицами г. Твери. Я, утѣ помнящій его, этого благообразнаго, небольшого роста старичка, влучатаый его племянникъ, еще 6—7-лѣтнимъ мальчишкой не разъ засѣдалъ за его столомъ вмѣстѣ со всѣми гостями и даже позволялъ себѣ капризничать. Особою любовью

пиши п завтра утромъ принеси сюда». На слѣдующій день далъ составить хрію; я тоже самъ дѣльнаго ничего не могъ сдѣлать, и опять Тяжеловъ позволилъ подать поправленное братомъ. На третій день данъ былъ переводъ изъ Эразма съ латинскаго на русскій, и переписанъ мной, опять исправленный братомъ. На четвертый день былъ устный экзаменъ по всемъ предметамъ, и я отвѣчалъ достаточно, и Тяжеловъ представилъ обо мнѣ отзывъ префекту съ доброй стороны.

Префектъ велѣлъ объявить мнѣ: «Пусть придетъ ко мнѣ въ Отрочъ монастырь,—я его испытаю самъ». Вотъ бѣда! Какъ тутъ быть? Дѣлать нечего, явился туда съ книгами. Префектъ далъ мнѣ предложеніе составить хрію, а самъ уѣхалъ въ правленіе и кон-систорію, членомъ которой состоялъ. Я думалъ—думалъ и кое-какъ написалъ. Подошелъ ко мнѣ монахъ Амвросій, учитель греческаго языка, товарищъ брата и знакомый; я попросилъ его поправить; онъ посмотрѣлъ мою работу и смѣясь сказалъ: «Ты умнѣ меня, вонъ какъ набороздиль». Другой, еще не постриженный въ монахи, бывшій первый студентъ Василій Ѳедоровичъ Яконовскій, сказалъ: «Что жъ мальчику терзаться? нужно помочь», взялъ мою тетрадь

всѣхъ гостей именитыхъ пользовался братъ Алексѣя Алексѣевича, вышковскій понамаръ Иванъ Алексѣевичъ, отличавшійся остроуміемъ и юморомъ. „Отчего это, Иванъ Алексѣевичъ, спрашивали его гости, всѣ братья ваши священники, а вы понамаремъ“? „Да Богъ лучше насъ знаетъ каждаго изъ насъ, гдѣ кому пригодно быть, отвѣчалъ И. А.: братья-то мои вебольно умны, ну, чтобы не пропали, и поставилъ ихъ попамъ; а Вапюшка, знаетъ Онъ, Всевѣдущій, что нигдѣ не пропадетъ, ну, и суиуль въ понамари“. У Алексѣя Алексѣевича было два сына: Дмитрій Алексѣевъ, товарищъ по С.-Петербургской академіи Высокопреосвященнаго Григорія Постникова, магистръ 1 курса, и Василій—псудачникъ; оба умерли бездѣтными. Умеръ Алексѣй Алексѣевичъ, какъ я сказалъ, въ 1847 г., и погребеніе его совершалъ самъ Владыка Григорій, бывшій тогда Тверскимъ, и провожалъ тѣло его до Смоленскаго кладбища и самолично предалъ землѣ. Память о немъ достаточно долго сохранялась въ Твери, и теперь, если остался въ живыхъ помнявшіе его, непременно отзовутся о немъ самымъ добрымъ словомъ. Прот. В. Невскій.

и написал хрію. Спасібо ему, добряку!—Я написал хрію набѣло и подаль возвратившемуся префекту. Онъ, принявши, сказалъ: «Завтра приходи на экзамень въ Трехсвятское, въ архіерейскій домъ; тамъ соберутся учителя и ученики, не бывшіе на экзамень». Утромъ я явился въ Трехсвятское; тамъ уже были префектъ и учителя; вызвали насъ троихъ, изъ которыхъ Иванъ Пѣшеховъ былъ родной племянникъ префекта. Сначала заставляли переводить съ латинскаго на русскій пхъ двохъ, потомъ и меня. Я переводилъ по грамматическому смыслу просто, а префектъ заставлялъ переименовывать по ученому фигурному смыслу. Учителя Упирвицкій и Тяжеловъ защищали меня, что я имѣю способность учиться, а недоумѣваю отъ того, что 4 мѣсяца по болѣзни не занимался, но онъ, префектъ, не обратилъ вниманія на ихъ представленіе. Списокъ переводовъ былъ отосланъ на утвержденіе къ Архіерею въ Петербургъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, и лестно было назваться студентомъ и носить имя философа. Черезъ двѣ недѣли пришло отъ Владыки утвержденіе; префектъ ходилъ по классамъ и дѣлалъ переводы, пришелъ и въ нашъ классъ и объявлялъ: «Пресвященныи за успѣшныя труды удостоилъ переводомъ въ философскій классъ съ наименованіемъ студента учениковъ, которыхъ иисьмоводитель прочитаетъ по списку». Прочтанны были имена 100 человекъ, но моего имени нѣтъ. Сердце мое дрогнуло; разузналъ я послѣ, что противъ моего имени отмѣчено: «три мѣсяца не ходилъ въ школу по болѣзни». А племянникъ префекта оказался переведеннымъ, который учился лѣнивѣе и хуже меня. Сообщили отцу о моей неудачѣ; отецъ отвѣтилъ: «Пусть продолжаетъ учиться, а выходить вонъ, особенно въ подьячіе, нѣтъ моего благословенія». И пришлось остаться мнѣ въ слезахъ еще на два года въ реторикѣ. Оставлено было всѣхъ болѣе ста человекъ; переводъ былъ стѣснительный и напряженный именно отъ жестокости префекта, архимандрита Сергія Пѣшехова, и при томъ несправедливый: многіе недостойные и неспособные, какъ Иванъ Пѣшеховъ и другіе родственники префекта, были переведены, а многіе способные и достойные, которые послѣ поступили въ академію, оставлены. Всѣ оставленные восплакали—возры-

дали, погоревали, потужили, но дѣлать нечего, дѣться некуда: на мѣста въ причетники никого не пускали, кромѣ тѣхъ, у кого отецъ умеръ, или по просьбѣ прихожанъ, а козьми паче въ приказные; велѣли учиться, и учились нѣкоторые въ реторикѣ по 6—8 лѣтъ.

Въ 1809 году духовныя учебныя заведенія были преобразованы: въ семинаріи низшіе классы съ классомъ поэзіи упразднены; въ уѣздныхъ городахъ открыты уѣздныя высшее и низшее и приходскія высшее и низшее училища. Братъ мой назначенъ учителемъ въ Красный-Холмъ. У бригадира Чагина кондицію ему захотѣлось сдать мнѣ, для чего представилъ барину почеркъ моего чистописанія, который баринъ похвалилъ. Учить нужно было 5-хъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и 3 дѣвочекъ, за 10 р. асс. въ мѣсяцъ, ходить въ усадьбу барина Райково каждый день пѣша, заниматься съ дѣтьми 2 часа и уѣзжать въ Тверь на барской лошади; усадьба была въ 2 верстахъ отъ Твери. Мнѣ это дѣло было особенно лестно потому, что я буду имѣть свои деньги. Когда я первый разъ явился въ Райково, баринъ прежде всего попросилъ меня складокъ по проппси, чтобы узнать, точно-ли я такъ пишу, какъ было представлено братомъ. Я написалъ, и мое писанье баринъ весьма одобрилъ. Первый вечеръ ученья я занимался съ дѣтьми часа три, къ каждому дитяти подходилъ сзади стула, поправлялъ ихъ, а самъ не садился, чтобы не оказать небрежности, за что, по слухамъ, былъ похваленъ баринотъ и барыней. Такимъ образомъ училъ я дѣтей по два часа каждый вечеръ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, и по прошествіи октябрю мѣсяца получилъ въ награду за ученье 10-рублевую бумажку. Заведясь своимъ деньгами, я издерживалъ ихъ не столько на пищу, сколько на окупированіе себѣ въ нарядахъ, отличныхъ отъ товарищей, такъ какъ именуюсь учителемъ и входилъ въ дворянскій домъ, но и пищею себя не истомлялъ, пріятелей и товарищей, способниковъ мнѣ въ сочиненіяхъ, сбитенькомъ по временамъ употчивалъ.

Однажды прихожу я въ Райково, барина, барыни и старшей дочери Елены Ивановны нѣтъ: отъѣхали въ Петербургъ, гдѣ старшихъ три сына обучались въ кадетскомъ корпусѣ. Оставался съ дѣтьми французъ—Иванъ Петровичъ Мустонъ, обучавшій дѣтей

своему модному языку. Послѣ моихъ уроковъ онъ зазвалъ меня къ себѣ въ комнату, напоилъ чаемъ и предложилъ чашку съ князярской водкой, чего я совсѣмъ не понималъ и не пивалъ. Питье мнѣ показалось пріятнымъ, но послѣ, когда лицо мое запылало краской, я потребовалъ лошадей и скорѣе уѣхалъ: мнѣ стыдно и совѣстно стало; явилось сожалѣніе и боязнь, чтобы не дошелъ слухъ до господъ, и меня не сочли бы непотребнымъ приверженцемъ къ сему.

На Рождество Христово я отправился на родину, туда же пріѣхалъ и братъ-учитель. Онъ объявилъ свое положеніе довольнымъ и показалъ 100 р. остаточныхъ отъ расходовъ, а я 10 руб., оставшихся отъ расхода на пищу и одѣяніе. Родители очень радовались, что дѣти стали содержать сами себя. По приходу съ родителемъ я все-таки ходилъ, и мнѣ давали, какъ прежде, рѣшето овса. Вечеромъ братъ ходилъ на собранія дѣвицъ увеселять игрою на скрипкѣ, но и мнѣ было уже 18 лѣтъ, и по естеству человѣческому я началъ чувствовать желаніе къ увеселеніямъ и не имѣлъ наклонности быть отверженнымъ отъ міра. Родитель возбранялъ это, но мать снисходила. Прогуливали мы до часу ночи и возвращались домой, нельзя сказать, что не смущенными помыслами, но не дѣйствіями.

1810 г. 6 января родитель велѣлъ готовить къ отъѣзду въ Тверь всѣ жизненные припасы: муку, мясо и пр. 7-го — благословивши меня на отъѣздъ, сказалъ: «жизненное продовольствіе я тебѣ даю, но денегъ не даю: самъ имѣешь оныя снискивать; старайся быть въ любви у господъ, съ слугами обращай не гордо, но не имѣй съ ними дружелюбнаго совѣта и компаніи, въ особенности съ женскимъ поломъ; удаляйся ихъ ласкательствъ и даже самыхъ взоровъ, чтобы не впасть въ подозрѣніе, отчего можешь лишиться благоволенія господъ; въ ученьи, какъ возможно, старайся, чтобы не упрекали, что ты изъ-за оной кондиціи дѣлаешься небрежнымъ къ наукамъ; часы карманные, которые подарены отъ приказчика Леонасія Степановича, непременно съ работникомъ пришли; они даны не тебѣ, а брату большому». Въ дорогѣ не случилось никакихъ приключеній, и 9-го я пріѣхалъ въ Тверь.

Первымъ дѣломъ въ Твери было взять часы у понамаря Скорбященской церкви Нила Матвѣева Трунева. Какая была простота души ввѣрить драгоценную вещь и при томъ не собственную человѣку, недознанному въ нравственномъ поведеніи! Онъ выпросилъ ихъ у меня хитростью, чтобы не просыпать заутрени; парень онъ былъ холостой и разгульный. Прихожу къ нему и требую. «Ахъ, любезный! я ночевалъ у пріятеля, проспѣвши къ заутренѣ и забывъ ихъ; сейчасъ схожу и принесу». Вечеромъ, дѣйствительно, онъ принесъ ихъ; я, не обративши на нихъ должнаго вниманія, принялъ и повѣсилъ. Утромъ посмотрѣлъ, а они не ходятъ—стоятъ; я сейчасъ понесъ ихъ къ часовому мастеру; осмотрѣвши ихъ, мастеръ сказалъ: «Они уже у меня были и не совершенно исправлены: ужъ очень испорчены,—нужно цѣлый день ихъ исправлять». «Милостивый государь, исправь ихъ поскорѣе, сказалъ я: мнѣ ихъ сегодня же нужно отослать къ родителю». Онъ конался съ ними цѣлый часъ, а я дождался; исправилъ, но не совершенно; принесши въ квартиру, я опять завернулъ ихъ и отдалъ работнику доставить отцу. Послѣ, встрѣтивши Нила, я сдѣлалъ ему выговоръ, зачѣмъ часы карманные испортилъ. «Виновать, отвѣтилъ онъ: я былъ на вечеру съ пріятелями въ святки и, пришедши домой, распоясался, совершенно забывши объ нихъ; они упали, и разбилось стекло; я снесъ ихъ къ мастеру, и онъ, кажется, исправилъ ихъ; прости, я за это тебѣ заслужу». Прерывать съ нимъ знакомство изъ-за часовъ я не хотѣлъ, потому что часто занималъ у него деньги.

На масленицѣ приказчица изъ Райкова, пожилая дѣвица 35 лѣтъ, въ отсутствіе господъ, прислала мнѣ въ гостинецъ кувшинъ молока. Мнѣ нужно было отблагодарить ее, а понамарь Нилъ давно просилъ меня познакомить его съ райковскими дѣвицами; ихъ было три и всѣ не молодыя, старше 30 лѣтъ, но однако честныя по поведенію. По совѣту Нила, купилъ я штофъ кизлярской водки въ благодарность за молоко, и поѣхали мы на ямщичьей лошади. Тамъ угощали насъ блинами, оладьями, чаемъ, кофе и пушиемъ съ нашей водкой, но предлагаемаго отъ нихъ травника не пили, не любили. Этотъ подарокъ я сдѣлалъ потому, что иногда въ не-

погоду не приходилъ учить дѣтей, иногда не выполнялъ часовъ ученія, то, чтобъ не насказала барыню о моей лѣности, а не по стремленію молодости. Нѣтъ, я весьма стыдился и гнушался даже и намекъ дѣлать къ этому стремленію.

Въ это время моя хозяйка, барышня Зурова, предложила мнѣ купить у ней фракъ отличнаго сукна послѣ родственника-чиновника, который по дѣламъ своимъ ввергнулъ себя въ арестанты. Я любилъ чисто и пышно одѣваться и купилъ фракъ за 10 руб.; своихъ было только 5 руб., а остальные 5 руб. далъ въ заемъ понамарь Нилъ Матвѣевъ.

Скоро барышня Зурова продала свой домъ, и я вынужденъ былъ искать новую квартиру; нашелъ ее въ той же улицѣ черезъ домъ у приказнаго Ширева, гдѣ стоялъ инспекторъ этой улицы, студентъ богословія Павелъ Княппинскій. Онъ позавидовалъ мнѣ, что я получаю за кондичію 10 руб., и сталъ дѣлать мнѣ притѣсненія, наконецъ, донесъ словесно въ правленіе, что я вчеромъ неизвестно куда отлучаюсь и возвращаюсь въ 11 часу ночи. Узнавши это, я убоился и въ Св. Пасху пошелъ къ префекту, іером. Арсенію, похристосоваться и поздравить съ праздникомъ, давши ему крашеное яйцо и рубль серебряный денегъ, и рассказалъ ему подробно о дѣйствіяхъ моего инспектора. «Хорошо, сказалъ префектъ; репорта нѣтъ; я спрошу учителя о твоихъ уснѣхахъ и поведеніи и, если одобритъ, могу помочь тебѣ». Послѣ того я пошелъ къ члену правленія Тяжслову и рассказалъ тому объ инспекторѣ. Онъ далъ мнѣ совѣтъ сойти съ квартиры въ другую инспекцію: «Онъ не можетъ притѣснять тебя, я постараюсь въ твою пользу». Такія рѣчи начальниковъ ободрили и успокоили меня. Сойти съ квартиры была и другая причина: меня очень беспокоила и тревожила хозяйка; бывъ всегда пьяною, не боясь мужа, также пьянаго, не стыдясъ матери и дѣтей своихъ, она постоянно привязывалась ко мнѣ съ своими любезностями, и я, хотя имѣлъ благодарную душу и страхъ Божій, всегда ругательски отталкивалъ ее и тѣмъ избавлялся отъ ея безстыдства, но это мнѣ весьма надобдало. Послѣ Пасхи, пока еще не пріѣхалъ

одноквартирецъ-инспекторъ, я перешелъ на другую квартиру. Увидя меня, онъ спрашивалъ о причинѣ перемѣны квартиры. Я, не желая оскорблять его, сказалъ: «На квартиру поставили двоихъ барабанщиковъ; они мнѣ показались подозрительны и шумны, поэтому я и сошелъ». Однако онъ и того инспектора, подъ смотрѣніемъ котораго я стоялъ на квартирѣ, подущалъ на свои замыслы, но тотъ, будучи мною обласканъ и угощенъ, не внималъ его наговорамъ, и я небоязненно продолжалъ ходить на кондицію и получать 10 р. въ мѣсяцъ. На святую пріѣхалъ баринъ и благодарилъ меня за успѣхи дѣтей.

Съ 1808 г. по 10 окт. 1810 г. При наступленіи мая рекреацийъ было, по прежнему порядку, 4 или 5, но безъ отдыха на другой день. Ректоръ, архимандритъ Іоасафъ Срѣтенскій, на рекреации не пріѣзжалъ, веселья не любилъ, былъ строгой жизни, у себя никого не угощалъ и самъ къ другимъ по зву отъ обѣдни не ѣздилъ. Учителя на рекреации приходили, и префектъ, іеромонахъ Арсеній, былъ веселью начальникъ. вѣчная ему память!

Экзамена въ этомъ году для меня не было: мнѣ приходится еще годъ быть въ ученіи этого класса.

21 мая старшая барышня Елена Ивановна Чагина была именинница. Она была ученица брата и часто поддерживала меня предъ родителями, когда я почему-либо не исполнялъ назначенныхъ часовъ ученія. Въ благодарность за это, я поднесъ ей фунтъ миндаальныхъ орѣховъ на рубль мѣди; она приняла милостиво и отзывалась о мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. 24 іюня—въ день моихъ именинъ она отблагодарила меня, приславши въ подарокъ шелковый, шитый цвѣтами, левантиновый платокъ для шее. Къ этому дню я приготовлялся особенно, чтобы поприрадовать съ товарищами-пріятелями: купилъ два штофа вина, бутылку бѣлаго, приготовилъ пироги, рыбы и закусокъ. Нужно было идти къ обѣднѣ въ этотъ день, а у меня не было хорошихъ сапоговъ и шляпы, поэтому я выпросилъ эти вещи у монаха Нила, которому давалъ часы, въ нихъ срядился и пошелъ въ церковь, и за молебенъ заплатилъ 25 коп. Когда собрались пріятель, то угощеніе

для нихъ я приготовилъ въ саду; они тамъ пировали до захожденія солнца и угостились довольно. Я вздумалъ ихъ проводить, надѣлъ канфасовый шлафоръ отличнаго вида, которымъ я всегда любовался, взялъ скрипку, чтобъ веселѣе были проводы; сапоги, шляпу и пр. вещь оставилъ въ саду, гдѣ остался лежать товарищъ Филиппъ Ивашевъ. Когда я проводилъ, услышалъ шумъ на квартирѣ понамаря, которая была на углу возлѣ моей, и взмошелъ: вижу,—сидитъ хозяйка, при ней двѣ дочери и еще двѣ дѣвицы. Нилъ упросилъ меня поиграть на скрипкѣ, и я пробылъ тамъ около часу. Когда же возвратился въ свой садъ, нашелъ Ивашева спящимъ, а моей шляпы, сапоговъ и оловянной тарелки нѣтъ; бужу Ивашева и спрашиваю его: гдѣ же вещь?—«Я не знаю, слышалъ, что кто-то входилъ и бралъ, но я в глаза не открылъ, думая, что это ты». Сталъ всюду искать, нѣтъ нигдѣ. Хорошо, что я надѣлъ 10-рублевый халатъ и взялъ скрипку, которая стоитъ 25 руб., а то бы и это все похитили.

1810-мъ годомъ кончаются записки священника Іоанна Соловьева о воспитаніи его въ семинаріи. Очень знаменательные для Россіи въ общественномъ и политическомъ отношеніи годы—1811—13 почему-то имъ опущены. Съ 1814 г. опять ведется имъ подробная записъ о жизни его, и начинается она хаотично о выходѣ изъ семинаріи и пріисканіи мѣста, что составитъ уже особый отдѣлъ, въ которомъ найдется, при мелочной подробности, немало интереснаго.
